Министерство образования и науки
Российской Федерации
Саратовский государственный технический
Университет имени Ю. А. Гагарина

М. В. Ковалев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПРАГЕ В 1920 – 1930-Е ГОДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Саратов 2014

УДК 947:901
ББК63.3 (2)
К 56

Исследование подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
Проект № 14-41-93501к2 (2014).

Рецензенты:
Доктор исторических наук, профессор В. С. Мирзеханов
Кандидат исторических наук, доцент А. С. Майорова

Ковалев М. В.
К 56 Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920 – 1930-е годы: исторические очерки / М. В. Ковалев. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т имени Ю. А. Гагарина, 2014. 154 с.
ISBN …….

Книга посвящена повседневной жизни русской эмиграции в Праге, ставшей в 1920 – 1930-е годы интеллектуальной столицей Зарубежной России. В книге раскрываются особенности бытовой культуры, жизненного уклада и повседневных практик русских эмигрантов. К ним относятся проблемы адаптации к новой культурной среде, восприятия городского пространства, решение квартирного вопроса, обустройство жилья, одежда и мода, лингвистические стереотипы и т.д. Особый упор был сделан на изучение повседневных практик ученых и студентов, составлявших значительную часть русской диаспоры в чехословацкой столице.

Книга предназначена научным работникам, аспирантам, студентам вузов и всем, кто интересуется историей российской эмиграции 1920 – 1930-х гг.

УДК 947:901
ББК63.3 (2)

ISBN …….

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

События 1917 г. и Гражданской войны, которые раскололи российское общество, привели к эмиграции сотен тысяч человек и возникновению уникального исторического феномена – Зарубежной России. Русские эмигранты стали свидетелями колоссальных социальных, политических, экономических и культурных сдвигов. Миллионы людей оказались невольными участниками переломных исторических событий. На их глазах рушился прежний мир, изменялись общественные отношения, возникала новая иерархия ценностей. Изгнание заставило их по-иному организовывать свою жизнь и работу в новом социальном и культурном пространстве. В 1920 – 1930-х гг. не было, пожалуй, на Земле места, где бы ни жили русские беженцы. География русского рассеяния охватывала все без исключения страны и континенты. Уже в начале 1920-х гг. возникло несколько крупных эмигрантских центров – Париж, Берлин, Белград, София, Рига, Харбин. Одним из таких центров была Прага. Благодаря поддержке правительства Чехословацкой республики она превратилась в интеллектуальную столицу Зарубежной России.

В 1990-х гг. наблюдался огромный всплеск интереса к истории российской эмиграции как в самой России, так и за границей. Это вызвало появление широкого круга научных работ. Но эмигрантская тема отнюдь не была исчерпана. Она попрежнему сохраняет научную значимость и общественный интерес. Такая ситуация объясняется наличием большого поля неизученных вопросов и спорных проблем. О. Р. Демидова обоснованно подчеркивает, что вместе с расширением знаний о Зарубежной России в современной российской науке укоренился ряд мифологем. Одна из них заключается в том, что отрицание прежних идеологических стереотипов привело к формированию новых, произошло «резкое перемещение от абсолютного минуса в восприятии к абсолютному плюсу». С другой стороны, укоренились мифологические представления, родившиеся еще в 1920 – 1930-е гг. в эмигрантской среде. В результате сложилась «культурная легенда» о русской эмиграции, которая сводит все многообразие феномена к неко-

ей стремящейся к единообразию упрощенной формуле»[1]. Образы эмиграции и эмигрантов эстетизируются и героизируется. Изгнание рассматривается как подвиг во имя русской культуры. Такой подход упрощает понимание феномена Зарубежной России, он вытесняет все остальные смыслы и в значительной степени заслоняет и искажает «бытийственный аспект истории диаспоры как жизни внутри свершившейся катастрофы»[2]. Действительно, основное внимание современных российских исследователей было сосредоточено на истории политической мысли эмиграции, ее культурном и научном наследии. Проблематика повседневной жизни долгое время находилась в тени. Вместе с тем изучение эмигрантской повседневности как особой культурной категории выглядит вполне плодотворным. Оно позволит глубже понять особенности внутреннего развития диаспоры, ее связей с внешним культурным окружением, но при этом максимально дистанцироваться от идеологических оценок. Нельзя не согласиться с мнением И. Б. Орлова, что в «анализе повседневной жизни лежит ключ к разгадке часто возникающего при знакомстве с конкретными судьбами вопроса: как могли люди выжить и сохранить человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи», «как люди приспосабливались к жизненным обстоятельствам»[3].

В современных исследованиях о повседневной жизни присутствует определенная терминологическая эклектика и методологический плюрализм[4]. Еще Ю. М. Лотман, исследуя русское дворянство XVIII – XIX вв., определял быт как «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах». Для него это был «весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга»[5]. Американская исследовательница

---

[1] *Демидова О. Р.* Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья. СПб., 2003. С. 7 – 8.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 4.

[4] Там же. С. 9; *Кром М. М.* Историческая антропология. СПб. – М., 2010. С. 170 – 172; *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 80.

[5] *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 10, 12.

Шейла Фицпатрик, широко известная в мире своими трудами по социальной истории СССР 1920 – 1930-х гг., при изучении истории повседневности фокусирует взгляд на обиходных практиках, то есть «формах поведения и стратегиях выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях»[6]. Несмотря на некоторую разность подходов Ю. М. Лотмана и Ш. Фицпатрик, и на то, что изучали они разные исторические феномены, нельзя не заметить сходной черты их концепций. Понятие «быт» выступает у них как многомерная историко-культурная, социальная и психологическая категория. Она включает в себя обычаи и привычки, модели поведения, образ жизни, нравы определенной социальной группы в определенный исторический период. Современные философы признают, что «структуры повседневности, как специфически организованные дисциплинарные пространства общества, образуют фундамент всех социальных институтов»[7]. Быт определяет иерархию индивидуальных и общественных ценностей, которая влияет на формирование общественного сознания и социокультурного пространства[8]. Автор этих строк в своих работах обосновывал необходимость изучения научного быта русских эмигрантов, как совокупности жизненного уклада, привычек и нравов ученых. Он представлял собой повседневную, бытийственную реальность, в пространстве которой протекала исследовательская работа, и происходило создание научного знания, а также организовывалась жизнь самих ученых[9]. Многие современные авторы в тоже время подчеркивают принципиальную разницу между исследованием быта и повседневности: «в центре внимания … находится не просто быт, а жизненные проблемы и их осмысление современниками изучаемых событий», «историк повседневности анализирует эмоциональные реакции людей на то, что их в быту окружает, концентрирует внимание на субъективном жизненном опыте людей»[10]. С точки зрения Н. Л. Пушкаревой,

---

[6] *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 7, 9 – 10.

[7] *Магомедова А. А.* Феномен повседневности (социально-философский анализ). Автореферат дисс. канд. филос. наук. СПб., 2000. С. 3.

[8] Там же. С. 9.

[9] *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920 – 1940 гг.). Саратов, 2012. С. 8.

[10] *Орлов И. Б.* Указ. соч. С. 8.

история повседневности фокусирует внимание на «сфере человеческой обыденности во множественных историко-культурных, историко-событийных, этнических и конфессиональных контекстах»[11].

Теоретические основы проблем повседневности активно осмыслялись в рамках феноменологической школы. Для ее представителей проблемы бытия и повседневных жизненных практики были одними из ключевых. Эдмунд Гуссерль, введя понятие «жизненного мира», воспринимал его как субъективный мир повседневности, наполненный разнообразными значениями и смыслами. Его идейный последователь Альфред Шютц видел в повседневности одну из сфер реальности, первичную по отношению ко всем другим сферам. Он понимал под ней весь социокультурный мир в том виде, как он воспринимается человеком, воздействует на него и подвергается его воздействию. В концепции А. Шютца повседневность трактуется как «сфера человеческого опыта, которая характеризуется особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности»[12].

Широкая трактовка понятия «повседневность», применяемого в различных социальных и гуманитарных науках, дает большое поле для исследования. Оно включает в себя пространство обитания в быту, хронометраж жизни, формы досуга, ролевые функции в разных группах, тактики языкового поведения, особенности социализации, формы питания, будничные и праздничные ритуалы, специфику межличностных отношений и много другое[13]. Впрочем, в задачу нашей работы не входит вступать в методологические дискуссии и давать глубокую аналитическую оценку существующих подходов и исследовательского инструментария. Поэтому при подготовке книги упор был сделан на использовании конкретных наработок и приемов, позволявших по-новому взглянуть на феномен повседневной жизни русской эмиграции.

Повседневное измерение эмигрантской жизни позволит лучше понять закономерности развития русской диаспоры за

---

[11] *Пушкарева Н. Л.* История повседневности: предмет и соотношение понятий // Социальная история. Еежегодник, 2007. М., 2008. С. 9.

[12] См.: *Григорьев Л. Г.* «Социология повседневности» Альфреда Шютца // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 125.

[13] *Орлов И. Б.* Указ. соч. С. 7.

рубежом, морально-психологическое состояние беженцев, их социальное положение, проблемы межкультурного диалога и др. Поэтому в представляемой на суд читателя книге предметом исследования станут разнообразные формы повседневной жизни русских эмигрантов, межличностные и групповые отношения, профессиональная этика, практики конкуренции и сотрудничества, взаимоотношения с местной культурной средой и др.

Выбор Праги в качестве исторического и пространственно-географического объекта для изучения выглядит вполне закономерным в силу ряда обстоятельств. В 1920 – 1930-е гг. благодаря поддержке чехословацких властей она превратилась в интеллектуальную столицу Зарубежной России. Несмотря на то, что русская диаспора в Праге изначально количественно уступала парижской или берлинской, ее качественный состав заметно выделялся. В эмигрантском сознании она воспринималась как город профессоров и студентов, которые прибыли туда по приглашению правительства республики для продолжения научной работы и образования. Закономерно, что город снискал славу «русского Оксфорда». Впрочем, об обстоятельствах превращения Праги в интеллектуальную столицу Зарубежной России еще будет сказано специально. Здесь важно отметить другое. Именно особый состав диаспоры определял характер эмигрантской повседневной жизни в Праге и отличал ее от жизни в других центрах.

Вокруг изучения истории послереволюционной эмиграции, в том числе русской диаспоры в Чехословацкой республике, на сегодняшний день сформировался значительный круг научной литературы. Большой опыт в этом направлении был накоплен в зарубежной историографии. Ведущие позиции здесь занимают, разумеется, чешские ученые[14]. Первые работы по интересующей проблеме появились еще в 1920 – 1930-ее гг., но почти все они были малы по объему и затрагивали очень узкие сюжеты. После Второй мировой войны, когда чешская столица уже перестала быть одним из центров Зарубежной России, а к власти в стране пришли коммунисты, исследование русской эмиграции чешскими учеными значительно

---

[14] См.: *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX – XX в.). М., 2004. С. 210 – 228.

ослабло. Показательно, что когда в 1969 г. в Праге возникло первое сообщество по изучению культурного наследия русской эмиграции в Чехословакии, в которое вошли профессор З. Матхаузер, М. Арнаутова, М. Ботура, Х. Врбова и В. Морковин, то его деятельность почти мгновенно была пресечена по политическим мотивам[15]. Новый этап в развитии чешской историографии наступил в конце 1980-х – 1990-х гг. В 1992 г. в Брно была издана первая обобщающая монография о русской эмиграции в Европе, значительное место в которой было уделено и пражскому центру[16]. Ее авторами выступили видные чешские слависты Мартин Путна и Милуше Задражилова. В составе Славянского института в Праге под руководством доктора Любови Белошевской возник специальный исследовательский отдел по изучению русской эмиграции, который сегодня добился значительных научных успехов.

Результатом плодотворной работы чешских ученых стало проведение нескольких международных конференций. Важнейшими вехами чешской историографии стали выход в свет тематического номера журнала «Slovanský přehled»[17], публикация четырехтомного сборника статей «Русская и украинская эмиграция в Чехословакии в 1918 – 1945 гг.» (1993 – 1995)[18], материалов международной конференции «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами» (1995)[19], а также тематических сборников[20] и справочных изданий[21]. К успехам последних лет следует отнести появление «Хроники культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике», ко-

---

[15] См.: *Běloševská L.* Slovanský ústav a ruská emigrace // Slavia. S. 1999. T. 68. № 3 – 4. 467 – 470. S. 470.

[16] *Putna M., Zadražilová M.* Rusko mimo Rusko: dějiny a kultura ruské emigrace 1917 – 1991. Brno: Petrov, 1993. Sv. 1., 1994. Sv. 2.

[17] Slovanský přehled. 1993. № 1.

[18] Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945. Praha, 1993. Sv. 1; 1994. Sv. 2; 1995. Sv. 3; 1996. Sv. 4.

[19] Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995. Т. 1 – 2.

[20] Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999.

[21] Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918 – 1945. Praha, 1996. Sv. 1 – 3.

торая обобщила сведения о всех важнейших эмигрантских мероприятиях межвоенного времени[22]. Широкое признание получили исследования Зденека Сладека[23], Светланы Тейхмановой[24], Вацлава Вебера[25], Ивана Савицкого[26], Эмиля Ворачека[27], Любови Белошевской[28], Милуше Бубениковой[29],

---

22 Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2000. T. I: 1919 – 1929; 2001. T. II: 1930 – 1939.

23 *Sládek Z.* Ruská emigrace v Československu // Slovanský přehled. 1993. № 1. S. 1 – 13; *Eadem.* O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 20 – 25; *Eadem.* České prostředí a ruská emigrace // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999. S. 7 – 46; *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. 1991. № 6. 24 – 36; *Он же.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28 – 38; *Он же.* Крамараж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2002/2001. T. V – VI. С. 39 – 54 etc.

24 *Tejchmanová S.* Politická činnost ruské a ujrajinské emigrace v Československu v letech 1920 – 1939 // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 3 – 19; *Eadem.* Ruská lidová (svobodná) univerzita v Praze // Slovanský přehled. 1994. № 2 etc.

25 *Veber V.* Strana eserů v moderních ruských dějinách a v Praze // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 20 – 31; *Eadem.* Dny ruské kultury // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 90 – 93 и др.

26 *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914 – 1938. Praha, 1999; *Савицкий И. П.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919 – 1939 гг. // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995. Т. 1. С. 46 – 53; *Он же.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999; *Он же.* Прага и Зарубежная Россия: Очерки по истории русской эмиграции 1918 – 1938 гг. Praha, 2002 и др.

27 *Voráček E.* Vzestupy a pády eurasijstvi // Slovanský přehled. 2001. № 4. S. 451 – 481 etc.

28 *Běloševská L.* Op. cit. S. 467 – 470; *Белошевская Л.* Молодая эмигрантская литература Праги (Объединение «Скит»: творческое лицо) // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999. С. 164 – 203; *Она же.* Русские литературоведы-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 26 – 33 и др.

Иржи Вацека[30], Лукаша Бабки[31], Анастасии Копрживовой[32] и др. Последней исследовательнице принадлежит особый вклад в изучении эмиграции с точки зрения повседневной жизни. Именно она впервые рассмотрела проблемы обеспечения эмигрантов жильем, темы досуга и отдыха, одежды и моды и др. Особенностью работ чешских историков является повышенное внимание к проблеме «Русской акции», роли президента Томаша Масарика в процессе выработки этой гуманитарной программы, жизни и деятельности русских писателей и журналистов в Чехословакии. Вместе с тем, в современной чешской науке имеется немного работ, которые бы иллюстрировали внутреннюю жизнь эмигрантского сообщества.

В Великобритании ряд работ по истории русской эмиграции в Чехословакии был опубликован работавшей там русской исследовательницей Еленой Чиняевой[33]. В своих трудах

---

29 *Бубеникова М.* Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из Советской России – «Русская акция» // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 14 – 19; *Она же.* Чешско-русская еднота в собраниях пражских архивов // Russia in Czech Hitoriography: Studies published by the Prague Group of Russian history specialists. Praha, 2002. С. 375 – 396 и др.

30 *Vacek J.* Knihy a knihovny, archívy a muzea ruské emigrace v Praze // Slovanský přehled. 1993. № 3. S. 63 – 74: *Вацек И., Бабка Л.* Голоса изгнанников: Периодическая печать эмиграции из Советской России (1918 – 1945). Прага, 2009.

31 *Babka L.* Jan Slavík a osudy Ruského zahraničního historického archivu // Život plný střetů: Dílo a odkaz historkia Jana Slavíka / Sest. L. Babka a P. Roubal. Praha, 2009. S. 225 – 246.

32 *Kopřivová A.* Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921 – 1952). Praha, 2001; *Копрживова А.* Русский заграничный исторический архив // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, Т. 1. С. 66 – 69; *Она же.* Крамарж и «Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехсолвоакии» // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2002/2001. Т. V – VI. С. 71 – 84; *Она же.* Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 5 – 28.

33 *Chinyaeva E.* Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce // Ibid. S. 14 – 24; *Eadem.* Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií - 2). Praha, 1994. S. 46 – 64; *Eadem.* Russian emigration: in search for identity. (The example of the Russian émigré community in

она одной из первых обратила внимание на необходимость изучения русской диаспоры в контексте чехословацкой истории. Поэтому она отвела столь много места исследованию непростых контактов русских эмигрантов с чешским обществом, политической борьбе в Чехословакии вокруг «русского вопроса», проблемам исторической памяти и межкультурного диалога. В 2004 г. вышла в свет совместная работа профессора Оксфордского университета Екатерина Андреевой и ее чешского коллеги Ивана Савицкого, ставшая первой обобщающей работой по истории «русской Праги»[34]. Примечательно, что написана она детьми двух известных историков-эмигрантов – П. Н. Савицкого и Н. Е. Андреева. Эта работа на сегодня является единственным обобщающим исследованием о различных аспектах жизни русской диаспоры в чехословацкой столицы.

Ученые США впервые обратились к эмигрантской тематике в начале 1930-х гг.[35] Но в тот период таких попыток было немного. Всплеск интереса к русской истории произошел в США после Второй мировой войны. Тогда же началось систематическое изучение русской эмиграции. Американские исследователи долгое время обращали внимание в основном на ее политические и культурные аспекты. Здесь следует упомянуть обстоятельные исследования Р. Уильмса, Р. Джонстона, Д. Стефана, Н. Рязановского, Т. Рихи, Р. Хагглунда, Д. Глэда и др. Большим вкладом в американскую историографию стали труды профессора Колумбийского университета Марка Раева[36]. Особо стоит отметить его монографию по истории культуры русской эмиграции, вышедшую в 1990 г., а в 1994 г. из-

---

Czechoslovakia) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Praha, 1995. Т. 1. P. 54 – 65; *Eadem.* Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918 – 1938. München, 2001.

[34] *Andreyev C., Savický I.* Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918 – 1938. New Haven – L., 2004.

[35] *Huntington W. C.* The Homesick million Russia-out-of-Russia. Boston, 1933.

[36] *Раев М.* В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. Нью-Йорк, 1995. Кн. 196.С. 348 – 358; *Raeff M.* Introduction // Les historiens de l'émigration russe. Paris, 2003. P. 7 – 17; Idem. Recent Perspectives on the History of the Russian Emigration (1920 – 1940) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. № 2. P. 319 – 334 etc.

данную в русском переводе[37]. Достоинством книги является детальная прорисовка жизни эмигрантского сообщества, изображение жизни эмигрантов на фоне общемировых процессов. Впрочем, в силу своего обобщающего характера специально пражская диаспора в книге не рассматривалась.

В послевоенный период в европейской историографии появилось немало работ о русской эмиграции. Здесь следует назвать работы немецких исследователей Отто Бёсса[38], Карла Шлегеля[39], швейцарца Патрика Серио[40], француженки Марлен Ларюэль[41], поляков Романа Беккера и Рышарда Парадовского[42]. Но пражская тема затрагивалась ими лишь вскользь.

В отечественной историографии эмигрантская тема вплоть до конца 1980-х гг. была запретной. Первые попытки обращения к творческому наследию эмиграции были предприняты на волне хрущевской «оттепели». Однако общую историографическую ситуацию по-прежнему определяли тенденциозные работы В. В. Комина, С. А. Федюкина и др.[43] Отход от прежних

---

37 *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. М., 1994. С. 197 – 233.

38 *Böss O.* Die ehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Weisbaden, 1961.

39 *Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М., 2004

40 *Seriot P.* La double vie de Troubetzkoy, ou la clôture des systèmes // Le gré des langues. Paris, 1993. № 5. P. 88 – 115; *Eadem.* Jakobson entre l'Est et l'Oeust, 1915 – 1939 // Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage. Lausanne, 1997. № 9. P. 213 – 236; *Серио П.* Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920 – 1930-е гг. М., 2001.

41 *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М., 2004.

42 *Bäcker R.* Międzywojenny eurazjatyzm: Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu? Łódź, 2000; *Eadem.* Między rewolucyjnym konserwatyzmem a totalitarizmem. Dylematy oceny międzywojennego eurazjatyzmu // Emigracja rosyjska: Losy i idee. Łódź, 2002. S. 50 – 80; *Paradowski R.* Metodologiczne i metafizycne problemy eurazjatyckiej kulturologii // Ibid. S. 47 – 58.

43 См.: *Комин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; *Он же.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Он же.* Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979; *Федюкин С. А.* Борьба Коммунистической партии с буржуазной идеологией в первые годы НЭПа. М., 1977; *Он же.* Борьба с

оценок русской эмиграции наметился в исследованиях Л. К. Шкаренкова. На протяжении 1980-х гг. его книга «Агония белой эмиграции» выдержала три издания, каждый раз заметно дополняясь и постепенно высвобождаясь от идеологических догм[44]. Л. К. Шкаренков был одним из первых историков, кто получил широкий доступ к коллекциям Русского заграничного исторического архива. Конечно, его книга носит отпечаток времени и не лишена идеологических штампов. Но она до сих пор не потеряла своего научного значения.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. интерес к истории русской эмиграции усилился. Появилось множество разных по своему качеству исследований. Исследователи уделяли важное внимание чехословацкому эмигрантскому центру. Значительная работа в этом направлении на протяжении 1990-х гг. велась сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН. Существенный вклад в изучение культурной и научной жизни «русской Праги» внес Л. С. Кишкин[45]. В середине 1990-х гг. появились обобщающие труды Е. П. Серапионовой по истории русской диаспоры в Чехословакии[46]. Впоследствии она продолжила свои исследования и сегодня по праву является одним из признанных лидеров в изучении истории российской эмиграции[47]. К исследованию отдельных сторон эмигрантской

буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. М., 1977; *Он же*. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984.

[44] См.: *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. 1-е изд., 1986. 2-е изд., 1987. 3-е изд.

[45] *Кишкин Л. С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920 – 1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17 – 26; *Он же*. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920 – 1930-е годы) // Там же. 1996. № 4. С. 3 – 10; *Он же*. Русская эмиграция в Праге: празднование «Дня русской культуры» // Там же. 2000. № 4. С. 33 – 38 и др.

[46] *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20 – 30-е годы). М., 1995; *Она же*. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 124 – 133.

[47] *Серапионова Е. П.* Пражский Земгор и его деятельность // Записки Русской академической группы в США. New York, 2001. Т. XXXI. С. 186 – 195; *Она же*. Т. Г. Масарик, К. П. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. №4. С. 60 – 66; *Она же*. Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // Cahiers du Monde Russe. Paris, 2005. Vol. 46. № 4. P. 797 – 816; *Она же*. Правовое положение русских беженцев в Чехословакии // Правовое положение российской эмиграции в 1920 – 1930-е годы. СПб., 2006. С. 140 – 152; *Она же*. Русские в Чехословакии в

жизни в Праге обращались Е. П. Аксенова, М. Ю. Досталь, А. Н. Горяинов, М. А. Бирман, В. И. Косик и др.[48]

В начале 1990-х гг. историки еще были сильно ограничены в источниковой базе, но стремились максимально глубоко работать с имеющимися документами. Постепенно для них открывалась возможность познакомиться с зарубежными архивами. Однако ей воспользовались немногие, главным образом в силу отсутствия финансирования таких работ. Это особо грустно признавать, если учесть, что огромная часть документального наследия русских историков находится вне пределов России. Другой чертой современной историографии, как это ни парадоксально, является малое внимание к работам зарубежных коллег. Некоторые авторы вообще склонны называть зарубежную историографию спекулятивной, перенося на нее определенные идеологические и политические штампы[49].

1920 – 1930-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности) // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы вторая половина XIX – первая половина XX в. М., 2009. С. 188 – 207; *Она же*. Бюллетени Пражского Земгора как источник о жизни русской эмиграции в ЧСР на рубеже 1920 – 1930-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции, 1920 – 2000. Сборник статей. М., 2009. С. 182 – 193 и др.

[48] *Досталь М. Ю.* Печатные источники для изучения славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 – 40-х годов XX в. М., 1992. С. 38 – 52; *Робинсон М. А., Досталь М. Ю.* Переписка Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырева // Славяноведение. 1994. № 4. С. 69 – 91; *Досталь М. Ю.* П. Г. Богатырев в Чехословакии в 1920 – 1930-е годы // Там же. 1998. № 4. С. 31 – 42; *Аксенова Е. П.* Записка А. В. Флоровского 1938 г. «Славянскому институту в Праге» // Славяноведение. 2002. № 4. С. 65 – 67; *Аксенова Е. П., Горяинов А. Н.* Русская научная эмиграция 1920 – 1930-х годов: по переписке М. Г. Попруженко и А. В. Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4. С. 3 – 15 и др.

[49] Например в кандидатской диссертации И. А. Дмитриевой, посвященной русской литературной эмиграции в славянских странах, одно из обоснований актуальности изучаемой темы выглядит следующим образом: «Именно сейчас, когда наша страна оказывается во все большей международной изоляции и менее защищенной от постоянного противника на международной арене – США, мы нуждаемся в наших славянских братьях» (*Дмитриева И. А.* Русская литературная диаспора в славянских странах (Чехословакии, Югославии, Болгарии) в 20 – 30 годы XX века. Автореф. дис… канд. ист. наук. Владимир, 2005. С. 3). Конечно каждый имеет законное право быть и славянофилом, и панславистом, но непо-

Огромный массив зарубежной литературы не анализируется. В лучшем случае российские авторы переписывают названия работ своих иностранных коллег и вставляют их в историографическую часть своих исследований. Причем делают они это весьма небрежно. Значительная часть современных работ написана в традиционном позитивистском ключе. Поэтому за множеством дат и цифр, имен и фамилий, архивных фондов в них часто теряется главное – понимание исторического феномена Зарубежной России. Это не всегда дает возможность проникнуть в суть глубоких процессов, пережитых русскими эмигрантами, в том числе проанализировать феномен повседневной жизни на чужбине.

Цель данной книги заключается в изучении избранных сторон повседневной жизни русской эмиграции в Праге в 1920 – 1930-е годы. Разумеется, в условиях ограниченного объема вряд ли возможно всесторонне и полно осветить все ее особенности. Поэтому для анализа были избраны отдельные, наиболее характерные и специфические ее составляющие, такие как обустройство быта, характер жилищ, будни и праздники, взаимоотношения с чехами в процессе повседневных контактов, особенности повседневной жизни интеллигенции, проблемы адаптации к новому лингвистическом и культурном окружении и др.

В работе над книгой был использован широкий круг разнообразных источников, которые можно условно разделить на несколько групп.

К первой группе следует отнести документы личного происхождения: частную и деловую переписку, мемуары, дневниковые записи. Они дают возможность проникнуть во внутренний мир эмигрантов, понять их мировоззрение и жизненные установки. Личная переписка может восприниматься как диалог двух лиц, находящихся в дружеских отношениях, объединенных общими интересами. Однако при работе с этим видом источников необходимо учесть ряд особенностей. По замечанию современных исследователей эпистолярного наследия гуманитариев, информация, содержащаяся в частных письмах, изначально субъективно окрашена, но «эта субъективность многослойна, полифонична, что затрудняет прочтение подоб-

---

нятно, как эти чувства связывают русскую эмиграцию 1920 – 1930-х гг. и американскую дипломатию.

ного рода текстов, и одновременно расширяет возможные исследовательские стратегии получения информации»[50]. Но эта субъективность оценок часто и представляет особый интерес, поскольку она позволяет проследить характер межличностных отношений.

Важнейшее место среди источников личного происхождения занимает мемуарно-автобиографическая литература. Интеллектуальная среда Зарубежной России породила чрезвычайно широкий пласт источников подобного рода. С точки зрения А. Г. Тартаковского, мемуаристика является «одним из средств духовной преемственности поколений и одним из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а следовательно, и к своему бытию вообще»[51]. Написание мемуаров было одной из форм сохранения исторической памяти. Именно поэтому почти все воспоминания были проникнуты ностальгической нотой. Объектом рассмотрения в представленной работе является чешский/пражский текст русских мемуаристов-эмигрантов. В мемуарах, как в зеркале, отражались стереотипы восприятия иной культуры. Они изображали как эмигрантский быт, так и жизнь масариковской Чехословакии, рисовали сложную картину межкультурного диалога чехов и русских, отражали представления эмигрантов о населении Чехословакии, его менталитете, быте, культуре, языке. В воспоминаниях нашли отражение эмоциональные переживания эмигрантов, вызванные трудностями адаптации к новой среде.

Основная масса мемуарно-автобиографической литературы появилась после Второй мировой войны, когда у представителей русской эмиграции возникла потребность осмыслить пережитые ими в 1920 – 1940-е гг. события. В 1952 г. бывший ректор Русского народного (свободного) университета в Праге профессор-зоолог М. М. Новиков опубликовал в США книгу воспоминаний «От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и

---

[50] *Корзун В. П., Свешников А. В., Мамонтова М. А.* Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX – XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков). Омск, 2003. С. 9.

[51] *Тартаковский А. Г.* Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35.

политике», одна из глав которой была посвящена пражскому периоду жизни ученого (1922 – 1939)[52]. В ней он подробно осветил процесс превращения Праги в интеллектуальную столицу Зарубежной России, деятельность эмигрантских организаций, коснулся взаимоотношений русских и чешских ученых, рассказал о конфликтах в академической среде.

Особняком стоят написанные в 1960-е гг. воспоминания журналиста и архивиста Д. И. Мейснера, который в 1920 – 1930-е гг. жил и работал в Чехословакии[53]. После Второй мировой войны он поддался просоветским симпатиям, взял советский паспорт, но остался жить в Праге. Д. И. Мейснер попытался переосмыслить весь свой предшествующий жизненный опыт, и эта переоценка нашла отражение в его воспоминаниях. Тем не менее, его книга не была памфлетом против русской эмиграции и ее ценностей. Несмотря на общую критику политических идей Зарубежной России, ее культурное и научное наследие оценивалось автором высоко. Вполне объективно описаны и видные эмигрантские деятели – П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, П. И. Новгородцев, М. И. Цветаева, С. Н. Прокопович и др. Следует принять во внимание, что книга была подготовлена к печати на волне хрущевской «оттепели». Эту особенность отмечали зарубежные рецензенты книги[54]. По сей день мемуары Д. И. Мейснера остаются одним из ценнейших источников по истории русской эмиграции.

Почти одновременно с книгой Д. И. Мейснера были опубликованы, но уже за рубежом, воспоминания видного русского философа профессора Н. О. Лосского, высланного в 1922 г.

---

[52] *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. В 1956 г. он также подготовил специальный очерк воспоминаний о русской Праге: *Новиков М. М.* Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. XLIX. С. 243 – 256.

[53] *Мейснер Д. И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.

[54] Б. С. Пушкарев считал книгу Д. И. Мейснера ответом на колоссальный интерес к судьбам русской эмиграции, который проявляли интеллектуалы в СССР: «Книга читается легко и не разочарует чуткого читателя, который сумеет различить, когда автор пишет прямо, а когда он насилует себя, кривит душой, оправдывается или сложными маневрами пролазит через решетки цензуры и партийного заказа» (*Пушкарев Б. С.* Записки эмигранта в советском издательстве [1967] // *Пушкарев Б. С.* Россия и опыт Запада: Избранные статьи 1955 – 1995. М., 1995. С. 248.

из Советской России, и в 1920 – 1930-х гг. работавшего в Чехословакии[55]. В разделе о пражском периоде своей жизни он подробно рассказал об организации русской научной жизни за рубежом, о контактах с представителями чешских интеллектуальных кругов, о трудностях адаптации эмигрантов к новому культурному окружению. Интересно, что семейную мемуарную традицию продолжил и сын философа – известный историк и искусствовед Б. Н. Лосский. В 1994 г. в альманахе «Минувшее» были напечатаны его обширные воспоминания «В русской Праге»[56]. В них автор сосредоточил основное внимание на повседневной жизни русских изгнанников, на ее бытовых аспектах.

К числу наиболее интересных источников относятся мемуары историка и литературоведа Н. Е. Андреева[57]. В 1927 – 1945 гг. он жил в Праге и был одним из самых активных участников русской научной и культурной жизни[58]. После Второй мировой войны он был арестован СМЕРШем и необоснованно обвинен в сотрудничестве с нацистами. В 1947 г. все подозрения с Н. Е. Андреева были сняты, и он был выпущен из заключения, правда без права возврата в Прагу. В 1947 – 1948 гг. он работал в Берлине, а затем переехал в Англию, где и прожил до конца своей жизни. Н. Е. Андреев начал работу над своими мемуарами в 1978 г. После неудачной глазной операции он почти лишился зрения и поэтому был вынужден записывать свои воспоминания на магнитофон. Процесс их расшифровки начался уже после смерти Н. Е. Андреева, и занял несколько лет. В 1996 г. стараниями Е. Н. Андреевой, дочери историка, эти воспоминания были изданы в Таллинне в двух томах, а в 2006 г. переизданы в Санкт-Петербурге. Мемуары Н. Е. Андреева привлекают внимание своей огромной информативностью. Найдется немного сторон научной и культурной жизни русской

---

[55] *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968.

[56] *Лосский Б. Н.* В русской Праге (1922 – 1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 7 – 79.

[57] *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908 – 1982). Таллинн, 1996. Т. 1 – 2.

[58] Он был членом литературного объединения «Скит поэтов», членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии и одновременно талантливым историком, сотрудником Археологического института имени Н. П. Кондакова, который он возглавлял в 1939 – 1945 гг.

диаспоры, которые бы историк обошел молчанием. Примечателен в его воспоминаниях бытийственный аспект, а именно повышенное внимание к повседневной жизни эмиграции, ее взаимоотношениям с чешским окружением, психологическому и социальному климату.

В начале 1980-х гг. старший коллега Н. Е. Андреева С. Г. Пушкарев опубликовал в эмигрантских газетах и журналах ряд автобиографических очерков[59]. Он жил в Чехословакии с ноября 1921 г. по июль 1945 г. и на его глазах прошло становление, расцвет и угасание «русской Праги». В 1999 г. усилиями сына ученого, Б. С. Пушкарева, эти воспоминания были объединены в одну книгу и изданы в Москве. Отличительной чертой воспоминаний С. Г. Пушкарева является их фрагментарность и лаконичность. В отличие от других авторов, он никогда не ставил перед собой цели представить законченный мемуарный текст. С. Г. Пушкарев писал только о том, что особо волновало его в данный моменты, что было остро прочувствовано им. Поэтому он представил читателю только отдельные эпизоды своей эмигрантской жизни.

Среди прочего комплекса мемуарной литературы следует назвать воспоминания историка В. В. Саханева[60]; Т. А. Бем-Рейзер, дочери известного литературоведа А. Л. Бема[61]; архитектора и общественного деятеля Б. С. Пушкарева, сына историка С. Г. Пушкарева[62]; социолога П. А. Сорокина[63] и др. В 2003 г. был издан сборник воспоминаний деятелей русской науки и культуры XVIII – XX вв. о Праге, в котором представлены и мемуары эмигрантов[64]. Сотрудниками Славянского института в Праге под руководством Л. Белошевской был подготовлен

---

[59] Новое русское слово. Нью-Йорк. 1980. 20, 27 сентября; 4, 11, 14, 18, 21 и 28 октября; 1, 8, 15, 22 и 29 ноября; 13 декабря. См. также: Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 139, 140; 1982. № 147, 149; 1983. № 151; *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. М., 1999.

[60] *Саханев В. В.* Последние дни жизни Е. Ф. Шмурло // Русская эмиграция в Европе в 1920 – 1930-е гг. М. – СПб., 2005. Вып. 2. С. 280 – 303.

[61] *Бем-Рейзер Т. А.* Украденное счастье // Новый журнал. Нью-Йорк, 2008. Кн. 251. С. 241 – 290.

[62] *Пушкарев Б. С.* Долгая дорога в Россию // Судьбы поколения 1920 – 1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 356 – 390.

[63] *Сорокин П. А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.

[64] Прага: русский взгляд: Век восемнадцатый – век двадцать первый. М., 2003.

ценнейший сборник мемуаров, дневников, интервью русских эмигрантов[65]. Среди них – дневники академика Н. П. Кондакова, художницы Н. Г. Мусатовой, журналиста и писателя К. А. Чхеидзе, мемуаров В. Ф. Булгакова и др. Эти источники содержат ценнейший материал, освещающий различные стороны эмигрантской повседневной жизни. К сожалению, преждевременная смерть Л. Белошевской остановила работу над вторым томом этого издания.

Представители чешских интеллектуальных кругов практически не оставили упоминаний о русских в своих мемуарах. Да и само число таких книг крайне невелико. В 1949 г. видный словенский филолог Матиаш Мурко, почти всю жизнь проживший в Праге, опубликовал свои воспоминания, в которых оставил краткие характеристики русских историков и литературоведов: В. А. Францева, Р. О. Якобсона, Е. А. Ляцкого, Н. Л. Окунева[66]. В 1960 г. чешский журналист Франтишек Кубка представил воспоминания о русских и советских деятелях культуры, с которыми ему довелось встречаться и общаться[67]. Они представляют собой небольшие, но в то же время очень яркие очерки о М. И. Цветаевой, Ф. И. Шаляпине, И. Северянине и др. И, наконец, в 2002 г. сотрудниками Архива Чешской Академии наук посмертно были опубликованы воспоминания выдающегося чешского биолога академика Богумила Немеца, в которых он также много места уделяет своим контактам с русскими коллегами и русской культурной среде вообще[68].

Нельзя обойти вниманием делопроизводственную документацию, которая представлена отчетами эмигрантских высших учебных заведений и научных организаций, общественных и культурных объединений: Русского заграничного исторического архива, Русского исторического общества, Русского народного университета, Русского юридического факультета, Чешско-русского профессорского строительного и квартирного товарищества и т.д. Эти документы позволяет восстановить процесс организации научно-педагогической, проанали-

---

[65] Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общая ред. *Л. Белошевской*. Прага, 2011.

[66] *Murko M.* Paměti. Praha, 1949.

[67] *Kubka F.* Hlasy od východu: setkání s mými ruskými a sovětskými současníky. Praha, 1960.

[68] *Němec B.* Vzpomínky. Praha, 2002.

зировать социальное положение эмигрантов, карьерные пути, деловые контакты, выявить специфику жизни студентов и профессоров и др.

Важное место среди источников занимает периодическая печать русской эмиграции (берлинская газета «Руль», рижская «Сегодня», парижские «Россия и славянство», «Последние новости» и «Возрождение», пражские «Огни» и «Славянская заря» и др.; журналы «Хозяин», «Студенческие годы», «Центральная Европа» и др.), в которой публиковались многие работы историков, печатались рецензии, отзывы, объявления о научных мероприятиях и т. д.

Важнейшими источниками для написания этой книги послужили документы из архивных коллекций России и Чешской республики. Крупнейшим российским собранием документов по истории эмиграции обладает Государственный архив Российской Федерации. Его основу, как известно, составили уникальные материалы Русского заграничного исторического архива, вывезенные после Второй мировой войны в СССР. В работе над книгой были использованы документы из личных фондов русских эмигрантов и эмигрантских организаций. К первой группе относятся личные фонды С. Г. Пушкарева (Ф. 5891), П. Н. Савицкого (Ф. 5783), Б. А. Евреинова (Ф. 6366) и др., ко второй группе – фонды Русского юридического факультета (Ф. 5765), Объединения Российских земских и городских деятелей в Чехословакии (Ф. 5764), Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике (Ф. 5776) и др. Документы, касающиеся культурно-просветительской деятельности русских эмигрантов, их социального положения, сохранились в Российском государственном архиве литературы и искусства. При написании книги были использованы материалы из фонда Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии (Ф. 1568), журналиста В. Ф. Булгакова (Ф. 2226) и др. Особое значение имеет собрание Архива Российской академии наук. В нем хранится обширный личный фонд профессора А. В. Флоровского (Ф. 1609), содержащий неисчерпаемый материал по истории русской эмиграции. После смерти историка в 1968 г. его вдова частично передала личные документы его советскому коллеге В. Т. Пашуто, который и перевез их в Москву. Среди бумаг

А. Ф. Флоровского большую ценность представляет его обширная переписка, документы о работе в чешских и русских учебных и научных заведениях, черновики и рукописи работ. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки были изучены документы из личного фонда А. А. Кизеветтера и семьи Кудрявцевых (Ф. 566).

Колоссальные материалы по истории российской эмиграции хранятся в чешских архивах[69]. Во время неоднократных поездок в Прагу мною были выявлены и изучены многочисленные документы рукописном собрании Славянской библиотеки (фонды А. В. Флоровского, В. Н. Тукалевского, П. Н. Савицкого и М. А. Андреевой), Литературном архиве Музея национальной литературы (фонд В. А. Францева), Национальном архиве Чешской республики (фонды Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословацкой республике, а также Русских и украинских эмигрантских обществ и организаций в Чехословацкой республике), Архиве города Праги (фонды Русского народного/свободного университета и Чешско-русского профессорского квартирного и строительного товарищества в Праге), Архиве Чешской Академии наук (фонды К. Крофты и Я. Бидло), Архиве Канцелярии Президента республики (обращения русских к Президенту, документы о финансовой помощи).

Во всех названных учреждениях отложился широчайший комплекс материалов, который включает в себя частную и деловую переписку, официальную делопроизводственную документацию, неопубликованные работы, выписки и исследовательские материалы. Ценность их заключается еще и в том, что они позволяют реконструировать взаимоотношения русских эмигрантов с чешской культурной и интеллектуальной средой. Большинство документов, извлеченных из чешских архивных собраний, впервые вводится в научный оборот.

---

[69] См.: Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918 – 1938: Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике. Прага, 1995; Emigrace z Ruska v meziválečném Československu: prameny v českých, moravských a slezských archivech. Praha, 2000.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГИ КАК РУССКОГО ЭМИГРАНТСКОГО ЦЕНТРА

Участие чехов в судьбах русской эмиграции было предопределено ходом Первой мировой войны, в период которой на территории России был сформирован воинский корпус из бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Корпус этот, как известно, оставил заметный след в истории Гражданской войны в России, после того, как его затянувшаяся переброска во Владивосток для последующей эвакуации во Францию переросла в восстание. Возвращение чешских легионеров на Родину, разразившаяся в России Гражданская война, победа большевиков, эвакуация русских граждан сплелись в один сложный клубок противоречий, который непременно нужно было распутать[70].

28 октября 1918 г. была официально провозглашена Чехословацкая республика. Для молодого государства, поначалу не имевшего даже полноценного административного аппарата, «русский вопрос», напрямую связанный с судьбами Чехословацкого корпуса и российских беженцев оказался в ряду наиболее актуальных.

В чешских политических кругах разразилась дискуссия по «русскому вопросу»[71]. Одну из сторон представлял Карел Крамарж, первый премьер-министр Чехословакии, известный

---

[70] *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920 – 1940 гг.). Саратов, 2012. С. 41.

[71] См.: *Серапионова Е. П.* Т. Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. № 4. С. 60 – 65; *Бубеникова М.* Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из Советской России – «Русская акция» // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 14; *Сладек З.* Крамараж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2002/2001. Т. V – VI. С. 39 – 54; *Пржихода М.* Славянская политика Карела Крамаржа // Inventing Slavia/Изобретение Славии: Сборник материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004 г.). Прага, 2005. С. 74 – 75; *Vlček R.* Rusko v politických koncepcích T. G. Masaryka a K. Kramáře (80. léta 19. století – 1918/19) // České země a moderní dějiny Evropy: Studie k dějinám 19. a 20. století. Praha, 2010. S. 59 – 74.

своей русофильской позицией. Он настаивал на всесторонней поддержке белого движения с целью свержения большевиков. Иную позицию высказали Томаш Масарик и Эдвард Бенеш. Они отрицательно относились к участию чехов в интервенции и выступали решительно против создания на своей территории вооруженных русских формирований[72]. В своей знаменитой статье 1920 г. «Советская Россия и мы» Президент республики красноречиво обозначил свою позицию: «Я убежден, система Ленина и его практика неверны, они не годятся не только для нас и для Западной Европы, не подходят они и для самой России. <…> Конечно, Россия и русские сами должны сделать из этого выводы. Следует принимать во внимание, что научная критика системы Ленина и оценка его практики не являются проповедью интервенции и политики вмешательства. С самого начала я предписывал чешским легионам в России придерживаться политики невмешательства и нейтралитета. Этого же правила придерживается правительство республики в своей международной политике»[73]. Подход Т. Масарика в конечном итоге одержал победу.

Уже в конце 1919 г. в Чехословакии появились беженцы из России. Первая волна их массового въезда пришлась на 1920 – 1921 гг. Большая часть русских прибыла из окрестностей Константинополя, где в то время концентрировалось около 200 тыс. бывших военнослужащих и гражданских лиц, эвакуировавшихся из Новороссийска и Крыма[74]. Ряд видных русских общественных деятелей и военных обратился к чешскому правительству с просьбой оказать помощь беженцам и принять часть из них в Чехословакии. В ответ на это прошение летом 1921 г. была выработана уникальная в своем роде гуманитарная программа – «Русская акция» («Ruská pomocná akce»), главной целью которой стало оказание всесторонней помощи

---

[72] *Савицкий И.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919 – 1939 гг. // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Praha, 1995. Т. 1. С. 47; Он же. Прага и Зарубежная Россия. Прага, 2000. С. 100 – 103.

[73] *Масарик Т.* Советская Россия и мы // Т. Г. Масарик: философия – социология - политика. М., 2003. С. 526 – 527; Masaryk T. Cesta demokracie. Praha, 2003. Sv. I: Projevy – Články – Rozhovory, 2003. S. 334.

[74] *Серапионова Е. П.* Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 125.

нуждающимся русским в Чехословакии и частично за ее пределами.

В конце 1921 г. Э. Бенеш представил концепцию «Русской акции» на заседании комитета по иностранным делам Национального собрания. Согласно ей Чехословакия брала под опеку детей, женщин и инвалидов, а также земледельцев, студентов и ученых[75]. Оказание финансовой помощи осуществлялось по линии Министерства иностранных дел, Министерства образования и народного просвещения, Министерства земледелия и Канцелярия Президента республики. Всего с 1921 по 1937 гг. объем помощи в рамках «Русской акции» составил более 561 млн. чешских крон[76]. По подсчетам современных чешских исследователей это составляло 5% бюджета страны в 1919 – 1938 гг.[77] Однако точные размеры понесенных затрат остаются невыясненными, вопрос о них относится к числу дискуссионных[78].

Поначалу мало кто в Чехословакии верил, что большевики смогут долго удержаться у власти, и если их падение неизбежно, то за ним должно последовать возвращение России на путь демократического развития. Тогда эмигранты получат возможность вернуться на Родину и принять активнейшее участие в новом государственном строительстве. Только такая Россия сможет поддерживать Чехословакию и гарантировать ей внешнюю безопасность. Чехословацкое правительство пыталось создать «свою» русскую эмиграцию. Оно не просто ограничивало въезд в страну для определенных категорий беженцев, но приглашало желательных для себя лиц. К таковым относились, главным образом, представители русской демократической интеллигенции[79]. Стремясь ограничить прибытие

---

[75] *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 25.

[76] *Chinyaeva E.* Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce // Slovanský přehled. 1993. № 1. S. 22.

[77] Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918 – 1939). Praha, 1998. S. 9.

[78] См.: *Veber V.* Emigrace z Ruska a 30 léta // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 8.

[79] *Лаптева Л. П.* Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20 – 30-х годах XX века // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996. С. 154; *Савицкий И.* Прага и Зарубежная Россия. С. 100; *Он же.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Duchovní

неблагожелательных лиц, Министерство иностранных дел в июле 1922 г. издало циркуляр № 18354/21, жестко регулирующий въезд на территорию республики[80].

Т. Масарик выступал против превращения Чехословакии в центр политической жизни эмиграции, а Праги – в «русский Кобленц». Въезд на ее территорию как крайне правым, так и крайне левым был запрещен. Нежелательными персонами были и военнослужащие, которые могли выступить как организованная политическая сила[81]. Официальную позицию правительства выразил Э. Бенеш, который на заседании парламентской комиссии по иностранным делам 6 февраля 1924 г. специально коснулся «русского вопроса». Он отрицал обвинения левых сил в поддержке контрреволюции: «Мы не разрешаем эмиграции никаких конспиративных политических или военных действий, а просто даем возможность русским эмигрантам жить и работать, дабы они могли вернуться на Родину, когда там создадутся нормальные европейские условия, отличающиеся определенным объемом личной свободы»[82].

В результате политическая активность русской эмиграции в Чехословакии была сравнительно низкой, по сравнению с Францией или Германией. Историк С. Г. Пушкарев, характеризуя жизнь соотечественников в Праге, заметил: «Мы занимали нишу между белградскими монархистами и парижскими республиканцами и не участвовали в их горячих, но бесплод-

---

proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999. С. 48; *Он же*. «Русский Оксфорд» в Праге 1919 – 1928 гг. // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001/2002. Т. XXXI. С. 89; *Бубеникова М.* Указ. соч. S. 14. Сам Президент Т. Масарик находился в тесных, часто дружеских, контактах со многими русскими общественными деятелями либерального толка.

[80] Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 11.

[81] Опасения Т. Масарика имели основание. Так в Болгарии к 1922 г. скопилось около 36 тыс. военнослужащих армии П. Н. Врангеля, что более чем в 5 раз превышало численность собственно болгарских вооруженных сил и полиции. Остатки русской армии сделались серьезной политической силой, настроенной против правящего Болгарского земледельческого народного союза. См.: *Гришина Р. П.* Советские спецслужбы и несостоявшийся переворот. Болгария, сентябрь 1922 года // Славяноведение. 2002. № 5. С. 15 – 21.

[82] Бенеш о России // Огни. Прага, 1924. 11 февраля. № 6.

ных спорах на тему: что лучше – республика или монархия?»[83]. Однако на ранних этапах развития «Русской акции» чешские правительственные круги делали ставку на эсеров. Многие видные представители этой партии во главе с В. М. Черновым обосновались в Чехословакии уже в 1920 г. В Праге начал издаваться журнал «Воля России», ставший официальным органом партии[84].

Иван Савицкий обратил внимание на желание чехословацкого правительства изменить имидж своей страны в глазах русской общественности, который был сильно подпорчен в годы Гражданской войны. Если в 1918 г. белые приветствовали легионеров, как союзников, то годом позже они уже переиначили «чехо-словаки» в «чехо-собаки»[85]. Эмиграция испытала «разочарование в “народе”, который восставал против большевиков, но отнюдь не намерен был поддерживать белых, и когда вопрос ставился или-или: или большевики, или белые, то скорее поддерживал большевиков»[86].

Несмотря на названные политические причины, нельзя полностью сбрасывать со счетов гуманистического фактора при поддержке русских беженцев, объясняемого давними симпатиями чехов к России. В поздравительном письме I Съезду русских ученых в Праге, проходившему в октябре 1921 г., Э. Бенеш писал: «Наше родство по крови и языку давало нам издавна возможность следить за развитием русской науки, нашими выдающимися деятелями она всегда была надлежащим об-

---

[83] *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. 1905 – 1945. М., 1999. С. 89. См. также замечание Н. Е. Андреева: «В Праге были оттенки всех партий, какие только можно было найти в русской эмиграции, и все спазмы русской политической жизни за границей находили там отклик» (*Андреев Н. Е.* То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908 – 1982). Таллинн, 1996. Т. II. С. 14).

[84] См.: *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии. С. 24; *Veber V.* Strana eserů v moderních ruských dějinách a v Praze // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 24 – 28; *Sládek Z.* České prostředí a ruská emigrace // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999. S. 10 – 11.

[85] *Савицкий И. П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. С. 51.

[86] *Савицкий И. П.* «Русский Оксфорд в Праге» 1919 – 1928 гг. С. 95.

разом оцениваема и была источником, из которого черпала и наша наука»[87].

Основная поддержка по линии «Русской акции» оказывалась не политическим, а научным, культурным деятелям и студенчеству. Такой подход предопределил превращение Праги в «русский Оксфорд»[88]. Поэтому в истории русской эмиграции чехословацкая столица ассоциируется именно с учеными и студентами. Сам Т. Масарик искренне верил, что сохранение интеллектуального потенциала эмиграции сможет в будущем помочь подлинному приобщению России к европейским ценностям, прерванного революцией. По его мнению, в задачу чехословацких властей входило «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» русской эмиграции[89]. Т. Масарик критические относился к современной России, но высоко ценил ее культурный потенциал. В России он был склонен видеть «гаранта независимого существования Чехословакии»[90].

В марте 1921 г. возникло Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике («пражский Земгор»), которое стало посредником между чешским правительством и эмиграцией в деле оказания ей помощи[91]. При поддержке Земгора в первой половине 1920-х гг. возникла развитая сеть эмигрантских организаций, оказывавших социальную, юридическую, медицинскую помощь своим соотечественникам. В то же время работу Земгора контролировали представители партии эсеров, которые все время пытались вмешиваться в научную и культурную жизнь, что вызывало протесты со стороны либерально настроенной части эмиграции. Е. П. Серапионова обоснованно полагает, что деятели пражского Земгора вошли в земские и городские органы в основ-

---

87 Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 46.

88 См.: *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. S. 180 – 181,

89 Цит. по: *Sládek Z.* Ruská emigrace v Československu // Slovanský přehled. 1993. № 1. S. 3.

90 *Савицкий И. П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. С. 49.

91 *Серапионова Е. П.* Пражский Земгор и его деятельность // Записки Русской академической группы в США. New York, 2001. Т. XXXI. С. 186 – 195; *Она же.* Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // Cahiers du Monde Russe. Paris, 2005. Vol. 46. № 4. P. 797 – 816.

ном после Февральской революции и, следовательно, не принимали никакого участия в активной деятельности Земгора в годы Первой мировой войны. Поэтому политические оппоненты критиковали их за узурпацию самого названия этой организации и за засилье эсеров в составе руководства[92]. В глазах профессуры сотрудничество с эсерами считалось предосудительным[93]. Примечателен случай профессора П. И. Новгородцева. Он не избегал сотрудничества с эсерами и принял от них предложение возглавить лекционную комиссию Земгора. Это вызвало большое недовольство. Н. П. Кондаков отказался сесть с ним за один стол, а другие русские перестали подавать ему руку. П. И. Новгородцев был единственным председателем Русской академической группы, не переизбранным на второй срок.

Патронаж науки обеспечил развитие русской интеллектуальной жизни в Праге[94]. Помощь эмигрантам оказывало чешское правительство, международные организации (Лига Наций, Красный Крест) и меценаты. Существенную поддержку осуществляла семья американских миллионеров Крейнов. Ее глава, Чарльз Крейн, был страстным поклонником всего сла-

---

[92] *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890 – 1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 423. Например по состоянию на 1 апреля 1927 г. в Земгоре состояло 74 члена, из которых 32 были эсерами, 19 казаками, 3 членами «Крестьянской России», 20 членами прочих политических партий иди беспартийными (Sjednocení ruských činitelů městských a venkovských samospráv «ZEMGOR» // Archiv Akademie věd ČR. F. K. Krofta. Kart. 18. Inv. č. 572.). Эсеры, например, пытались вмешиваться в кадровые вопросы при назначении профессоров, а иногда и в образовательный процесс. В то же время они стремились подчеркивать свою общественную значимость. Они убеждали эмиграцию в том, что только их партия, в отличие от либералов, смогла получать деньги из чешского бюджета, что она сумела достичь реальных дел, открывая школы, больницы, библиотеки для эмигрантов

[93] *Савицкий И. П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. С. 68; *Он же*. «Русский Оксфорд в Праге». С. 109 – 109.

[94] Д. А. Александров определил «патронаж» как «оказание поддержки в обмен на те или иные “дары”». Причем эти «дары» носят, преимущественно, нематериальный, символический характер. Поддерживая науку, патрон получает повышение социального статуса, а «материальные выгоды, если и следуют за этим, то обычно много позже и непосредственно от клиента». См.: *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 9 – 10.

вянского. Еще в начале XX в. он познакомился с Т. Масариком, П. Н. Милюковым, М. М. Ковалевским, организовал публичные лекции славянских интеллектуалов в городах США[95]. При поддержке Крейнов в Праге в ноябре 1924 г. была создана культурно-просветительская организация «Русский очаг» во главе с графиней С. В. Паниной. Крейны оказывали немалое содействие русским историкам. Они финансировали выход научных изданий и выплачивали именные стипендии молодым русским историкам[96]. Младший сын главы семейства Д. Крейн посещал лекции Н. П. Кондакова, был знаком с его учениками и коллегами.

Среди видных чешских деятелей наибольшую поддержку русским оказывали Карел и Надежда Крамаржи, история взаимоотношений которых с русской эмиграцией блестяще освещена в работах Е. П. Серапионовой[97]. Симпатии К. Крамаржа к русской эмиграции были легко объяснимы всей его политической деятельностью, его русофильской позицией. «Без России никогда бы не было нашей свободы», – повторял К. Крамарж[98]. Но в его симпатии, как верно заметила чешская исследовательница Яна Шетржилова, было также проявление чувств и повышенной эмоциональности. К. Крамарж не мог в силу своего милосердного характера относиться к русским беженцам как нейтральный наблюдатель[99].

---

[95] *Бон Т.* Русская историческая наука (1880 г. – 1905 г.): Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 94.

[96] *Сорокина М. Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 338 – 339; *Кызласова И. Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920 – 1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000. С. 61; *Кишкин Л. С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920 – 1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 19 – 20.

[97] См.: *Серапионова Е. П.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // Родина. 2001. № 1. С. 134 – 139; *Она же.* Покровительница русской эмиграции // Русское слово. Прага, 2003. № 5. С. 16 – 17; *Она же.* Карел Крамарж и Россия. С. 419 – 463.

[98] *Puškarev S.* Dr. Kramář a Rusko // Karel Kramář a Slovanstvo. Praha, 1937. S. 46.

[99] *Шетржилова Я.* Карел Крамарж – отец русской эмиграции // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2002/2001. T. V – VI. С. 55.

Особо значимой была заслуга Крамаржей в поддержке русской учащейся молодежи. К. Крамарж патронировал Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов и пытался всячески противостоять сокращению его финансовой поддержки. Н. Н. Крамарж руководила Комитетом помощи русским студентам. Она лично «ходила разбирать в огромном количестве закупленные одежду и обувь; в архиве ее мужа сохранились длинные списки учета нижнего и верхнего белья, размеров одежды и обуви отдельных студентов»[100]. Вилла Крамаржей в Праге превратилась в место паломничества русских эмигрантов. Н. Н. Крамарж создала своего рода «русский салон», гостями которого были дворяне, ученые, литераторы, военные, в основном консервативных политических взглядов[101].

Необходимо отдать должное русскому профессору-инженеру А. С. Ломшакову, который выступил с инициативой превращения Чехословакии в культурный, научный и образовательный центр Зарубежной России[102]. Он был крупным ученым, пользовавшимся большим авторитетом и доверием самого Т. Масарика. Это позволяло ему продвигать в жизнь самые смелые проекты. Имя А. С. Ломшакова пользовалось известностью в научных кругах. Еще до революции он прославился как выдающийся ученый-инженер, специалист в области разработки паровых котлов. На рубеже XIX – XX вв. он создал прибор для автоматического питания колосниковой решетки и бездымного сжигания различных сортов топлива в топках паровых котлов и металлургических печей. Это новаторское изобретение сразу нашло широкое признание. Оно было установлено на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга, Луганска, Елизаветграда и с успехом представлено на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.[103] Благодаря этой известности,

---

[100] *Шетржилова Я.* Указ. соч. С. 62.

[101] *Копрживова А.* Крамарж и «Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии» // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2002/2001. Т. V – VI. С. 73.

[102] См.: Речь профессора А.С. Ломшакова // Младорусь. Прага, 1922. Кн. 1. С. 93 – 98.

[103] Письмо А. С. Ломшакова Г. Ф. Деппу от 4.IV.1900 // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6819. Л. 2 – 2об.

1 сентября 1923 г. А. С. Ломшаков был избран ординарным профессором факультета механической и электротехнической инженерии Чешского высшего технического училища[104]. Ученый был чужд политиканства. Он никогда не переносил свои политические взгляды в сферу работы, поэтом требовал аполитичности и от студентов. Неудивительно, что он стал врагом в глазах эсеров. А. С. Ломшаков требовал «настойчивой, усидчивой работы, ему претила разболтанность значительной части русской гуманитарной интеллигенции, а эсеров он воспринимал, как подавляющее большинство русской эмиграции, как квинтэссенцию этой разболтанности, неспособности к действию»[105].

В 1921 г. был создан Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии. При нем был образован Совет русских профессоров, в задачу которого входило приглашение в страну русских преподавателей для продолжения научно-педагогической работы. В декабре 1921 г. была создана Русская учебная коллегия. Если Комитет должен был оказывать материальную помощь студентам и молодым ученым, то Коллегия – помощь академическую. Он «контролировала достижения русских студентов и обсуждала также вопросы, касающиеся пребывания русских ученых и студентов в Чехословацкой республике»[106]. В ее состав вошло 64 человека, 20 из которых были лицами, оставленными для подготовки к профессорскому званию[107]. Таким образом, с самого начала «Русской акции» начинающие ученые привлекались к активной общественной и научной работе. Коллегия выполняла одновременно функции научно-исследовательской организации, которая в 1924 г. начала издавать свои «Записки» по трем се-

---

[104] Archiv Českého vysokého učení technickěho. Osobní spisy přednášejících. A. S. Lomšakov; Петроник (Савицкий П. Н.) Воспоминания об А. С. Ломшакове // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001/2002. Т. XXXI. С. 562 – 567.

[105] *Савицкий И. П.* «Русский Оксфорд в Праге». С. 107.

[106] *Novikov M.* Organisační činnost ruských učenců v ČSR // Записки Научно-исследовательского отделения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 51. S. 51.

[107] Обзор Академической жизни в Праге // Младорусь. Прага, 1922. Кн. 1. С. 91; Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. 1924. Т. 1. Вып. 1. Философские знания. С. 7 – 9.

риям (гуманитарные естественные, математические и технические науки)[108].

Путь российских ученых и студентов в Чехословакию, как правило, лежал через Турцию, Грецию, Болгарию и Югославию (Королевство сербов, хорватов и словенцев). В Константинополе была организована проверочная комиссия, в состав которой вошли русские профессора и аспиранты. Они должны были проверять знания претендентов на получение стипендий чешского правительства. Прошедшие проверку, формировались в группы по 100 человек и отправлялись в Прагу за казенный счет в сопровождении одного из аспирантов[109]. Вероятно, что первая группа русских студентов прибыла в Прагу из Константинополя 25 октября 1921 г., а вслед за ней потянулись и другие[110].

Точные данные о численности русских эмигрантов в Чехословакии в межвоенные годы отсутствуют. Приводимые в научной литературе цифры часто сильно отличаются друг от друга. И дело здесь не только в разных методиках подсчета, но в том, что сводные данные о беженцах из России вообще отсутствуют. Чешские исследователи попытались определить численность эмигрантов, опираясь на официальные статистические данные правительства. По подсчетам Светланы Тейхмановой в 1923 г. в стране проживало 23.000 беженцев[111]. Максимальной численности русская диаспора достигла к середине 1920-х гг., когда она составляла около 25 тыс. чел.[112] Впоследствии количество русских в республике начало стремительно сокращаться. В 1926 г. их было уже 17.000 чел., а к 1939 г. – всего 8.000 чел.[113]

---

108 Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. С. 9.

109 *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. С. 86.

110 Обзор Академической жизни в Праге. С. 89.

111 *Tejchmanová S.* Politická činnost ruské a ujrajinské emigrace v Československu v letech 1920 – 1939 // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 3.

112 *Бубеникова М.* Указ. соч. S. 14; Sládek Z. České prostředí a ruská emigrace. S. 14. В то же время кажется сильно завышенной цифра российских исследователей. По их мнению, к 1920 г. в Чехословакии проживало 10 тыс. эмигрантов, к середине 1921 г. – 15 тыс., в 1923 г. – 35 – 50 тыс., в 1925 г. – 30 тыс. (См.: Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1. С. 141).

113 Tejchmanová S. Politická činnost ruské a ujrajinské emigrace v Československu. S. 3.

Еще сложнее точно определить количество русских ученых. Российские исследователи В. П. Борисов, В. А. Волков и М. В. Куликова выявили 127 персоналий[114]. Но эту цифру нельзя признать исчерпывающей. Судя по опубликованным документам, в ВУЗах только Праги в 1923 г. работало 100 русских и 17 украинских профессоров[115]. Одни эвакуировались из России вместе с остатками белых армий, в рядах которых некоторые из них сражались с большевиками (Н. М. Беляев, Б. А. Евреинов, С. Г. Пушкарев, Г. В. Вернадский), другие целенаправленно и обдуманно выехали из Советской России, пока это еще было возможно (В. А. Францев, Н. Н. Ястребов), третьи не вернулись из зарубежных командировок (Д. Н. Вергун, А. Л. Петров, Е. Н. Клетнова, П. В. Отоцкий), а кто-то был насильно выслан из страны новой властью (А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, В. А. Мякотин, А. Ф. Изюмов, М. М. Новиков).

Правда немногие из них изначально ставили своей целью обосноваться именно в Праге[116]. Русские ученые, как правило, попадали в чешскую столицу после беженских скитаний в Константинополе или безрадостного прозябания в болгарской и югославской провинции. Бежавший из России профессор И. И. Лаппо вместе с остатками белой армии оказался на острове Лемнос в Эгейском море, «стал гостем английского

---

[114] *Борисов В. П., Волков В. А., Куликова М. В.* Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 1. С. 355. Л. П. Лаптева говорит о примерно 300 русских ученых, работавших в Праге в межвоенный период. Эта цифра основана на данных чешских архивов и поэтому заслуживает внимания. См.: *Лаптева Л. П.* Русская академическая эмиграция в Чехословакии. С. 147.

[115] Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 38. Однако под словом «профессор» здесь, очевидно, понимался вообще всякий преподаватель, а не только носитель этого звания.

[116] Видимо одним из немногих русских ученых, принадлежавших к числу желавших выехать именно в Чехословакию, был профессор Томского университета этнограф А. Д. Григорьев. Он так объяснял мотивы своих намерений чешскому фольклористу и литературоведу Иржи Поливке: «Когда после ухода чехов из Сибири выяснилось, что в России при коммунистах жить совершенно нельзя, я решил выбраться из России в Чехию, наводя справки о Чехии и доставая чешские газеты у чешского представителя в Томске» (Цит. по: *Соучкова* М. Научная жизнь Александра Дмитриевича Григорьева в Чехословакии: из Прешова в Прагу // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 211.).

короля», как говорили в то время. Положение его там было столь ужасающим, что он молил своих коллег «извлечь его из этого проклятого места, где люди бедствуют, как они бедствуют везде, где их опекают … союзники»[117].

Сама поездка в Прагу была сопряжена с многочисленными трудностями и опасностями. Летом 1919 г. профессор-славист Н. В. Ястребова выехал вместе с семьей из Петрограда в Прагу, надеясь найти там стабильную работу. В пути он серьезно заболел и поэтому прибыл в чешскую столицу в 1920 г. Свое долгое путешествие он обрисовал в письме к А. А. Шахматову 22 мая 1920 г., которое Л. П. Лаптева обнаружила в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Н. В. Ястребов писал своему другу, что он и его семья были вынуждены находиться в маленьком поселке Глубокое на польской границе с 21 августа 1919 г. по 15 февраля 1920 г. Сам историк перенес тяжелейшую форму тифа, его дочь и жена переболели скарлатиной. Кроме того семью Ястребовых обворовали: «Мы истратили половину своих денег за 6 месяцев жизни в Глубоком… От Глубокого до Праги ехали около трех недель с остановками в Вильне. Отчасти из-за состояния здоровья, отчасти из-за транспортных затруднений… Одним словом, приехали в Прагу почти без средств, без обуви, белья и одежды»[118].

Отдельные русские ученые получали специальное приглашение для приезда в республику. Это касалось, как правило,

---

[117] *Погодин А. Л.* Русская наука за границей // Славянская заря. Прага, 1920. № 159. 25 июня. Положение русских беженцев на Лемносе в самом деле было ужасающим, а англичане, под контролем которых находился тогда остров, не оказывали русским ни малейшей помощи. Один из современников красочно описал мытарства русских: «Остров – необитаемый с каменистой почвой и без пресной воды; домов нет, вместо них имеются шалаши, покрытые брезентом и притом промокаемые, где люди спят в поволоку ногами вместе, а головы врозь. Пища неизобильна – ⅛ фунта хлеба в сутки и консервы. Режим – тюремный. Чтобы покинуть Лемнос, нужно чтобы кто-нибудь из власть имущих подал бы в английскую миссию заявление и взял на иждивение какое-либо лицо. Всплеск инфекционных заболеваний. Дети умирают от скарлатины и кори» (*Иваненко А.* Правда о Лемносе // Славянская заря. Прага, 1920. № 166. 6 июля).

[118] *Лаптева Л. П.* Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 153.

всемирно известных фигур. К таковым относился, например, В. А. Францев, выдающийся русский славист, пользовавшийся огромным авторитетом в чешских научных кругах. 27 ноября 1919 г. профессорский совет философского факультета Карлова университета единогласно проголосовал за то, чтобы он был приглашен в Прагу в качестве ординарного профессора[119]. В отзыве о его работах, подготовленном для избрания, говорилось: «Францев доказывает своими трудами, что он является одним из самых крупных специалистов и знатоков чешской и русской литературы, но и вдохновенным приверженцем славянской взаимности, которая находит понимание в культурных устремлениях чешского народа… Свою привязанность к чешскому народу Францев проявлял и после войны в России, когда всемерно поддерживал чешских военнопленных и страстно работал на чешские интересы»[120].

На особом положении находился и живший в Софии академик Н. П. Кондаков. В 1921 г. ученый совет философского факультета Карлова университета принял решение пригласить его в чешскую столицу. В Прагу русский ученый смог приехать только в конце марта 1922 г. Н. П. Кондакову было назначено ежемесячное жалование в размере 3.300 крон, выделено 30.000 крон для издания его монументального труда по истории русской иконописи[121], предоставлена двухкомнатная квартира в центре города. Он должен был получать гонорары за индивидуальные занятия с дочерью президента Алисой Масариковой. Именно благодаря столь благоприятным условиям Н. П. Кондаков решил покинуть Болгарию, хотя в этой стране его научные исследования находили гораздо большее пони-

---

[119] Návrh // Archiv Kanceláře Presidenta republiky. D 13718/38. Prof. V. A. Francev.

[120] Ibid. Уважительное отношение чешских ученых к В. А. Францеву находило выражение во множестве источников. В своих воспоминаниях Матиаш Мурко, выдающийся словенский филолог, работавший в Праге, писал: «Из русских добровольно приехал в Прагу профессор В. А. Францев, которого приняли из-за его великих заслуг в области чешско-русских научных связей и ради его трудов по истории славянской филологии, завершившихся отличным пражским изданием переписки Шафарика с русскими учеными» (*Murko* M. Paměti. Praha, 1949. S. 171).

[121] Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 50.

мание, чем в Чехословакии, и интерес к ним среди коллег-историков и студентов был, несомненно, более высок[122].

Но далеко не всегда судьба даже известных ученых складывалась столь гладко. Здесь можно привести пример профессора Н. В. Ястребова, крупнейшего в дореволюционной России специалиста по истории гуситства. Несмотря на то, что исследователь был приглашен чехословацкими властями на кафедру истории Восточной и Юго-Восточной Европы в Брненский университет, в реальности он оказался предоставлен сам себе. Л. П. Лаптева отмечает, что «органы власти не торопились проявлять "национальную благодарность" за помощь чехам в их предшествующей борьбе: для них Ястребов был обыкновенным беженцем, эмигрантом из России, каких в Чехословакии тех лет обреталось достаточно много»[123]. Лишь 10 июля 1920 г. историк был утвержден ординарным профессором Карлова университета. Но документы из Министерства народного просвещения прибыли слишком поздно, и поэтому Н. В. Ястребов смог начать чтение лекций лишь в летнем семестре 1921 г. Для разрешения всех бытовых проблем в апреле 1921 г. ему пришлось обращаться к главе Канцелярии Президента республики П. Шамалу, «после чего русский профессор получил хорошую квартиру и 25 тыс. крон помощи»[124].

Многие русские рассчитывали найти в Чехословакии не только материальную поддержку, но продолжить научную работу в Праге, которая издавна была важным культурным центром славянского мира. В этом отношении и Белград, и София выглядели провинциальными[125]. Поэтому немало ученых

---

[122] Отзив на В. Н. Златарски за Н. П. Кондаков // *Въжарова Ж.* Руските учени и българските старини. София, 1960. С. 367 – 370; *Копецка Л. Н.* П. Кондаков и чешская среда // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 2. С. 637 – 642; *Манолаков Х.* Русская эмиграция в Чехии и ее болгарские рефлексии (Никодим Павлович Кондаков в Болгарии) // Там же. С. 660 – 674.

[123] *Лаптева Л. П.* Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции. С. 154.

[124] Там же. С. 155.

[125] Жизнь русских эмигрантов в Болгарии, а особенно интеллектуалов, осложнялась как общим экономическим положением страны, вследствие выплат тяжелых репараций, так и отсутствием необходимых условий для научной работы. Поддержка эмигрантов в Болгарии была делом частных лиц (в том числе самого царя Бориса III), но не объектом государственной политики (См.: *Лунин А.* Руската емиграция в България през

стремилось переселиться с Балкан в чешские земли. Одним из них был историк искусства и археолог Н. Л. Окунев. До революции он изучал памятники древнерусского искусства в Новгороде и Пскове, вместе с Н. Я. Марром раскапывал древнюю армянскую столицу Ани, занимал должность ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе. В годы Гражданской войны Н. Л. Окунев был Начальником части по делам искусства и древностей Управления народного просвещения при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. Вместе с белой армией он эвакуировался из России в 1920 г. и поселился в Македонии, где в мае 1920 г. стал профессором археологии в Скопье[126]. Но положение его как в плане материальном, так и в плане научном оставляло желать лучшего. В письме к Д. В. Айналову Н. Л. Окунев жаловался на трудность своей жизни в Македонии и почти полную невозможность плодотворной исследовательской работы[127]. В начале 1922 г. ученый был приглашен в Прагу, но решил сначала завершить учебный год в Скопье. Правда вскоре он разочаровался в своих намерениях. 22 марта1922 г. Н. Л. Окунев обращался к Н. В. Ястребову: «В настоящее время выяснилось, что положение мое (как и прочих моих коллег) в материальном отношении настолько ухудшается от введения новых условий оплаты русского профессорского труда в сербских университетах, что я охотно бы немедленно после получения от Вас известий о приеме меня в число преподавателей в Русской Учебн[ой] Кол[легии] в Праге оставил здешний универси-

20-те години // Годишник на Софийския университет Св. Климент Охридски. София, 1992. Т. 84 – 85. С. 211 – 232). В Югославии условия были гораздо лучше. Государство брало на себя затраты по оказанию помощи русским. Но возможности для научной работы также были затруднены, в частности отсутствием нужных изданий в библиотеках. См.: *Йованович М.* Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в перв. пол. 20-х гг. XX в.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 2. С. 675 – 684; *Он же.* Русская эмиграция на Балканах 1920 – 1940. М., 2005. С. 327 – 334.

126 Curriculum vitae Николая Львовича Окунева // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125.

127 См.: *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 159 – 160.

тет и отправился бы в Прагу»[128]. Н. Л. Окунев сумел приехать в Чехословакию только в начале 1923 г.

Но приехать смогли не все. Главным препятствием было ограниченное количество стипендий и пособий, выделяемых чехословацкими властями. Так вслед за своим учителем Н. П. Кондаковым в 1922 г. безуспешно пытался перебраться в Прагу из Софии молодой искусствовед А. Н. Грабар, впоследствии знаменитый ученый. Н. П. Кондаков, несмотря на свой авторитет, не имел возможности помочь ему[129]. А. Н. Грабар вынужден был покинуть Болгарию и переселиться в 1923 г. во Францию.

Число русских ученых в эмиграции значительно пополнилось после решения советского правительства о высылке из СССР в 1922 г. оппозиционно настроенных представителей интеллигенции[130]. Среди высланных оказались любимый ученик В. О. Ключевского, член-корреспондент РАН А. А. Кизеветтер, профессор Новороссийского университета А. В. Флоровский, профессор Петроградского университета В. А. Мякотин, знаменитый зоолог, бывший ректор Московского университета М. М. Новиков.

В декабре 1924 г. в Прагу приехал член-корреспондент РАН Е. Ф. Шмурло. С 1903 г. он находился на должности ученого корреспондента Академии наук в Риме. После революции финансирование его деятельности прекратилось. Но Е. Ф. Шмурло еще несколько лет продолжал работу, практически на собственные сбережения, вынужденно отказывая себе во всем[131], пока не узнал об отказе Академии наук продлить пребывание его в должности ученого корреспондента. Е. Ф. Шмурло решил воспользоваться помощью чехословацко-

---

[128] Письмо Н. Л. Окунева Н. В. Ястребову от 22 марта 1922 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125.

[129] *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 156 – 157; *Смирнова Э.С.* От киевских храмов к искусству Византии: Андрей Николаевич Грабар // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 351.

[130] См.: *Главацкий М. Е.* «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002.

[131] Известно, что он даже вынужден был питаться в благотворительных столовых. См.: *Беляев С. А.* Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 155.

го правительства и перебраться в Прагу. Свою уникальную библиотеку, состоявшую из 8.000 томов, он продал чехословацкому Министерству иностранных дел. Ему же завещал после своей смерти и архив, собранный во время пребывания в Италии[132].

Таким образом, примерно к середине 1920 гг. в Праге оказалось несколько десятков русских ученых разны поколений и школ. В этот же период активно формировались институциональные структуры российской науки за рубежом.

Прибывавшие в Прагу ученые получали индивидуальные стипендии от чешского правительства. Сумма пособий и зарплат для русских ученых 1920-х гг. варьировалась в зависимости от места работы, занимаемой должности и т.д. Для этого все ученые делились на три группы. К первой группе относились штатные профессора российских высших учебных заведений, имевших научную известность и преподавательский опыт. Ко второй группе принадлежали экстраординарные профессора и приват-доценты. Третья группа включала молодых ученых, вынужденных прервать научную карьеру из-за революции, Гражданской войны и эмиграции, а также лица, готовящиеся к получению ученой степени[133]. В самом начале «Русской акции», согласно финансовой отчетности за декабрь 1923 г., отдельным русским ученым были установлены следующие денежные пособия (в кронах)[134]:

Таблица 1.

Ф.И.О.	Содержание	Выплаты на жену и мать	Выплаты на детей	Всего
		Группа А		
Вернадский Г. В.	2.100	300	-	2.400
Лаппо И. И.	2.100	300	-	2.400
Струве П. Б.	2.100	300	150	2.550
Фатеев А. Н.	2.100	300	300	2.700
Флоровский Г. В.	2.100	300	-	2.400
		Группа Б		

[132] *Саханев В. В.* Евгений Францевич Шмурло: Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская – Нарва, 1937. Кн. 3. С. 58.

[133] См.: Русские в Праге. 1918 – 1928 гг. Прага, 1928. С. 78 – 79. Существовала еще и четвертая группа, к которой относили студентов.

[134] ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 127. Л. 14 – 14 об., 15, 17 – 17 об., 18.

Вергун Д. Н.	1.500	250	450	2.200
Окунев Н. Л.	1.500	-	-	1.500
Савицкий П. Н.	1.500	250	-	1.750
Циммерман М. А.	1.500	-	-	1.500
Шахматов М. В.	1.500	250	-	1.750
		Группа В		
Остроухов П. А.	1.100	150	150	1.400
Пушкарев С. Г.	1.100	-	-	1.100
Панас И. О.	1.100	-	-	1.100
		По особому кредиту МИД Чехословакии		
Водовозов В. В.	2.100	300	-	2.400
Кизеветтер А. А.	2.100	300	150	2.550

Приведенные данные свидетельствуют, что в самом начале 1920-х гг. отдельные ученые получали относительно неплохие пособия. Для сравнения, прожиточный минимум в 1923 г. составлял 1.000 крон в месяц. При этом пара ботинок стоила 80 – 180 крон, костюм – 200 – 800, пальто – 250 – 700, рубашка – 35 – 100, проезд в трамвае – 1 – 3[135].

Социальную картину положения русской диаспоры в Чехословакии обрисовывают результаты статистического исследования, проведенного 5 декабря 1923 г. профессором Русского юридического факультета П. П. Георгиевским среди русских студентов. В его опросе приняло участие 3.469 человек, из которых 2.740 обучались в Праге, 604 – в Брно, 89 – в Пржибрами и 36 – в Братиславе. Мужчины составили 85,5% (2967 человек) опрошенных, а женщины – 14,5% (502). Большинство учащихся принадлежало к возрастной группе 25 – 30 лет (45,6%). Затем следовала группа 20 – 25-летних (31,2%) и, наконец, группа 30 – 35-летних (15,2%). На лиц старше 35 лет приходилось 4,8%, на лиц младше 20 лет – 3,2%. Оставим в стороне все иные социальные показатели, а сосредоточим внимание на материальном положении русских студентов, которое небезынтересно сравнить с положением их профессоров. Анализируя полученные данные, П. П. Георгиевский сетовал: «Обращаясь к рассмотрению средств к существованию русской учащейся молодежи, приходится констатировать, что она существует, главным образом, благодаря поддержке Чехословацкого Правительства». 74,1% учащихся находились на полном иждивении

135 См.: *Chinyaeva E.* Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 49.

у властей, 16,7% – на частичном. Пособия от родных имело лишь 0,7% учащихся. Месячный прожиточный минимум большинство учащихся определило в размере от 500 до 700 крон (62%). До 800 крон желало бы 17%, до 900 – 7%, выше 900 крон – 5%, а ниже 500 крон – 5,6%. Однако многие респонденты указали прожиточный минимум без учета стоимости одежды и проезда в общественном транспорте[136]. Например студентка Карлова университета М. А. Андреева в 1922 – 1926 гг. получала стипендию в размере 350 – 525 крон ежемесячно[137]. Понятно, что учиться и заниматься наукой, к чему у М. А. Андреевой была склонность, было крайне сложно. Тем не менее, она впоследствии стала доктором философии Карлова университета (1926), приват-доцентом (1928) и магистром всеобщей истории все того же университета (1930)[138].

Конечно, на фоне русского студенчества положение профессуры выглядело весьма привлекательным. И тем не менее необходимо признать, что и ее материальное положение оставалось нестабильным. Оно полностью зависело от финансовых возможностей властей. Поэтому вполне закономерно, что впоследствии сумма выплат русским ученым, в том числе и историкам, начала резко сокращаться. К тому же весьма тяжелым было положение молодых и начинающих ученых, многие из которых имели семьи. К примеру искусствовед и журналист Н. Е. Еленев, начиная с 1925 г, получал ежемесячную стипендию в размере всего 500 – 600 крон[139].

Поэтому если не бедность, то материальная необеспеченность была главным бичом для российской интеллектуальной элиты. Лишь немногие лица, как, например, академики Н. П. Кондаков и В. А. Францев, могли похвастаться стабильно высоким уровнем доходов. Оба они были относительно состо-

---

[136] *Георгиевский П.* Перепись 5 декабря 1923 г. русских студентов, учащихся в Чехословацкой республике. 24 марта 1924 г. // Archiv hlavního města Prahy. F. Svaz ruských akademických organizací v zahraničí.

[137] Curriculum vitae M. A. Andrejevovoj // Archiv Akademie věd ČR. F. J. Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 37.

[138] Curriculum vitae // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. M. A. Andrejevova. T-And. T-And-1.

[139] Список Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. 1-й список (писатели). Составлен 15 мая 1930 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 15.

ятельными по чешским меркам людьми. По воспоминаниям современников, при всякой присылке счетов из налоговых органов В. А. Францев возмущался и неизменно повторял: «Видимо, чехословацкое правительство решило на полученные с меня налоги содержать свою республику!»[140] В то же время и его положение не было столь безоблачным. В письме к профессору М. Н. Сперанскому 5 августа 1922 г. он жаловался на нехватку средств и дороговизну: «Здесь в системе вознаграждения – нивелизация, уравнение интеллектуальных работников с низшими служащими. Пожарный или кондуктор пражского трамвая имеют гораздо больше, чем ординарный университетский профессор». В. А. Францев был вынужден материально помогать своей матери, жившей в Варшаве, и своему старшему брату, бывшему директору гимназии[141]. О высоких ценах писала в письме литератору А. В. Бахраху 20 июля 1923 г. М. И. Цветаева. Она рассказывала ему о быте русских студентов: «Живут приблизительно впроголодь, здесь невероятные цены, а русских ничто и никогда не научит беречь деньги. В день получки – пикники, пирушки, неделю спустя – задумчивость»[142].

Поэтому русские интеллектуалы были вынуждены прибегать к дополнительным заработкам, насколько это было возможным. И все равно их жизнь и научная работа полностью зависели от щедрости чешского правительства и меценатов. В Российском государственном архиве литературы и искусств сохранилась папка писем археолога Е. Н. Клетновой, содержащая ее просьбы в адрес Союза русских писателей и журналистов о получении ежемесячной материальной помощи в размере 800 крон. Е. Н. Клетнова в июне 1924 г. приехала в командировку в Чехословакию, но обратно в СССР не вернулась. До революции она была известна не только как исследовательница Гнёздовских курганов, но и как литературный переводчик. Поэтому, оказавшись за рубежом, она продолжала

---

140 *Андреев Н. Е.* Указ. соч. Т. I. С. 328.

141 См.: *Лаптева Л. П.* Русский славист В. А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России (по материалам неопубликованной переписки) // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 1997. № 2. С. 61.

142 *Цветаева М. И.* Из писем А. В. Бахраху // Прага: русский взгляд. М., 2003. С. 134.

жить на гонорары за свои литературные труды. Однако летом 1926 г. после изменений в советском законодательстве она лишилась возможности получать гонорары за оперные и драматические переводы, на которые она существовала ранее. В связи с этим она просила Союз выдать ей ссуду в размере 850 крон[143]. Размер ежемесячной стипендии, которую она начала получать от чехословацкого правительства в 1926 г., составлял: 800 крон в 1926 – 1928 гг., 600 крон – с 1928 по 1930 гг.[144]

Е. Н. Клетновой приходилось подрабатывать няней в семье профессора А. П. Калитинского и актрисы МХТ М. Н. Германовой, заниматься воспитанием их сына и даже продавать свои вышивки[145]. Однако, судя по ее письмам, это не приносило стабильного дохода. В письме от 28 декабря 1930 г. она выражает опасения сокращением финансовой помощи: «Очень тревожусь попасть в “сокращенцы”, особенно в этом году, когда на выставке моих вышивок продано всего лишь на 44 кроны, а у меня на материал затрачено свыше 100 крон!»[146] Тяжелое материальное положение заставляло ее распродавать свои книги. В марте 1933 г. она обратилась с письмо к секретарю Археологического института имени Н. П. Кондакова Д. А. Расовскому с просьбой приобрести или помочь продать за 8 рублей «Готский сборник», изданный ГАИМК. Вышивки по-прежнему не приносили ей стабильного дохода. Она писала, что остро нуждается в 40 – 50 кронах до конца марта 1933 г.[147]

Те же просьбы отражены в письмах Б. А. Евреинова. 31 мая 1923 г. он просил у Союза русских писателей и журналистов

---

[143] РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

[144] Список Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. 1-й список (писатели). Составлен 15 мая 1930 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 15.

[145] *Янчаркова Ю.* «Теперь же уходя в небытие…»: Письма А. П. Калитинского и М. Н. Германовой, сотрудникам Археологического института им. Н. П. Кондакова, княгине Н. Г. Яшвиль, Д. А. Расовскому, Н. П. Толлю // Rossica 2007: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 161.

[146] РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 83. Л. 15 – 16.

[147] Письмо Е. Н. Клетновой Д. А. Расовскому от 26 марта 1933 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor. Krab. XLIV. Kletnova Jekaterina Nikolajevna, Praha, Užhorod.

выдать ему ссуду в размере 700 крон и обещал погасить ее «в течение года по возвращении в Россию»[148]. У Б. А. Евреинова была семья, состоящая из жены и троих детей. Некоторое время он работал в благотворительной организации YMCA-Press, но после ликвидации ее представительства в Праге остался без работы. В конце августа он вновь просил у Союза ссуду в 1.000 крон[149].

Как видим, жизнь и научная деятельность русских интеллектуалов в Праге зависела от финансовой поддержки со стороны чешского правительства, которая с середины 1920-х гг. начала постепенно сокращаться. Пик развития «русской акции» пришелся на 1925 – 1926 гг.

Нестабильность материального и социального положения вызывала текучесть кадров, отъезды из Праги в поисках лучшего места работы. В 1925 г. Прагу покинули Г. В. Флоровский и П. Б. Струве, в 1927 г. – Г. В. Вернадский и Е. В. Спекторский, в 1930 г. – В. А. Мякотин, в 1932 г. – И. И. Лаппо, в 1936 г. – К. И. Зайцев, в 1939 г. – Н. П. Толль, в 1940 г. – М. М. Новиков. Кроме того, сообщество русских ученых понесло немало тяжелых утрат: в 1923 г. скончался Н. В. Ястребов, в 1925 г. – Н. П. Кондаков, в 1930 г. погиб Н. М. Беляев, в 1933 г. умерли Б.А. Евреинов, А. А. Кизеветтер и Н. С. Жекулин, в 1934 г. – Е. Ф. Шмурло, в 1940 г. – В. В. Саханев, в 1942 г. – В. А. Францев и Е. А. Ляцкий, в 1943 г. – М. В. Шахматов. Все это больно ударяло по русской интеллектуальной жизни в эмиграции.

Гуманитарная программа чехословацкого правительства была изначально запланирована на непродолжительный срок. Когда оно убедилось, что власть большевиков не только не рухнула, но и укрепилась, и что возвращение эмигрантов в Россию в обозримом будущем не предвидится, помощь им была сокращена. Кроме того, в конце 1920-х гг. во всем мире стал ощущаться надвигавшийся экономический кризис. Небольшое славянское государство просто не могло в этих условиях изыскивать средства на продолжение акции.

Известная общественная деятельница Е. Д. Кускова с сожалением писала 1 февраля 1930 г. переводчице Н. Мельниковой-Папоушковой о прекращении выплат пособий А. И. Ремизову, И. А. Бунину и Б. К. Зайцеву: «По совести, очень

---

[148] РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 67. Л. 2.

[149] РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

жалею чешскую общественность, вынужденную иметь дело с русской нищетой. Но уже, очевидно, таков рок для обеих наций. Оправдание наше только в том, что нам самим и эта нищета, и эти просьбы доставляют величайшее страдание»[150].

Жизнь в Чехословакии становилась труднее, материальное положение историков ухудшалось, а вместе с тем сокращались возможности для научной работы и печатания своих трудов. В 1930 – 1931 гг. русские ученые-гуманитарии вынуждены были просить чехословацкие власти о предоставлении им специальной материальной помощи[151]. Многие пытались сделать это за счет своих связей с чехословацкими научными и политическими деятелями, стараясь заручиться их рекомендациями. В архиве чешского историка Ярослава Бидло сохранились письма к нему русской византинистки М. А. Андреевой. Она сообщала ему 23 марта 1931 г. о резком ухудшении своего материального положения, вследствие того, что в последнее время находилась вне социальных категорий эмигрантов и получала стипендию в размере 525 крон. В марте 1931 г. ее стипендия была сокращена до 450 крон, а сама М. А. Андреева была причислена к IV категории, несмотря на то, что звание приват-доцента и магистра давало ей право претендовать сразу на I категорию. С горечью она писала Я. Бидло: «Понимая невозможность зачисления в I-ую категорию ввиду всеобщего сокращения, я прошу оставить мне прежнее содержание 525 Kč. в месяц, оставив вне категорий. Если же меня хотят включить в постоянные категории, то поместить хотя бы в III-ию, получающую 800 крон в месяц. В этой категории находятся все приват-доценты моего факультета – не магистры. Находясь в IV-ой категории, я буду получать меньше прожиточного минимума и меньше того, что я получила, будучи студенткой. Между тем расходы мои увеличились, т.к. я неизбежно должна поддерживать связь со своими коллегами, пересылая свои оттиски, взамен которых я получаю их, кроме того я уже не пользуюсь студенческими льготами при проездах. Кроме того, если я сейчас и смогу еще кое как приработать к 450, чтобы прожить (на 450 прожить невозможно, в особенности, если легкие не в порядке), то при следующем сокраще-

---

150 Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 54.

151 Ibid. S. 54, 56.

нии моя стипендия уже станет настолько незначительной, что мне придется бросить занятия и искать постоянной работы не по специальности… Я осмеливаюсь просить не лишать меня раньше их возможности продолжать занятия. Т[ак] к[ак] я попала в такое положение только потому, что они кончили университет в России, и поэтому раньше меня были оставлены для приготовления к профессорскому званию, мне же пришлось докторироваться в Праге, и я не попала в категории, кончив позднее их»[152]. Опасения М. А. Андреевой были не напрасны. Ибо IV-ая категория подвергалась наибольшим сокращениям со стороны властей. В 1931 г. размер стипендии по ней был сокращен на 100 крон, так же, как и по III-й категории. Но обладатели III-ей категории изначально получали 900 крон, а IV-ой – 550.

Профессор Я. Бидло благоволил к М. А. Андреевой, поэтому она и попросила его ходатайствовать о предоставлении ей стипендии перед советником политического департамента МИД Чехословакии З. Завазалом или через посредничество директора Славянского института М. Вейнгарта попросить о ней напрямую министра иностранных дел К. Крофту[153].

В 1930-х гг. помощь русским ученым-эмигрантам продолжала оказываться только в индивидуальном порядке и часто носила эпизодический характер. Власти продолжали оказывать лишь небольшую индивидуальную помощь. Но сам Т. Масарик, даже после своего ухода с поста президента, оказывал материальную поддержку русским из личных средств. Опубликованные чешскими историками документы показывают размеры индивидуальных выплат. Осуществлялись они, как правило, из специального фонда Президента или Министерства иностранных дел. Летом 1932 г. благодаря ходатайствам А. С. Ломшакова индивидуальные пособия в порядке исключения были выплачены М. А. Андреевой, А. Н. Фатееву, Ю. А. Яворскому, Б. А. Евреинову, Н. М. Могилянскому, М. В. Шахматову, С. Г. Пушкареву (всем по 1.500 крон), Н. Л. Окуневу, Д. Н. Вергуну, А. В. Флоровскому, А. А, Кизеветтеру, П. А. Остроухову, Е. Ф. Шмурло (всем по

---

[152] Письмо М. А. Андреевой профессору Я. Бидло от 23 марта 1931 г. // Archiv Akademie věd ČR. F. J. Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 37.

[153] Там же.

1.000 крон)[154]. Согласно проекту в 1934 г. предполагалось оказать материальную помощь 45 русским ученым и членам их семей. Среди них были Е. Ф. Шмурло, А. Н. Фатеев, А. В. Флоровский, М. В. Шахматов, С. Г. Пушкарев, П. А. Остроухов, Н. Е. Еленев, Е. Н. Клетнова[155].

Несмотря на эту поддержку, налицо было резкое сокращение пособий. «Золотые годы» Чехословацкой республики ушли в прошлое. Ее экономика пребывала в состоянии кризиса, а политические изменения 1930-х гг., осложнили положение русской диаспоры. Ее численность стремительно сокращалась. Многие русские предпочитали покинуть Чехословакию. Зденек Сладек, а за ним и Вацлав Вебер, опираясь на статистические данные, отраженные в «Ежегодниках Чехословацкой республики», определили численность эмигрантов в 1932 г. в 10.500 человек. К 1938 г. их численность уже не превышала 8 тыс.[156]

Ликвидация «Русской акции» заставляла министерство резко сокращать расходы на помощь эмигрантам. Милуша Бубеникова выделила несколько основных причин прекращения этой поддержки. Во-первых, «Русская акция» была изначально рассчитана на короткий срок, ибо основана она была на вере в недолговечность большевистской власти. Во-вторых, к концу 1920-х гг. значительно сократился количественный состав эмиграции, многие ее представители покинули Чехословакию. В-третьих, разгорался мировой экономический кризис, который вынуждал сокращать все статьи бюджетных расходов. И, в-четвертых, изменялась картина международных отношений. Советская Россия была реальностью, с которой необходимо было считаться, особенно перед лицом нацистской угрозы. А поддержка Чехословакией эмигрантов встречала недовольство со стороны СССР[157].

Конец «Русской акции» был изначально предрешен: она не была рассчитана на ассимиляцию русских в чешском обществе. Все они, и студенты, получившие образование в республике, и их преподаватели, должны были вернуться в Россию.

---

154 Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 178 – 179.

155 Idid. S. 181 – 182.

156 *Veber V.* Emigrace z Ruska a 30 léta. S. 7 – 8.

157 *Бубеникова М.* Указ. соч. S. 18.

Чехословацкий рынок труда просто не смог вместить всех русских эмигрантов[158]. В чешских высших школах не было вакантных мест для русских профессоров.

По меткому выражению И. Савицкого: «“Русская акция” была совместной, чехословацко-русской “ставкой на Россию”, которая оказалась битой». Прага вынуждена была превратиться «из одной из эмигрантских “столиц” в иммигрантскую, по преимуществу, провинцию» и перейти «из категории “Париж” в категорию “Лион”»[159].

---

[158] *Савицкий И.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919 – 1939 гг. С. 49.

[159] *Савицкий И.* Прага и Зарубежная Россия. С. 139.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБРАЗЫ ПРАГИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ И СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

«Читаю Ваше письмо и улыбаюсь: маленькая Прага – а сколько имен и событий…», – писала в 1927 г. М. И. Цветаева своей чешской подруге А. Тесковой[160]. И с этими словами могли бы согласиться тысячи соотечественников великой поэтессы, для которых в 1920 – 1930-е гг. чешская столица стала новым домом. Действительно, в истории русской эмиграции Прага сыграла совершенно особую и ни с чем несравнимую роль. Так уж совпало, но становление русской колонии в Праге происходило одновременно с превращением ее из крупного, но все же провинциального австро-венгерского города в столицу молодой славянской республики, провозглашенной 28 октября 1918 г. На глазах русских беженцев, принесенных волной революции и Гражданской войны, Прага стремительно разрасталась, привыкая к своему новому столичному статусу.

Представляется небезынтересным проанализировать, какое же место занимала Прага в сознании русских эмигрантов, как конструировали они ее образ, как соотносился он с образами других эмигрантских центров, как отражался он в автодокументальных текстах (мемуарах, письмах и дневниках), периодической печати, научной литературе, художественных произведениях. Ответы на эти вопросы кажутся, на первый взгляд, очевидными. Однако торопиться с выводами не стоит. В современной историографии накоплен большой пласт исследований о разных эмигрантских центрах – Париже, Берлине, Праге, Харбине, Нью-Йорке, Риге, Белграде, Софии[161].

---

[160] *Цветаева М. И.* Из писем А. Тесковой // Прага: русский взгляд. М., 2003. С. 136.

[161] *Johnston R. H.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston, 1988; Der grosse Exodus: die russische Emigration und ihre Zentre 1917–1941 / Hrsg. von *K. Schlögel*. München, 1994; *Menegaldo H.* Les Russes a Paris 1919–1939. Paris, 1998; *Мелихов Г. В.* Белый Харбин: Середина 20-х гг. М., 2003; *Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М., 2004; *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007; *Он же*. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007; *Он*

Но нельзя не согласиться с мнением Ивана Савицкого, что еще недостаточно изучено, как соотносятся они между собой, какое место занимают на ментальной карте Зарубежной России[162]. Ведь у каждого такого русского города на чужбине был свой неповторимый облик, своя судьба. История этих центров имела свою внутреннюю и внешнюю динамику: менялась численность их населения, социально-культурный и политический статус. Поэтому важно понять, как взаимодействовали они друг с другом, и какие взаимные представления бытовали в русской зарубежной среде, как рождался образ эмигрантского города, как воспринимали русские коренное население и как выстраивали отношения с ним.

А что же Прага? Каков был ее образ, как он изменялся, и какие факторы влияли на этот процесс[163]? Дать ответы на эти непростые вопросы можно лишь при тщательном изучении многочисленных и разнообразных источников, порожденных в эмигрантской среде. Здесь следует признать, что пражский дискурс в эмигрантском текстуальном пространстве гораздо скромнее парижского и берлинского. Это затрудняет историко-культурный анализ образа чешской столицы в эмигрантском сознании. В то же время мешают этому и определенные исторические мифологемы, которые восходят своими корнями к 1920 – 1930-м гг. Их деконструкция превращается еще в одну важную исследовательскую задачу. Один из таких культурных мифов связан с особой и неповторимой ролью Парижа в жизни русской диаспоры.

же. Софии русский уголок: очерки со стихами о русских, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны. М., 2008; *Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008 и др.

162 *Савицкий И.* Савицкий И. Прага и Зарубежная Россия: Очерки по истории русской эмиграции 1918 – 1938 гг. Прага, 2002. С. 9.

163 Я разделяю взгляды современных российских историков, согласно которым всякие образы формируются на основе стереотипов. Но одновременно сами они отличаются от стереотипов «полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей», они основываются, как правило, на личном опыте и « не передаются готовыми, как стереотип». См.: *Голубев А. В., Куприянов П. С.* Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX – XXI веков) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2006. С. 375

Характерной чертой эмигрантской интеллектуальной жизни был спор о столице и провинции Зарубежной России. Правда был он уделом главным образом литераторов и представителей творческой интеллигенции. Тем не менее вовлечены в него оказались и более широкие слои русской диаспоры. Спор этот был неразрывно связан с утверждением особого статуса Парижа в эмигрантской культурной жизни и глобализмом притязаний его русских обитателей. Как показала петербургская исследовательница Ольга Демидова, в середине 1920-х гг. «литературно-бытовой текст парижской ветви диаспоры осознается как столичный, все остальные – как провинциальные»[164]. Таким образом, противопоставление «эмигрантской столицы и провинции актуализировалось и приобрело антитетический характер». Столицей Зарубежной России в 1920 – 1930-е гг. считался Париж, другие центры русского рассеяния по сравнению с ним воспринимались как провинциальные. И Прага не была исключением из правил: «По сравнению с русским Берлином периода расцвета русская Прага осознавалась как один из центров эмиграции; по сравнению с русским Парижем конца 1920-х – 1930-х гг. и Берлин, и Прага, и София, и Белград, и Харбин одинаково ощущали себя провинцией, хотя в общеэмигрантской иерархии Прага занимала более высокое положение, чем София и Белград, Белград считался "столичнее" Харбина, а все европейские центры – "столичнее" азиатских, американских и австралийских»[165].

Тяга русских к французской столице была вполне понятной и легко объяснимой. Истоки российской галломании уходят своими корнями еще в XVIII в. В XIX в. парижский миф прочно и окончательно вошел в русскую культуру. На рубеже XIX – XX вв. для русских интеллектуалов Париж стал одним из главных символов европейской цивилизации. Именно во Францию устремились после революции и Гражданской войны тысячи беженцев, а русская колония в этой стране на протяжении 1920 – 1930-х гг. была чрезвычайно многочисленной. Понятно, что ни Прага, ни тем более София, Белград, Рига или далекий китайский Харбин не могли противостоять Парижу и его культурному мифу, который прочно вошел в сознание русских

---

164 *Демидова О. Р.* Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья. СПб., 2003.С. 33.

165 Там же. С. 32.

еще задолго до революции. Здесь уместно говорить о стереотипе, который имел как индивидуальное, так и коллективное измерение. Личный опыт отдельных людей складывался в коллективный опыт эмиграции.

Действительно, в сознании большинства русских бытовали лишь смутные представления о славянских столицах Центральной и Восточной Европы, за исключением разве что Варшавы. Русские путешественники еще в XIX в. посещали Белград, Софию, Прагу, Братиславу, носившую до 1919 г. немецкое название Пресбург. Однако устойчивых образов этих городов в массовом сознании не сложилось, несмотря на колоссальный интерес русского общества к славянскому вопросу. Славянское возрождение усиливало это культурное притяжение, но одновременно порождало новые стереотипы и мифологемы в русском сознании[166]. В отличие от балканских городов, Прага никогда не воспринималась русскими как окраина европейской цивилизации, но и в качестве европейской столицы ее не рассматривали. Насколько же оправданными можно считать представления о Праге как о провинциальном городе Зарубежной России? И можно ли говорить о том, что они разделялись широкими кругами русской диаспоры?

Образы Праги, Чехословакии и чехов формировались в немалой степени под воздействием инокультурных стереотипов[167]. Несмотря на то, что весь XIX в. прошел для русского общества под знаменем идеи славянской взаимности, реальные знания о славянах и славянском мире мало соответствовали действительности. Вполне прав был К. Д. Бальмонт, сетовавший

---

[166] Одной из таких мифологем является стремление поставить знак равенства между русским славянофильством и национальным возрождением зарубежных славянских народов, представить славянофильство как «еще одно из учений о славянстве» (*Никл Г.* Славянофилы и славянство: случай Ивана Киреевского // Slovanské jazyky a literatury: hledání identity. Konference mladých slavistů IV – říjen 2008. Praha, 2009. S. 281 – 282).

[167] В данном случае значение термина «инокультурные стереотипы» шире значения терминов «этнические» и «внешнеполитические стереотипы». Он включает в себя не только образ этнической группы или иностранного государства, но и представления о «национальной истории, культуре, современной жизни» (*Голубев А. В., Куприянов П. С.* Указ. соч. С. 374 – 375).

в 1930-х гг., что «славяне мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов»[168].

Первые впечатления о чешской столице у большинства русских были связаны с запахом карболовой кислоты, которой мыли перроны пражских вокзалов[169], и с непривычными для русского взгляда вывесками магазинов и лавок «Горьки млеко», «Черстви хлеб». Это восприятие хорошо рисуют мемуары В. Ф. Булгакова, приехавшего в чешскую столицу в начале апреля 1923 г.: «Я вспомнил вычитанную из Энциклопедии Брокгауза и Ефрона справку о том, что Александр Гумбольдт считал Прагу, наряду с Константинополем и Лиссабоном, одним из трех, красивейших по местоположению, городов в Европе, – и жадно кинулся к окнам. Картина, представившаяся мне, далеко не оправдывала мнение великого германского ученого. Поезд летел по высокой насыпи. Внизу, в глубокой и продолговатой котловине, расстилалался однообразно-серый, довольно мрачный, окруженный фабриками и застланный дымом, поднимавшимся из бесчисленных труб, город… Правда, потом первое впечатление рассеялось: с этой стороны город, действительно, выглядел неказисто, но его можно было рассматривать и со многих других сторон»[170]. Но уже очень скоро в сознание русских эмигрантов начали входить и другие, более очевидные, яркие и запоминающиеся, визуальные пражские образы, связанные в первую очередь с урбанистическим пейзажем. Обратимся снова к В. Ф. Булгакову. Приехав в Прагу вместе с семьей и разместившись в отеле «Беранек», он сразу отправился осматривать чешскую столицу: «Первое впечат-

---

[168] *Бальмонт К. Д.* Из эссе «Душа Чехии в слове и в деле. Поэтические оценки и образцы» // Прага: русский взгляд. С. 151.

[169] См. воспоминания историка Н. Е. Андреева: «Над вокзалом стоял пронзительный запах, ибо утром все вокзалы в Праге обмывали раствором карболки. Этот запах у меня долго ассоциировался с въездом в Чехословакию» (*Андреев Н. Е.* То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908 – 1982). Т. I. С. 249 Воспоминания о пражском Вильсоновском вокзале сохранила и дочь литературоведа А. Л. Бема: «Прага на всю жизнь запомнилась мне такой, какой встретила нас в этот первый день на вокзале… Этот запах паровозного дыма, копоти, всей вокзальной атмосферы большого города» (*Бем-Рейзер Т. А.* Украденное счастье // Новый журнал. Нью-Йорк, 2008. Кн. 251. С. 244).

[170] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 5 – 6.

ление от города и у меня, и у жены было самое благоприятное. Чудный сквер перед вокзалом. Прекрасно мощеные, чистые улицы. Высокие, ровные, в хорошем состоянии дома. Нарядно одетые улицы… Еще несколько шагов дальше, и перед нами проплыли: грандиозное здание с надписью "Museum Regni Bohemiae" и направо от него величественный памятник Святому Вацлаву (Вячеславу), – конная статуя в центре и четыре человеческие фигуры по углам: великолепное творение Йозефа и Вацлава Мысльбека, в спокойно-классическом стиле, воздвигнутое еще до рождения Чехословацкой республики и уже успевшее стать как бы символом, эмблемой старой, славянской Праги. […] "О, как хороша чешская Прага!" – невольно проносилось в моей голове: "Тут мы будем жить… Дай Бог успеха и счастья"»[171].

Пространство Праги представляло собой особый культурный текст, сформировавшийся на пересечении различных этнических, религиозных, лингвистический границ. Известно, что опыт освоения и усвоения пространства индивидуален. Поэтому Прага порождала не только коллективные, но, в первую очередь, индивидуальные образы, которые находили выражение в многочисленных автодокументальных текстах. Все они рисуют сложную картину диалога культур и многогранный образ самой чешской столицы. В них, как в зеркале, отражались авторские представления о Других, в данном случае о чехах, их характере, манерах поведения, внешнем виде, привычках.

Прага была для русских не просто городским пространством, но активным участником и свидетелем исторического процесса. В этом отношении, по мнению эмигрантов, лишь немногие европейские города могли бы сравниться с ней. В интервью газете «Prager Presse» 20 июня 1922 г. знаменитый писатель-сатирик А. Т. Аверченко говорил: «Прага такая прокопченная. Я думаю, что десятки городов дорого бы дали, чтобы так прокоптиться и приобрести такой благородный налет старины»[172].

Если столицы западноевропейских государств воспринимались многими русскими как «чужие города», то в образе Праги и Чехословакии вообще эмигранты старались подчеркнуть близкие им черты, напоминавшие о потерянной Родине.

---

[171] Там же. Л. 9 – 10.

[172] *Аверченко А. Т.* Из интервью // Прага: русский взгляд. С. 127.

Корреспондент парижских «Последних новостей» отмечал, что при пересечении немецко-чешской границы он словно оказался в другом мире, попал «из чужого дома к родственникам»[173]. Представления эти, безусловно, питались давними мечтами о славянском единстве и славянском братстве. Интересно, что еще в XIX в. немало русских путешественников пыталось уподобить Прагу Москве[174].

Пражское городское пространство осознавалось русскими как средоточие культурных символов. Если для В. В. Набокова в романе «Дар» Берлин был лишен поэтичности, если А. Н. Вертинский пел о «чужих городах», в которых русские «чужие навсегда», то Прагу русские авторы описывали по-иному. В восприятии русских сами чехи нередко противопоставлялись немцам и французам. В январе 1936 г. Е. И. Замятин писал А. Н. Толстому: «Хороший город Прага! И чехи – теплые ребята, это тебе не французы. Сколько я там топил в “Умелецкой беседе” – с Кубкой, Коптой, Чапеком!»[175]

---

173 *К. Н.* Три столицы: III. Прага // Последние новости. Париж, 1925. № 1612. 28 июля.

174 «Прага хороша, но неправильно выстроена и немного напоминает Москву» (*Хомутов С. Г.* Из «Дневника свитского офицера. 1813 год» // Прага: русский взгляд. С. 34), «Прага, столица Богемии… Говорят, что вид ее имеет сходство с Москвою…» (*Раевский А. Ф.* Из «Воспоминаний о походах 1813 и 1814 годов» // Там же. С. 35), «Оттуда мы в прелестную погоду поехали в Прагу, вид которой издалека поразил нас всех сходством с Москвою» (*Бенкендорф А. Х.* Из мемуаров «Портфель графа А. Х. Бенкендорфа» // Там же. С. 43), «Я жила вместе с Родителями на Градчане, откуда был прекраснейший вид на город и Влтаву. Вид этот напоминал мне Москву…» (*Великая княжна Ольга Николаевна.* Из «Воспоминаний. 1825 – 1846» // Там же. С. 44), «Прага имеет много сходства с Москвою; такой же старый большой живописный город, тоже кривые улицы и переулочки, та же смесь в строении» (*Станкевич Н. В.* Из писем родителям // Там же. С. 48) и др.

175 *Замятин Е. И.* Из письма А. Н. Толстому // Прага: русский взгляд. С. 192. И здесь в словах известного писателя возникает другой узнаваемый всеми русскими пражский образ – пивная. Тот же Е. И. Замятин отметил в своей записной книжке пивную «У Хмеля», в которой подавали 12 сортов сосисок, и, конечно, самую популярную пражскую пивную «Флек» (*Замятин Е. И.* Из «Записных книжек». 1931 – 1936 // Прага: русский взгляд. С. 192). Ее же воспел в своем шуточном стихотворении известный пражский врач и поэт Ф. Н. Досужков: «И нету в целой миллионной Праге // Искренне и просто приветливее места» (*Досужков Ф. Н.* «Флек» // Там же. С. 224). Пивные влекли эмигрантов не только как места проведения досу-

Почти все русские попали под очарование древнего города, ставшего молодой славянской столицей. Прошлое и настоящее сливалось в ней воедино. И порой трудно было отличить, где были реалии, а где тени прошлого, как, например, поэту Игорю Северянину, для которого Прага была окутана мистическим фаустовским духом, и в которой «явь» переплеталась с «бредом»[176]. Этот мистический дух, передаваемый «загадочными клубками узких улиц» (И. Г. Эренбург)[177], «сонными мостами» и «серебристыми башнями» (Т. Д. Клименко-Ратгауз)[178], отмечали десятки русских эмигрантов.

Одним из самых притягательных мест в Праге русские обозначали Карлов мост, воспринимавшийся ими как место пересечения разных исторических эпох. Это ощущение хорошо предают слова художника А. Н. Бенуа из письма в газету «Последние новости» от 11 мая 1935 г.: «Когда стоишь на изумительном Карловом мосту, подобного которому нигде не найти, и глядишь с него на обе стороны, то получаются картины, которыми еще любовались люди в дни, когда во Франции правил Луи Каторз, а в России "Тишайший". И если бы встали из гроба король Карл IV или император-меценат Рудольф II, то они бы в общем узнали свою Прагу, весь ее диковинный, из башен и шпилей состоящий силуэт, столь красноречиво говорящий о мощи, и о богатстве, и о глубокой древней культурности города»[179]. Известный историк искусства Н. А. Еленев убедительно подтвердил эти суждения в научной статье о Карловом мосте, который являлся для него «одним из замечательнейших созданий национального гения», воплощением души Праги и чешского духа[180].

Но Карлов мост – не только мемориальный символ, его образ в восприятии русских сложнее и многограннее. Он не

га, но и как места повседневного соприкосновения русской и чешской культур. Тот же Е. И. Замятин отмечал: «Поют за соседним столом – наполовину по-чешски, наполовину по-русски» (*Замятин Е. И.* Из «Записных книжек». С. 191)

176 *Северянин И.* Прага // Прага: русский взгляд. С. 146.

177 *Эренбург И. Г.* Из книги «Дороги Европы» // Там же. С. 143.

178 *Клименко-Ратгауз Т. Д.* Память о Праге // Там же. С. 191.

179 *Бенуа А. Н.* Из писем в парижскую газету «Последние новости» // Там же. С. 197–198.

180 См.: *Еленев Н. А.* Карлов мост в Праге // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1931. Т. IV. С. 46 – 64.

только историчен, но еще и эстетичен. Значение его наглядно раскрывается в эмигрантской поэзии и прозе. Так в стихотворении Т. Д. Клименко-Ратгауз мост является местом разлуки. Стоя на нем ранним морозным утром, героиня видит перед собой чернеющие башни, грохочущий трамвай, лиловую воду Влтавы, слышит церковное пение и понимает, что своего любимого ей не больше не встретить «ни завтра, ни сегодня, никогда»[181]. В то же самое время, словно в противовес, Карлов мост становится символом романтических встреч, как, например, в стихотворении Г. П. Струве, который не может забыть серебрящуюся ночную воду у моста, «щербатые камни» пражских улиц и «терпкий вкус нецелованных губ» своей возлюбленной[182]. Но мост еще – это символ творческого вдохновения, как, например для писателя К. А. Чхеидзе: «Я стоял на том мосту, на древнем мосту, обладающим несравнимой силой – остановив, приковать к себе. Игра света и тени причудливо изменяла очертания статуй. Статуи жили, жили. Они шевелили руками, пронзали руками вечерний просто: взывали к неведомым силам. И – чудилось – отвечали река и небо и созвучно сливались в ответе. Мелодия вечера делалась внятной, мелодия вечера незримой струей вливалась в душу. И душа пела»[183].

Упоминаемые в предыдущей цитате знаменитые статуи также нашли свое отражение в эмигрантском пражском дискурсе. Так, образ Карлова моста дополнялся в сознании русских другим знаковым символом – скульптурной фигурой Пражского рыцаря. Этот «бледнолицый Страж» становится героем знаменитого стихотворения М. И. Цветаевой[184]. Она же пишет А. В. Бахраху в Париж 27 сентября 1923 г.: «У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела. Ему около пятисот лет, и он очень молод: каменный

---

[181] *Клименко-Ратгауз Т. Д.* На Карловом мосту // Прага: русский взгляд. С. 189.

[182] *Струве Г. П.* На Карловом мосту // Там же. С. 215; *Он же.* Прага – 1938 // Там же. С. 216.

[183] *Чхеидзе К. А.* Путник в Востока: проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост., вступ. статья и коммент. *А. Г. Гачевой*. М., 2011. С. 190.

[184] *Цветаева М. И.* Пражский рыцарь // *Цветаева М. И.* «Осыпались листья над вашей могилой…»: Стихотворения, поэмы. Казань, 1990. С. 332 – 333.

мальчик. Когда Вы думаете обо мне, видьте меня с ним»[185]. Пражского рыцаря делает героем своего рассказа писатель-эмигрант П. А. Кожевников. Рыцарь становится под его пером символом вечности («Сменяются прохожие на Карловом мосту, сменяются эпохи, нравы и одежды, а он все стоит») и верности долгу («Стоит страж на своем посту, такой честный, верный своему долгу»)[186]. Он спасает героиню, попытавшуюся покончить жизнь самоубийством, бросившись в воды Влтавы с высоты Карлова моста.

Подобные насыщенные описания были призваны показать особое историческое очарование Праги, уравнять ее с другими европейскими столицами. Своеобразной апологией Праги и самой масариковской Чехословакии стала книга известного журналиста и литературоведа М. Л. Слонима «По золотой тропе», изданная в 1928 г. специально к 10-летнему юбилею славянской республики[187]. Она написана в виде путевых очерков, и это роднит ее с другими известными в эмиграции путевыми заметками – «Образами Италии» П. П. Муратова, расширенное и дополненное издание которых вышло в Берлине в 1923 г. Марк Львович Слоним (1894 – 1976) был известным публицистом и общественным деятелем, активным членом партии эсеров, депутатом разогнанного большевиками Учредительного собрания. С 1922 г. он жил в эмиграции. Сначала Берлин, а затем – Прага. В чехословацкой столице он участвовал в издании газеты «Огни» и журнала «Воля России», создании Русского заграничного исторического архива. Но, кроме того, он был известен как журналист, публицист и переводчик.

Название книги многозначно. «Золотая тропа» – это не просто путь автора, наполненный яркими и незабываемыми впечатлениями, это путь самой Чехословацкой республики, в прогресс которой журналист безгранично верит. Интересен маршрут, избранный М. Л. Слонимом. Он старается посетить места, которые находятся в стороне от шумных туристических линий, которые порой не заносят в путеводители. Он обходит стороной Карловы Вары и Марианские Лазни, посещает казематы крепости Шпильберг и поле Аустерлица, но не говорит

---

[185] *Цветаева М. И.* Из писем А. В. Бахраху // Прага: русский взгляд. С. 134.

[186] *Кожевников П. А.* Из рассказа «Каменный рыцарь» // Там же. С. 186.

[187] *Слоним М. Л.* По золотой тропе: чехословацкие впечатления. Париж, 1928.

ни слова о самом городе Брно, совершает поездку в гуситский Табор, но проходит мимо Чешского Крумлова. Такой выбор был, вероятно, вызван желанием показать многообразие Чехословакии, открыть для читателя такие места, в которых он не бывал, и о которых мог даже не слышать. Но все эти места, по мысли автора, в полной мере раскрывают богатейшее культурное наследие Чехословакии.

И все же свое чехословацкое путешествие М. Л. Слоним начинает не из моравской или словацкой глуши, а из Праги, без которой нельзя представить быт и культуру чешских земель, сам исторический путь чешского народа. Таким образом, он выстраивает иерархию своего путешествия, начав его в столице республике, затем посетив Братиславу, а после нее – маленькие провинциальные городки, деревни и поселки.

М. Л. Слоним отличался от многих своих соотечественников. Это заметно по его огромному желанию с самых первых дней своего пребывания в Чехословакии как можно лучше понять ее историю и традиции, что хорошо видно на примере его путешествий. Он не был обычным туристом, который в погоне за мимолетными впечатлениями порой упускает суть, не может понять истинную глубину увиденного им.

Поэтому и Прага в книге М. Л. Слонима представляет собой сложный, многослойный культурный текст. Впрочем, дело здесь не в творческой манере русского публициста. Само пражское пространство, сформировавшееся на пересечении различных этнических, религиозных, лингвистических границ, складывалось из разнообразных символов, находящих свое место на ментальной карте города. Эту черту отражает вывод американского архитектора Кевина Линча, показавшего существование в городской среде особых читаемых объектов, которые пробуждают в сознании яркие и запоминающиеся образы[188]. Поэтому насыщенное описание М. Л. Слонима обращено прежде всего к таким визуальным городским образам, будь то архитектурные памятники, или же яркие рекламные вывески.

В Праге его привлекает буквально все – ее неповторимый облик, создаваемый великолепными архитектурными творениями, драматические страницы истории, наполненные многовековой борьбой за национальное освобождение, городские

---

[188] *Линч К.* Образ города. М., 1982. С. 22.

легенды, уходящие вглубь веков, и, конечно, ее жители. Для него в равной степени важны островерхий Тынский собор, древнее еврейское кладбище с крючковатыми надгробными надписями, черепичные крыши Малой Страны и одновременно новомодные кафе, рестораны, кинотеатры и магазины. М. Л. Слоним стремится представить читателю полную и законченную картину городской жизни, он пишет обо всем сразу, но при этом сохраняет целостность своих эстетических и культурных впечатлений. Журналистское чутье и безупречный художественный вкус помогают ему осознать исторически неповторимый образ Праги и увидеть его многогранные стороны.

Пражское городское пространство осознавалось М. Л. Слонимом как средоточие культурных символов. Одним из них был Карлов мост, воспринимавшийся как место пересечения различных исторических эпох, как место «легенд и паломничеств»[189]. Медленное течение вод Влтавы словно символизирует, что и время здесь почти остановилось. Прага была для М. Л. Слонима не просто городским пространством, но активным участником и свидетелем исторического процесса: «Есть несколько Праг, прорастающих одна в другую, имеющих разные возрасты и разные территории, и даже самая недавняя торжествующая столица республики, нерасторжимо связана с той, прежней, с многобашенным городом поражений и мужества»[190]. В этом отношении, по мнению автора, лишь немногие европейские города могли бы сравниться с ней. Закономерно, что столь большое внимание в своей книге М. Л. Слоним уделяет рассказам о героических страницах чешской истории, особенно о Яне Гусе и Иерониме Пражском, о «чешских братьях», казненных на Староместской площади после поражения в битве у Белой Горы 1620 г.[191]

Прогулка русского публициста по чешской столице напоминает экскурсию для туристов: попеременно он обходит все главные исторические места. М. Л. Слоним начинает свой путь у Пороховой башни недалеко от Староместской площади, проходит по Пшикопу и Вацлавской площади до Национального музея, затем спускается к Влтаве до Национального тетра,

---

[189] *Слоним* М. Л. Указ. соч. С. 24 – 25.
[190] Там же. С. 12.
[191] Там же. С. 15 – 18.

доходит до Клементинума и по Карлову мосту попадает в Малу Страну, где завершает свое путешествие в Граде.

Перед читателями книги М. Л. Слонима предстает написанный ярким литературным языком путеводитель по чешской столице, страница за страницей сменяют друг друга пражские достопримечательности – Карлов мост, Град, Вацлавская площадь, Вышеград, улица Пшикоп… Автор уделяет большое внимание повседневным деталям. Он рисует переполненные кафе, светящиеся витрины, обувные магазины «Бати», бары и дансинги. И эти детали призваны показать современное очарование Праги, подчеркнуть ее столичность, убедить читателя в том, что Вацлавская площадь не уступает Монмартру и Унтер-ден-Линден. Поэтому и пишет М. Л. Слоним об «уверенной в себе толпе», «великолепных магазинах» и «строящихся домах», о «Праге победы, пробужденной после столетий насильственного сна»[192]. Даже манекены в витринах магазинов в описании М. Л. Слонима выглядят по-парижски[193].

В его повествовании прошлое и настоящее Праги соединяется воедино. В ней соседствуют новые модернистские дома и барочные дворцы, древние хоругви гуситов и развевающиеся флаги молодой Чехословакии. Для журналиста важен пафос городского прогресса: «Сквозь рабство и бедность пронес он эту мечту о своем доме, и вот теперь он строит Новую Прагу»[194]. Правда облик новой столицы вызывает у него не всегда восхищение, но часто иронию. Он смеется над новой чешской буржуазией, боящейся упреков в провинциальности, и желающей пересадить все «достижения техники» и все «столичные выдумки» на пражскую почву[195]. По прогнозу М. Л. Слонима, всего лишь через несколько лет эти самые новые люди снесут «изящные дома с барочными украшениями на фасаде…, бывшие свидетелями и иезуитски-холодного царствования Иосифа II и постно-лицемерного века Марии Терезы», и заменят их высотными зданиями из стекла и бетона[196]. К счастью, предсказание русского журналиста так и не сбылось, и ста-

[192] Там же. С. 10.
[193] Там же. С. 12.
[194] Там же. С. 11.
[195] Там же.
[196] Там же.

рая Прага по-прежнему сохраняет свое историческое обаяние.

Интересно, что многих эмигрантов визуальные образы Праги заставляли вспомнить о России. Здесь уже говорилось, что русские путешественники XIX в. находили схожие черты между Прагой и Москвой. Находили их и русские изгнанники 1920 – 1930-х гг. Так Е. И. Замятин, прогулявшийся по Златой улочке в Пражском Граде, написал, что ее маленькие домики похожи на «наши провинциальные»[197].

Итак, перед нами опять появляется термин «провинция». Принадлежит он в данном случае не парижанину, а писателю, сумевшему покинуть СССР только в начале 1930-х гг. Однако в данном контексте в значение слова «провинция» не вкладывается ни капли иронии и уничижения. Как показала в своих исследованиях О. Р. Демидова, в эмигрантской среде произошло раздвоение его понимания. Дореволюционная провинциальная жизнь стала восприниматься как своего рода культурный эталон, а провинции эмигрантской напротив стали приписываться негативные смыслы, которые связывались с этим понятием в дореволюционной России: «захолустье», «скука», «косность», «отсталость»[198].

Эти эпитеты нередко употреблялись и по отношению к Праге, чаще всего со стороны русских парижан и, реже, берлинцев. Например герой набоковского романа «Отчаяние» испытывает к Праге противоречивые чувства. Оказавшись по служебным делам в чешской столице, он решил прогуляться по пражской окраине, желая найти покой и красоту. Но вместо них он видит «унылые, бесплодные места», «кривые домики», «бумажонки, тряпки, отбросы»[199]. Позиция набоковского героя выглядит, конечно, пристрастной и безапелляционной. Но она также отражает настроения определенного слоя эмигрантов, предпочитавших чешской столице Париж и Берлин. В апреле 1925 г. видный эсер А. В. Пешехонов писал историку-архивисту А. Ф. Изюмову: «Итак, Вы окончательно предпочли Берлин Праге. Ваше длительное сидение на двух стульях, стало быть, кончилось. И пора!... Все таки Берлин – столица, а Прага – про-

---

[197] *Замятин Е. И.* Из «Записных книжек». С. 191.

[198] *Демидова О. Р.* Указ. соч. С. 33.

[199] *Набоков В.* В. Из романа «Отчаяние» // Прага: русский взгляд. С. 162 – 163.

винция, не говоря уже о всем прочем. А главное – к России ближе»[200]. Взгляды А. В. Пешехонова, очевидно, находили широкий отклик в эмигрантской среде. Когда чехословацкое правительство начинало «Русскую акцию», то на призыв переехать в Прагу откликнулись далеко не все русские ученые. Примечательна позиция Н. А. Бердяева и С. Л. Франка, которые в 1922 г. «решили остаться в таком большом мировом центре, как Берлин, основать журнал и заниматься литературною деятельностью»[201] Правда были и иные примеры. В августе 1927 г. историк и археолог Е. Н. Клетнова предприняла попытка перебраться в Париж, чтобы быть поближе к европейской науке. Но работы она там найти не смогла, сама французская столица ее разочаровала, и она вернулась в Прагу: «Париж с его огромными расстояниями и головокружительно-бешенной жизнью мне совершенно не по силам, и в нем работать я не могу»[202]

Даже при поверхностном взгляде становится понятно, что в сознании русских бытовало противоречивое восприятие Праги. Все они подчеркивали изысканное очарование чешской столицы. О своей любви к ней говорила в письма к А. Тесковой и М. И. Цветаева: «Я Прагу люблю первой после Москвы…»[203]. В письме в редакцию «Последних новостей» в мае 1935 г. А. Н. Бенуа называл чешскую столицу «самым поэтичным городом Средней Европы»[204]. Но одновременно Прага воспринималась многими как город, не привыкший к столичному статусу, провинциальный, хотя и глубоко европейский, несравнимый с тем же имперским Петербургом[205]. В. Ф. Булгаков приводил в своих воспоминаниях диалог с бывшим членом Московской городской управы А. Ф. Малининым, случайно встретившимся ему однажды на улицах чешской столицы. В. Ф. Булгаков в тот момент был поражен необычайной архитектурной красотой Праги, в особенностью Староместской площадью:

---

[200] ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.

[201] *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. М., 2008. С. 196.

[202] РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 83. Л. 11.

[203] *Цветаева М. И.* Из писем А. Тесковой. С. 136.

[204] *Бенуа А. Н.* Указ. соч. С. 197.

[205] *Мейснер Д. И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С. 126.

«– Какая красота! – вырывается у меня невольно.

– Да, эта площадь – одна из самых красивых в городе, – со снисходительным видом цедит сквозь зубы Малинин, – хотя, вообще-то, Прага – маленький городишко.

– Как маленький городишко?!

– Конечно. Разве можно ее сравнить с Москвой?»[206]

Многочисленные эмигрантские политические деятели полагали, что из Праги нельзя оказывать влияние на мировую политику и поэтому предпочитали жить в Париже или Берлине. В то же время в начале 1920-х гг. Прага воспринималась как эсеровский центр, и поэтому отталкивала многих интеллектуалов. Как считает И. Савицкий, именно это сыграло роль в отказе философа И. А. Ильина перебраться из Германии в Чехословакию[207].

Едкие характеристики русской Праги можно найти в воспоминаниях и письмах русских парижан. Поэт В. Ф. Ходасевич писал 7 ноября 1923 г. А. В. Бахраху: «Что касается здешних русских, то – случалось ли Вам ездить по России в спальном вагоне 3-го класса? Так вот, представьте, что все пассажиры оного (бухгалтеры, земские статистики, учителя, чиновники контрольной палаты, землемеры) – вылезли на станции "Прага" и закусывают в буфете. Колбаса, сыр, чай ("свой кипяток") – и просаленная бумага»[208].

В то время как русский Париж ориентировался на петербургские культурные традиции «Серебряного века», интеллектуальная среда русской Праги испытывала сильное московское влияние. Этот московский дух очень хорошо подмечали жители других эмигрантских центров. Парижанин А. Штейгер в письме к княгине З. А. Шаховской от 5 июля 1935 г. писал о Праге: «Конечно, многое после Парижа странно – иной тон и стиль чуть все-таки московский»[209]. Этот «московский» стиль, столь близкий, например историку А. А. Кизеветтеру с его «"перво-

---

[206] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 15.

[207] *Савицкий И. П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha, 1999. С. 75.

[208] *Ходасевич В. Ф.* Из писем А. В. Бахраху // Прага: русский взгляд. С. 140.

[209] *Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 177.

престольным" патриотизмом»[210], часто отталкивал интеллектуалов русского Парижа. З. А. Шаховская описывала в своих воспоминаниях поездку в Прагу в 1932 г. и посещение заседаний литературного общества «Скит поэтов». По ее словам, пражане увидели в ней олицетворение «парижской ноты», бывшей, по их мнению, выражением декадентства, и с жаром напали на нее: «Попреки и укоры их были не без едкости, но били мимо цели»[211]. Но в первую очередь сами парижане свысока смотрели на литературный процесс, протекавший за пределами французской столицы. В их глазах Прага была литературным захолустьем. Посетившая чешскую столицу Н. Н. Берберова писала о Праге: «… Там главенствовали Чириков, Немирович-Данченко, Ляцкий и их жены, и для них я была не более букашки, а Ходасевич – неведомого и отчасти опасного происхождения червяком»[212]. Однако документы показывают, что и не все русские пражане были готовы мириться со старым московским духом. Более того, у некоторых он вызвал раздражение, ибо служил символов косности и консерватизма. Например негативную оценку этого московского стиля жизни, данную в ноябре 1921 г. в письме профессора-юриста Н. Н. Алексеева: «Мне не под душе среда, в которую я попал и от которой уже отвык, – бархатный баритон Павла Ивановича [Новгородцева], профессорские сплетни и интриги, милые профессорские жены, словом вся та дрянь, от которой я спасался в Москве, но не могу спастись здесь»[213].

Мудрый пражский литературовед А. Л. Бем уловил корни подобных взглядов русских парижан и охарактеризовал их как «столичный провинциализм». В его понимании, «провинциал, очутившийся волею судьбы в столице, нахватавшийся верхов культуры, начитавшийся – без возможности продумать и освоить – наиболее модных авторов и сам захотевший стать во что бы то ни стало "столичным" – вот источник этого столичного провинциализма. Париж наиболее подходящее место для

[210] См.: *Лосский Б. Н.* В русской Праге (1922 – 1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 45.

[211] *Шаховская З. А.* Из книги «Отражения» // Прага: русский взгляд. С. 193.

[212] *Берберова Н. Н.* Из книги «Курсив мой» // Там же. С. 141.

[213] Русский Берлин 1921 – 1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris – М., 2003. С. 237.

произрастания этого сугубо российского плода»[214]. Свои взгляды А. Л. Бем концентрированно высказал в сентябре 1937 г. в статье в варшавской газете «Меч». Поводом к ее написанию послужило начало издания в Шанхае журнала «Русские записки», который фактически дублировал парижские «Современные записки». Но в своем отзыве А. Л. Бем пошел куда дальше простого литературоведческого обзора и вынес в заглавие своей работы вопрос о взаимоотношении эмигрантских «столицы» и «провинции». «В какой мере русский литературный Париж имеет право претендовать на гегемонию в литературе только потому, что он находится в Париже?» – спрашивал он читателей[215]. Для самого А. Л. Бема ответ на вопрос был очевиден. Спор «столицы» и «провинции» он считал бесплодным и лишенным всякого смысла, полагая, что нет, тем самыми, никаких основания для сравнения пражского и парижского центра в пользу одного или другого. А. Л. Бем попытался найти конструктивный подход и выделить объединяющие мотивы для всех русских столиц. И таким мотивом, по его мнению, должна стать связь с Родиной. Но в Париже призыв ученого услышан не был. Для самих парижан провинциальность Праги по-прежнему объяснялась отсутствием там крупных писателей и следованием давно устаревшим, архаичным литературным моделям прошлого, связанным не столько с Петербургом Серебряного века, а с Москвой 1870 – 1880-х гг. Такое отношение сохранялось вплоть до Второй мировой войны, которая уравняла все эмигрантские центры, прервав историю Зарубежной России.

Как видим, русский Париж не желал делить свое «столичное» положение ни с одним другим эмигрантским центром. Но Прага и пражская диаспора никогда не преследовал таких целей. Единственным примером их глобальных притязаний может служить интеллектуальная экспансия евразийства. Это была попытка части русских пражан распространить свое влияние на всю Зарубежную Россию. Но в Париже ее восприняли как еще одно подтверждение пражского провинциализма, ибо не увидели в евразийстве ничего нового или же посчитали его вызовом традиционной российской идентичности и

---

[214] *Бем А. Л.* Столичный провинциализм // *Бем А. Л.* Письма о литературе. Прага, 1996. С. 245.

[215] *Бем А. Л.* «Столица» и «провинция» // Там же. С. 305.

особой эмигрантской миссии. Причем в этом хоре критики слились голоса представителей самых разных политических течений, да и в самой Праге нашлось немало противников евразийства.

Но, невзирая на все критичные отзывы, большинство русских эмигрантов в разных странах мира расценивали Прагу как научную столицу Зарубежной России. Образ «русской Праги», таким образом, в очередной раз раздваивался. В поздравительном письме Э. Бенеша I съезду Русских академических организаций, датированном октябрем 1921 г., премьер-министр говорил, что если чешская столица становится «центром русской учащейся молодежи, то вполне естественно и желательно, чтобы она стала также и центром русских ученых, которые являются наиболее признанными учителями русской молодежи»[216]. И уже на следующий год II съезд Русских академических организаций за границей официально признал Прагу интеллектуальным центром Зарубежной России, «Меккой для русской интеллигенции, не приемлющей большевизма»[217]. В 1923 г. издававшийся в Вене журнал «Русский иллюстрированный мир» называл Прагу «средоточием подлинной русской культуры»[218].

В 1920–1930-х гг. именно в чешской столице располагались основные эмигрантские научные и учебные заведения. Сюда регулярно приезжали с лекциями и докладами П. Н. Милюков, А. И. Деникин, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев. Иностранные ученые навещали чешскую столицу, чтобы посетить созданные усилиями эмигрантов музеи, библиотеки и архивы. В начале 1930-х гг. именно в Прагу из США поехал на стажировку профессор М. М. Карпович, ставший одним из зачинателей россиеведческих исследований в этой стране. Даже в 1930-х гг., когда научная и культурная жизнь русской диаспоры в Праге начала

---

[216] Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918 – 1939). Praha, 1998. S. 46. Именно с I съездом Русских академических организаций в историографии часто связывают начало превращения Праги в «русский Оксфорд». См.: *Riha T.* Russian Émigré Scholars in Prague after World War I // The Slavic and East European Journal. 1958. Vol. 2. № 1. P. 23.

[217] Второй Съезд русских ученых // Студенческие годы. Прага, 1922. № 3–4. С. 21.

[218] Русские в Праге // Русский иллюстрированный журнал. Вена, 1923. № 1. С. 13.

угасать, эмигранты из других стран не порывали связей с ней[219].

Несмотря на то, что Прага воспринималась как интеллектуальный и культурный центр славянского мира, русские ученые ощущали себя изолированными от мировой науки. В лучшем случае их известность распространялась бы на Восточную Европу. К тому же в Праге долгое время не было условий для научной работы. Г. В. Вернадский 6 октября 1922 г. писал А. В. Флоровскому: «В Праге библиотеки по русской истории очень неважны – здесь нет даже Полн[ого] Собр[ания] Законов… Но конечно отсюда возможны изредка поездки в Берлин или Вену, где библиотеки сравнительно хороши»[220].

В этих условиях при поддержке Министерства иностранных дел в 1924 г. была создана Русская библиотека. В ее основу легла коллекция русского библиофила В. Н. Тукалевского, который стал первым заведующим. Решение о закупке книг принимала Культурная комиссия МИД Чехословакии[221]. В 1927 г. наряду с русским, украинским и белорусским отделами в библиотеке были созданы специальные отделения, собиравшие издания на других славянских языках. В связи с этим в 1928 г. Русская библиотека была переименована в Славянскую библиотеку. Это название она носит до сих пор, оставаясь одним из крупнейших собраний русских изданий в Европе. Задачей библиотеки стали «организация и предоставление общественности фондов, в которых хранились книги и периодические издания по истории культурной, социальной, политической и хозяйственной жизни славянских народов в прошлом и настоящем, а также по истории взаимоотношений между ними и их отношений к иным народам»[222]. В 1928 г. директором Славянской библиотеки стал доктор О. Кржижек, под руковод-

---

[219] О наличие этих связей хорошо свидетельствует переписка между учеными. Так в личных бумагах А. В. Флоровского, сохранившихся в архивах Праги и Москвы, имеется обширная коллекция писем Г. В. Вернадского, охватывающая период с конца 1920-х гг. до середины 1960-х гг. Сам Г. В. Вернадский после переезда в США в 1927 г. однажды специально посещал Прагу в августе – сентябре 1932 г.. чтобы поработать с фондами Славянской библиотеки (ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 5а. Л. 7).

[220] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171. Л. 1 об.

[221] *Vacek J.* Knihy a knihovny, archívy a muzea ruské emigrace v Praze // Slovanský přehled. 1993. № 3. S. 68 – 69.

[222] Славянская библиотека. Путеводитель. Прага, 2002. С. 6 – 7.

ством которого она превратилась в «специализированную институцию, служащую целям научного изучения всего славянского мира»[223]. Фонды библиотеки быстро пополнялись. В ней появилось множество изданий, необходимых для изучения русской истории. Например в конце 1920-х гг. было приобретено «Полное собрание законов Российской Империи», которое в свое время так не хватало Г. В. Вернадскому[224].

Интерес к чтению среди эмигрантов был очень высок. В личном архиве В. Н. Тукалевского в Славянской библиотеке в Праге сохранился список книжных новинок, для чтения которых нужно было записаться в специальную очередь. Здесь наряду с популярными книгами Э. Берроуза о Тарзане, воспоминаниями Д. Казановы, стихами М. Волошина и романами М. А. Алданова значится «Закат Европы» О. Шпенглера, «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, «История второй русской революции» П. Н. Милюкова, а также советские литературные журналы[225]!

И все же, как бы ни старались некоторые русские парижане и берлинцы дистанцироваться от Праги, у них это не могло получиться в силу ее высокого и неопровержимого интеллектуального статуса. Ни в Париже, ни в Берлине так и не сложилось развитой сети русских научных и культурных учреждений. В то время как в Праге в 1920 – 1930-е гг. действовало несколько русских высших учебных заведений, научных обществ, библиотек, музеев, архивов.

Справедливости ради стоит заметить, что некоторые русские ученые, жившие в Праге, все же ощущали себя изолированными от мировой науки. В ноябре 1921 г. только что приехавший в Чехословакию правовед Н. Н. Алексеев писал в Берлин своему берлинскому другу профессору А. С. Ященко: «Меня пугает чрезвычайная скука и скудость здешней жизни, ее невероятная провинциальность и патриархальность»[226].

В то же время русские парижане и берлинцы с завистью смотрели на повседневную жизнь своих соотечественников, развивавшуюся при материальной поддержке чехословацких

---

[223] Там же. С. 8.

[224] *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. 1905 – 1945. М., 1999. С. 102.

[225] Slovanská knihovna v Praze. Trezor. Vladimir Nikolaevič Tukalevskij. T-Tu. T-Tu-1-13, 14, 15, 16; T-Tu-3-16.

[226] Русский Берлин 1921 – 1923. С. 237.

властей. Поэт В. Ф. Ходасевич 7 ноября 1923 г. писал А. В. Бахраху, что ему «очень странно и непривычно видеть, что все сыты, и совсем не слышать о долларах»[227]. В этом смысле чешская столица выгодно отличалась от прочих эмигрантских центров. В 1925 г. известный журналист К. Бельговский на страницах рижской газеты «Сегодня» хорошо отметил эти особенности русской Праги: «Здесь нет богачей и бедных, как в Париже, здесь нет голодающих, как в Константинополе. В Праге нет русских кабаков и шашлычных, где прокучиваются, под пение цыганского хора, огромные суммы. Русские рестораны в Праге – это скромные студенческие "столовки", русские вечеринки – похожи на скромные гимназические вечера, русская жизнь – жизнь людей, целый день занятых учебой или ученьем»[228]. Ему вторил анонимный корреспондент парижских «Последних новостей»: «Очень отрадно, что в Праге русские не увлекаются пьянством, картами и фокстротом, а ведут гораздо более культурную жизнь»[229]. Да и сами русские пражане подмечали это свое отличие, как, например К. А. Чхеидзе, оказавшийся в начале 1920-х гг. в числе студентов Русского юридического факультета: «В первые пражские годы жизни ничто не отвлекало меня от литературы и науки – ни женщины, ни напитки ("гимн алкоголю" был абсолютно забыт), ни забавы, ни общество. Кто знает, что такое аскеза, поймет эти слова хорошо. И окружающая обстановка – "среда", в узком и широком смысле, – содействовала сосредоточению на едином и главном: образовании и самообразовании»[230].

Подводя итоги, можно зафиксировать раздвоенность образа Праги в сознании эмигрантов. Если для литераторов она была провинцией, то для ученых однозначно выступала в качестве столицы. И в этом статусе она взаимодействовала с другими

---

[227] *Ходасевич В. Ф.* Указ. соч. С. 140. Это мнение подтверждают слова историка Н. Е. Андреева: «…Первая республика ела досыта, даже те, кто имел денег в обрез, могли отлично питаться» (*Андреев Н. Е.* Указ. соч. Т. II. С. 82).

[228] *Бельговский К.* Как живут русские в Чехословакии // Сегодня. Рига, 1925. 12 ноября. № 255.

[229] *К. Н.* Указ. соч.

[230] *Чхеидзе К. А.* События, встречи, мысли // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общая ред. *Л. Белошевской.* Прага, 2011. С. 31.

центрами русского рассеяния, в том числе с тем же Парижем.

Эмигрантское бытие складывалось в границах определенного локуса и хронотопа. Локус служил пространственной рамкой, в которой развивалась культурная, интеллектуальная и повседневная жизнь. В то же самое время он являл собой «вызов человеку как носителю определенных культурных ценностей, заставляя его приспосабливаться к себе, осваивать культурные смыслы, связанные с данным локусом»[231]. Еще М. М. Бахтин в своих работах развивал понятие хронотопа, под которым понимал взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе[232]. С этой точки зрения таким хронотопом являлась русская Прага. По словам Ольги Демидовой, в эмигрантской среде могли складываться как типологически близкие друг другу, так и чуждые хронотопы. Бытовала разная оценка явлений, существовавших в рамках одного и того же хронотопа. Этим объяснялось и противоречивое восприятие Праги в глазах русских эмигрантов, которые одновременно писали о ней как о центре славянского мира, так и о культурной провинции Европы.

Поэтому образ Праги был сложен и противоречив. Спор о столице и провинции, развернувшийся в эмигрантской среде в 1920 – 1930-е гг., был порожден небольшой группой интеллектуалов, в первую очередь литераторов. Он был следствием перенесения на эмигрантскую почву старых художественных и эстетических споров и не был связан с реальным статусом и функциями эмигрантских центров.

---

[231] *Демидова О. Р.* Указ. соч. С. 27.

[232] *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПРАГЕ И КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Исследователями замечено, что одним из элементов повседневного мышления является архетип Дома, который рассматривается как нулевая точка в системе координат в мире, как один из ключевых символов культуры. Он включает в себя сбережение и трансляцию опыта предшествующих поколений, обычаев, традиций, предполагает надежность, комфортность, обустроенность, упорядоченность повседневной жизни[233]. Не нужно объяснять, что эмигрант – это человек без Дома. Он оторван не только от своей страны, но и от своей малой родины: города, улицы, дома, квартиры. Топография его жизни радикально меняется. В то же время он вынужден создавать для себя новое местообитание, должен обустраивать свой быт на новом месте и в новых условиях. Поэтому организация повседневной жизни на чужбине естественным образом ставит вопрос о жилище. Эта проблема неизбежно возникала перед многими русскими уже сразу после прибытия в Прагу.

На глазах русских эмигрантов происходило превращение Праги из крупного и развитого, но в то же время провинциального города Австро-Венгерской империи в столицу молодого славянского государства. Она преображалась не только административно и политически; менялся и ее ландшафт. В 1920 г. был принят закон о создании Большой Праги, по которому, начиная с 1 января 1922 г., в единое городское пространство объединялись 8 существовавших пражских районов и 37 близлежащих населенных пунктов[234]. Одновременно была упорядочена городская застройка, был выработан генеральный план развития, реализовывались новые архитектурные проекты. Прага переживает настоящий строительный бума, который дал возможность реализовать себя множеству архитекторов. Особенно быстро застраивался северо-запад города, который в начале XX в. представлял собой пространство из

---

233 *Магомедова А. А.* Феномен повседневности (социально-философский анализ). Автореферат дисс. канд. филос. наук. СПб., 2000. С. 16 - 17

234 *Сергиенко Ю. В.* Прага. М., 2006. С, 51.

деревенских домиков, полей, садов и виноградников. Происходившие изменения сохранил в своей памяти А. Б. Евреинов, сын талантливого историка Б. А. Евреинова, проведший свое детство и юность в Чехословакии: «Превратившись из тихого провинциального города Австро-Венгерской империи в столицу вновь образовавшейся Чехословацкой республики, теперь со всеми атрибутами столицы – парламентом, министерствами и прочими правительственными ведомствами, центральными органами политических, общественных и военных организаций, – Прага привлекала множество народа открывшимися экономическими возможностями. Министерства и прочие правительственные органы, частные организации и предприятия нуждались в большом количестве людей. Жилищное строительство не поспевало за бурным ростом населения столицы, был недостаток квартир, и они были дорогие»[235]. Поиск жилья становиться огромной проблемой для всех приехавших в Прагу, в том числе и для беженцев из России.

«О дороговизне и о квартирной тесноте в Праге нам много натвердили еще в Москве», – писал журналист В. Ф. Булгаков[236]. «Теперь только и думаем о квартирах. Все другие дела стоят», – сетовал историк И. И. Лаппо в письме к своему младшему коллеге С. Г. Пушкареву в октябре 1923 г. и одновременно просил его помочь подыскать какое-то жилье, немедленно телеграфировав в случае успеха[237]. Искусствовед Б. Н. Лосский вспоминал, что «найти квартиру в одолеваемой острым жилищным кризисом столице новорожденной чехословацкой республики было почти невозможно»[238]. Квартирный вопрос для русских беженцев был одним из самых наболевших. В начале 1920-х гг. пражские городские власти выделили для их расселения несколько общежитий. Это были деревянные военные бараки и казармы, которые во время войны занимала австро-венгерская армия. Самыми крупными среди

---

[235] *Евреинов А. Б.* Между двумя эмиграциями. Торонто – СПБ., 2005. С. 62.
[236] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 5 – 6.
[237] Письмо И. И. Лаппо к С. Г. Пушкареву от 16 октября 1923 г. // ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 8 об.
[238] *Лосский Б. Н.* В русской Праге (1922 – 1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 9. Эту же трудность отметил в своих воспоминаниях его отец философ Н. О. Лосский (*Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 222).

них были общежития «Худобинец» на Новем месте и «Свободарна» на Либени. В этих зданиях разместились первые русские эмигранты, прибывшие в чешскую столицу[239]. Среди них были как студенты, так и маститые профессора. Например в «Свободарне» жили философы С. Н. Булгаков и Н. О. Лосский, историк П. А. Остроухов, экономист, историк и политический деятель П. Б. Струве, правовед Д. Д. Гримм, бывший ректор Петербургского университета и многие другие. Это общежитие считалось благоустроенным, поскольку в нем было электрическое освещение и центральное отопление. Однако условия жизни оставались трудными. Семья Лосских, состоявшая на тот момент из шести человек, разместилась в двух маленьких комнатках. Б. Н. Лосский описывал быт в своих воспоминаниях: «Через три или четыре жилых этажа здания тянулись параллельно длинные коридоры, на обе стороны которых выходило десятка два-три дверей предельно узких "кабинок" для студентов. На этажах было 8-10 небольших комнат для постояльцев старшего возраста, хотя к ним относили как лица, перешагнувшие пятый десяток, так и недоучившиеся из-за участия в Добровольческой армии студенты. Некоторые из них жили с женами, детьми и другими родственникам. Для них был выделен особый "семейный" коридор»[240].

Некоторые русские в первые месяцы жизни в Праге селились в «Гран Пансионе» на Бубенече. Это было одно из первых зданий в районе, который как раз начал застраиваться. Но бытовые условия там были далеки от идеальных. Готовить пищу можно было только на спиртовках или примусах, а в маленьких комнатах было трудно поместиться семье с детьми.

Даже узкому кругу русских, пользовавшихся особой поддержкой чехословацкого правительства, не всегда сразу удавалось решить жилищные проблемы. Академик Н. П. Кондаков после приезда в чешскую столицу в мае 1922 г. был вынужден некоторое время жить в гостинице «Централь» на Гибернской улице, затем – в маленькой квартире на улице Палацкого на Виноградах. Лишь в октябре 1922 г. он окончательно перебрался в Шенборнский дворец на Малой Стране. Это здание

---

[239] *Копрживова А.* Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 6.
[240] *Лосский Б. Н.* Указ. соч. С. 8.

принадлежало семье американских меценатов Крейнов, которые передали в пожизненное пользование ученому небольшую двухкомнатную квартиру[241]. Впрочем, были и исключения. Так, знаменитая актриса Московского художественного театра М. Н. Германова вместе со своей семьей сразу после приезда в Прагу обустроилась в старинном пражском доме с толстыми стенами. В доме этом, с его узкими коридорами, массивными каменными лестницами и старинными галереями, как говорили, обитали приведения. Но все же в нем было тихо и уютно[242].

Некоторых особо выдающихся русских эмигрантов расселили в наскоро построенных для чешских чиновников деревянных бараках на Вельварской улице. Причем небезосновательно считалось, что для получения такого жилья нужны были связи в правительственных кругах. В. Ф. Булгаков писал, что, несмотря на внешнюю непривлекательность домов, помещавшиеся в них квартиры отличались большой площадью и удобствами. Все квартиры располагались в двух уровнях, соединенных внутренней лестницей. В частности, в квартире правоведа П. И. Новгородцева, которую В. Ф. Булгаков посетил осенью 1923 г., было две комнаты в нижнем уровне и три – в верхнем[243].

Расходы на аренду квартиры в Праге часто составляли 40% бюджета эмигрантской семьи[244]. Ввиду подобных трудностей, многие русские стремились селиться в окрестностях чешской столицы. К таким местам относят Малу и Велку Хухле, Радотин, Збраслав, Вшеноры, Добржиховице, Ржевнице, располагавшиеся к югу от Праги, Суходол и Розтоки на севере, Почернице, Хвалы, Беховице, Уезд над Лесы, Увалы, Радошовице и Ржичаны на востоке. «Мне сдается, что русских привлекали … по-русски смешно звучащие названия местечек», – шутил А. Б. Евреинов[245]. В этих пригородах было легче найти недорогие комнаты или квартиры. Благодаря развитому железнодорожному сообщению, затраты на дорогу были мини-

---

241 *Копецкая Л. Л.* Н. П. Кондаков и чешская среда // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2003. С. 195.

242 *Германова М. Н.* Мой ларец с драгоценностями. М., 2012. С. 226 – 227.

243 *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 62. Л. 168.

244 Русские в Праге. 1918 – 1928 гг. / Ред.-изд. *С. П. Постников*. Прага, 1928. С. 208 – 209.

245 *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 63.

мальными[246]. Эмигранты старались при этом покупать месячные проездные билеты, что позволяло сильно экономить. Во Вшенорах, расположившихся в живописной долине в нижнем течении реки Бероунки, поселилась М. И. Цветаева. Здесь она пережила творческий подъем после тяжелых испытаний и скитаний. Как отметил один из исследователей, «чешская деревенская глушь, обострив ее и без того обостренные чувства, явилась своего рода огранкой бесценного дара, превратив его почти в гениальный. Когда поэтесса перебралась в эмигрантский Париж, для бывших соотечественников это показалось явлением: миру во всей красе и великолепии предстал изумительный по чистоте и исполнению поэтический бриллиант по имени "Марина Цветаева"»[247].

Трудности с поиском жилья в столице заставляли русских эмигрантов искать особые пути решения этой проблемы. Одним из способов стала организация кооперативных товариществ, довольно распространенных в межвоенной Чехословакии, которые должны были спланировать постройку серии домов. Местом строительства первого из них должно было стать пересечение новых районов Дейвице и Бубенеч, которые вплоть до начала XX в. считались глухими окраинами Праги и были застроены маленькими деревенскими домами[248]. Теперь же в этих краях было решено создать важный административный центр. Началось строительство зданий Министерства национальной обороны и Генерального штаба, корпусов Чешского высшего технического училища. Вместе с тем, активно велось жилищное строительство в едином архитектурном стиле. В Бубенече получили квартиры многие чешские военные, среди которых было немало легионеров, прошедших через пламя Гражданской войны в России и вернувшихся из сибирской эпопеи с русскими женами[249].

В ноябре 1922 г. в Праге возникло Чешско-русское профессорское строительное и квартирное товарищество в составе

---

[246] *Копрживова А.* Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах. С. 7.

[247] *Сенча В.* Вшеноры — «Болдинская осень» Марины Цветаевой // Нева. 2013. № 10. С. 216.

[248] См.: *Kopřivová A.* Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921 – 1952). Praha, 2001. S. 24.

[249] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 63. – 64.

80 человек во главе с инициативной группой (профессора Г. Г. Кривошеин, В. А. Брандт, В. И. Исаев, Н. М. Леонтьев, П. В. Отоцкий, приват-доцент У. Д. Жиляев). Согласно Уставу, принятому 19 ноября 1922 г., Товарищество ставило в качестве своих задач постройку или приобретение жилых домов с небольшими, по преимуществу, квартирами, торгово-промышленных помещений, а также небольших частных домов. Эти дома, квартиры и отдельные помещения передавались членам Товарищества «путем сдачи в наем или передачи на ином каком-либо основании»[250]. Оборотный капитал товарищества был составлен из членских взносов, займов под залог недвижимости и без него, дарений и прочих поступлений[251]. В 1925 г. на счетах товарищества находилось 3.071.070 крон 28 геллеров, из которых 2.900.135 крон 74 геллера были предоставлены в счет ипотечного кредитования кассой взаимопомощи «Славянская взаимность» и особенно Земским банком в Праге (2.425.002 кроны 74 геллера)[252]. Первым председателем Чешско-русского профессорского строительного и квартирного товарищества стал профессор Рудольф Кржиженецкий, заместителем – профессор Г. Г. Кривошеин, бухгалтером – доцент У. Я. Жиляев, казначеем – инженер А. Гавличек[253].

При создании Товарищества планировалось построить 6 домов на 72 квартиры. Но городские власти продали землю только под два дома на 24 квартиры. Поэтому пришлось переделывать первоначальные планы и уменьшать площади, чтобы в результате стало хотя бы 37 – 39 квартир[254]. Еще в декабре 1924 г. среди членов Товарищества были сформированы группы очередников. Вне очереди квартиры должны были получить профессора А. С. Ломшаков и Ф. Кадержавек. Затем следовали участники инициативной группы, члены-учредители, часть

---

[250] Устав Чешско-русского профессорского строительного и квартирного товарищества в Праге // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 247. Л. 1 – 2.
[251] Там же. Л. 3.
[252] Výroční Česko-ruského profesorského stavebního a bytového družstva v Przae za rok 1925 // Archiv hlavního města Prahy. F. Českoruské profesorské stavební a bytové družstvo v Praze. Kart. 1. Inv. č. 7.
[253] Устав Чешско-русского профессорского строительного и квартирного товарищества в Праге. Л. 25.
[254] Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 17 января 1925 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 3 об.

из которых с учетом возраста и физического состояния ставилась в начало списка, прочие учредители, лица, ставшие членами кооператива после учредительного собрания. Как установила В. Ю. Волошина, получение жилья зависело только от срока подачи заявления, но не от научных регалий. Так П. Б. Струве находился в категории «остальные учредители» под № 22 после Д. Н. Вергуна и А. Н. Фатеева. А. А. Кизеветтер стоял в категории лиц, вступивших в кооператив после учредительного собрания, под № 62, а С. Г. Пушкарев – под № 60[255].

К весне 1925 г. по проекту русского архитектора В. А. Брандта и его чешского коллеги Р. Свободы был построен двухсекционный «Профессорский дом» на 42 квартиры. По русским меркам он был пятиэтажным, а по чешским – трехэтажным (с мезонином и мансардой). Общая стоимость дома составила 2.700 тыс. крон, из которых профессора внесли 100.000 крон, а остальная сумма была выделена Государственный земельным банком при гарантии Министерства социального обеспечения. Погашение ссуды предполагалось в виде квартирной платы в течение 60 лет[256]. Документы Архива города Праги свидетельствуют, что эти выплаты продолжались и после Второй мировой войны. Хотя невозможно с точностью сказать, были ли квартирные ссуды погашены раньше срока. Платежные книжки за 1944 – 1947 гг. показывают, что русские жильцы ежемесячно платили 25 крон в счет погашения долга[257]. В 1946 – 1947 гг. ряд жильцов, например Г. Г. Кривошеин, П. В. Отоцкий, Д. Н. Вергун, В. С. Ильин, Н. Е. Подтягин и некоторые другие были «переведены на индивидуальный счет»[258]. Речь шла о тех ученых, которые после Второй мировой войны по разным причинам покинули Прагу (к слову, симпатизировавший нацистам В. С. Ильин сбежал в Венесуэлу, престарелый

---

[255] *Волошина В. Ю.* К вопросу об обеспеченности русских ученых-эмигрантов жильем в Праге в 1920 – 1930-е гг. (По неопубликованным материалам) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Материалы V региональной научно-методической конференции. Омск, 2004. С. 166 – 167; *Она же.* Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920 – 1930-е годы. М., 2013. С. 108 – 109.
[256] Русские в Праге. С. 207 – 208.
[257] Členská matika // Archiv hlavního města Prahy. F. Českoruské profesorské stavební a bytové družstvo v Praze. Kart. 1. Inv. č. 1.
[258] Ibid.

П. В. Отоцкий уехал в дочери в Швецию, а Н. Е. Подтягин еще перед войной получил работу в Братиславе). То есть, они уже не являлись жильцами дома, и их квартиры оказались вакантными. Новое правление должно было перераспределять оставленные квартиры. Так, например, 16 октября 1946 г. в резервный фонд была передана квартира историка С. Г. Пушкарева, уехавшего в США[259]. Поэтому на основе сохранившихся документов сложно сказать, успели ли жильцы погасить свои долги или нет.

Дом расположился на пустыре и единственным зданием по соседству был Географический институт, занимавший целый квартал. Перед домом находился овраг, заросший бузиной и колючими кустарниками, по дну которого протекал ручеек. За оврагом был фруктовый сад, куда эмигрантские дети бегали воровать яблоки[260]. Улицы Бубенеча в середине 1920-х гг. еще не были проложены, и, как вспоминал один из эмигрантов, «до строившегося на расстоянии примерно полкилометра Профессорского дома … нужно было идти по тропинке через незастроенное поле»[261].

Архитектурно двухподъездный дом был выдержан в стиле застройки района. Проект был выполнен в модернистской манере, еще не избавленной от влияния классицизма. Сам В. А. Брандт при его проектировки использовал популярную в 1920-е гг. модель «дома-коммуны», которая предполагала максимальное обобществление и свертывание быта, чтобы больше времени оставалось на работу и досуг. В связи с этим в «Профессорском доме» были минимизированы подсобные помещения, ликвидированы большие кухни, сокращены коридоры, вследствие чего появились проходные комнаты, выделены места под объекты общего пользования (магазин на первом этаже)[262].

Но, как говорили сами эмигранты, «если фасад здания гармонировал со стилем соседних домов, то внутренне ре-

---

[259] Ibid.

[260] *Бем-Рейзер Т. А.* Украденное счастье // Новый журнал. Нью-Йорк, 2008. Кн. 251. С. 257.

[261] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 62.

[262] *Левошко С. С., Ковалев М. В.* Русская акция помощи и архитектор Владимир Александрович Брандт в Чехословакии (1922 – 1944) // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. *Л. Бабка* и *И. Золотарев*. Прага, 2012. С. 330.

шение квартир имело какую-то, вероятно, чисто русскую специфику»[263]. Многие жильцы считали квартиры не слишком удобными, ибо рассчитаны они были, вероятно, не бездетную семью из двух человек. На небольшую площадь квартир жаловались многие современники[264]. В двухкомнатных квартирах первая комната была проходной, но вход в ванную при этом был из второй комнаты. В чешских квартирах в то время ванная, кухня и все комнаты имели входы прямо из передней. В результате многие жильцы сразу после заселения начинали перепланировку. Они ликвидировали кухню, превращая ее в еще одну комнату, причем с отдельным входом, а маленькую кухоньку устраивали в проходе, ведущем на балкон. Эмигранты, особенно пожилые, сложной готовкой не занимались. Маленькой газовой плитки на такой кухне им было достаточно[265]. Описание квартиры в «Профессорском доме» сохранил в памяти Б. С. Пушкарев, сын историка С. Г. Пушкарева, проведший свое детство в доме на Бучковой улице: «Наша квартира … состояла из комнаты три на шесть метров, кухни и коридора, откуда дверь вела на балкон. Там мама выращивала анютины глазки и помидоры. Посреди комнаты стоял письменный стол, за которым отец работал, когда не был на службе в Славянском институте. <…> Порой он сажал меня к себе на колени, и я делал вид, что пишу. В углу стоял мой стол с сооружениями из кирпичиков и дощечек. В комнате также стояла моя кровать и мамина кушетка. Отец спал на постели в кухне, дядя – в коридоре»[266].

«Профессорский дом» стал культурным центром русской диаспоры в Праге. В разное время здесь размещались Русская академическая группа, литературное объединение «Скит поэтов», Союз русских инженеров, Союз русских врачей и т.д. На нижнем этаже дома была оборудована специальная комната – «сборовна». Это чешское название (sborovna), переводящееся дословно как «преподавательская», закрепилось в эмигрантской среде. По описаниям, помещение представля-

---

[263] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 65.

[264] *См.: Мейснер Д. И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966. С. 206.

[265] Там же. С. 65.

[266] *Пушкарев Б. С.* Долгая дорога в Россию // Судьбы поколения 1920 – 1930-х годов в эмиграции: очерки и воспоминания. М., 2006. С. 356.

ло собой «помесь зала и подвала», но именно в этой полуподвальной комнате, отапливаемой двумя кафельными печками, «проистекала вся духовная жизнь русской общины» [267]. В послеобеденное время в «сборовне» работала школа для русских детей, которую возглавляли профессор-историк И. И. Лаппо, а затем его младший коллега С. Г. Пушкарев. Здесь изучали закон Божий, русский язык, русскую литературу, историю и географию России. Высокий уровень преподавания обеспечивали русские ученые – обитатели «Профессорского дома»[268]. Патроном этой школы была Н. Н. Крамарж[269]. По вечерам в «сборовне» русские профессора устраивали публичные лекции. Иногда там проводили вечера или танцы, а во время Второй мировой войны в комнате была оборудована домовая православная церковь[270]. К «сборовне» примыкало полуподвальное помещение, в котором располагалась продуктовая лавочка, торговавшая излюбленными для русских продуктами – гречкой, шпротами, квасом и др. Но ассортимент был скудным, и в итоге магазинчик был закрыт[271].

Быт русских изгнанников был очень скромным, поскольку беженство исключало заботу о внешнем антураже. Большинство покинуло Россию лишь с чемоданами, в которых были только самые необходимые вещи. Обстановка профессорских квартир была очень скромной. Предприимчивые эмигранты научились изготавливать мебель … из старых ящиков! Дочь литературоведа А. Л. Бема рассказывала в своих воспоминаниях, что многие русские покупали тогда грубосколоченные кровати, шкафы, столы и стулья, выкрашенную в рыжий цвет[272]. Эта мебель изготавливалась из неотесанных досок, зато была дешевой и доступной. Но главной проблемой было наличие в ней большого количества постельных клопов. Журналист Д. И. Мейснер вспоминал, как из купленного им дивана

---

[267] *Бем-Рейзер Т. А.* Указ. соч. С. 259.

[268] См.: *Kopřivová A.* Op. cit. S. 28 – 29; *Бем-Рейзер Т. А.* Указ. соч. С. 259.

[269] См.: *Серапионова Е. П.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // Родина. 2001. № 1. С. 134 – 139; *Она же.* Карел Крамарж и Россия. 1890 – 1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 443.

[270] *Бем-Рейзер Т. А.* Указ. соч. С. 259.

[271] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 66.

[272] *Бем-Рейзер Т. А.* Указ. соч. С. 260.

поползли клопы в «ужасающем обилии», а он и его жена были в полном отчаянии, ибо не знали, как с ними бороться[273].

Интересно, что многие эмигранты даже гордились таким бытом! Д. И. Мейснер писал, что «специфически интеллигентная часть эмиграции» жила «наполовину на обломках»: «Она даже как бы ставила себе в заслугу равнодушие к окружающей обстановке. Некоторые так и прожили на потемневших за долгие десятилетия ящиках, возле старых безногих буфетиков»[274]. Воистину, для русских интеллектуалов стремление к домашнему уюту занимало не слишком большое место. Порой он воспринимался ими как мещанство и поэтому по старой дореволюционной традиции удостаивался лишь осуждения.

Среди жителей «Профессорского дома» в разные годы были А. Л. Бем, Д. Н. Вергун, С. Л. Волкобрун, Д. Д. Гримм, И. И. Лаппо, Г. Г. Кривошеин, А. С. Ломшаков, Н. О. Лосский, В. А. Мякотин, П. А. Остроухов, П. В. Отоцкий, С. Г. Пушкарев, П. Н. Савицкий, В. В. Саханев, А. Н. Фатеев, М. А. Циммерман, М. В. Шахматов и др.[275] Согласно мемуарным свидетельствам, «жителей дома очень многое сближало – общие мнения на многие вопросы жизни в отрыве от родины, общие политические и культурные интересы, сближала их общая судьба, зачастую общее прошлое, возраст, так как большинство принадлежало к одному поколению»[276]. Большинство из них были рождены в 1860–1870-е гг. Как отметила А. Копрживова, «свои лучшие годы они прожили в России, где занимали видное место в научной, политической и общественной жизни, а в Чехословакии оказались в зрелых летах, а некоторые уже старыми. В "Профессорском доме" они переживали свои последние научные и общественные успехи»[277]. Злые языки называли этот дом «Братской могилой», поскольку средний возраст жителей составлял 60 лет и его старшие обитатели постепенно уходили из жизни[278]. Общность взглядов, привычек и социальных практик

---

[273] *Мейснер Д. И.* Указ. соч. С. 181.
[274] Там же.
[275] *Kopřivová A.* Op. cit. S. 31 – 33.
[276] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 68.
[277] *Kopřivová A.* Op. cit. S. 30.
[278] *Бем-Рейзер Т.* Указ. соч . С. 257; *Мейснер Д. И.* Указ. соч. С. 206; *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 78 и др.

сплачивала русских обитателей дома. Их повседневная жизнь, в частности, состояла «по русской привычке в частых посещениях друг друга, иногда по всяким пустякам: поболтать (телефона почти ни у кого не было), спросить совета, одолжить что-нибудь и т.п.»[279].

5 мая 1927 г. было основано общество «Společný Domov» (дословно – «Общий дом»), носившее русско-чешский характер. Финансовую поддержку начинанию оказала касса взаимопомощи «Славянская взаимность». Инициаторами его создания выступили В. Я. Гуревич, Ф. С. Мансветов, Г. Н. Добряков, М. Л. Ляхович, К. В. Автономов. Все они либо принадлежали к партии эсеров, либо к кругу лиц, симпатизировавших им, и имели связь с Русским заграничным историческим архивом. В планы общества входила постройка двух домов – в Дейвицах и Страшницах, а также возведение нескольких частных домов в окрестностях Праги[280]. Общество было создано при большой поддержке со стороны чехов, особенно консула Министерства иностранных дел Й. Гайна, который согласился встать во главе Правления, и консула З. Завазала, «который с обычной для него отзывчивостью и энергией так же принял первое время личное участие в организации работ товарищества и помог ему окрепнуть и встать на твердую дорогу»[281].

В 1928 г. товарищество насчитывало 125 членов, каждый из которых должен был внести первоначальный взнос на покрытие строительных расходов и покупку земельного участка в размере, не превышающим 20% от стоимости квартиры[282]. Поскольку собственником дома выступал кооператив, то владельцы квартир вносили квартплату непосредственно в его кассу. Причем, согласно чехословацкому законодательству, часть ее автоматически шла на погашение ипотечного кредита. Доход от сдачи в аренду под магазины нежилых помещений в доме шел в общую кассу, и за счет него в итоге могла уменьшаться квартирная плата. Квартиры находились не в собственности, но в аренде. В определенных случаях владелец

---

[279] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 71.

[280] Русские в Праге. С. 208 – 209; *Kopřivová A.* Op. cit. S. 33.

[281] Русские в Праге. С. 209.

[282] Общие условия предоставления членам Дружства «Сполечный Домов» квартир в чинжовных домах Дружства // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (Далее – SK). Krab. I.B. Desky č. 11.

по заблаговременному письменному заявлению имел право расторгнуть договор с обществом, как говорили русские пражане: получить «выповеды» (от чешского слова «výpověď» – расторжение). В этом случае общество получало право самостоятельно распоряжаться оставленной квартирой, но в течение трех месяцев должно было вернуть бывшему владельцу квартиры «его вклад с погашенной частью и все те суммы, которые были квартрировладельцу уплачены на погашение гипотечного по дому долга, и за улучшения, сделанные им в его квартире на его счет, по особой оценке этих улучшений»[283]. В случае несоблюдения жильцами финансовых обязательств, долга по квартплате, несоблюдения санитарных норм или нарушения правил поведения, общество имело право выселить их из квартиры, оставив внесенный ранее вклад себе. Владелец брал на себя ряд обязательств по содержанию квартиры, но общество при этом обязывалось производить за свой счет периодические ремонтные работы (побелка стен, покраска окон и дверей, сантехнические работы). За соблюдением порядка должен был следить управляющий, назначаемый правлением из числа членов общества[284].

Оно сумело приобрести два строительных участка в Страшницах и Дейвицах. Последний участок был приобретен у Магистрата, который пошел навстречу товариществу и продал его на очень выгодных условиях. В 1928 г. товарищество приступило к постройке двух больших домов, где должны были получить квартиры 44 семьи[285]. Однако реальность была куда сложнее, поскольку стоимость земли все равно превысила первоначальные расчеты, и это вынудило общество занимать деньги у кредитных организаций. К тому же, сделка не была должным образом обсуждена и согласована со всеми членами общества, что породило много вопросов. Рядовые члены не согласились с действиями правления. От их имени выступил член Пражского Земгора и сотрудник Русского заграничного исторического архива В. М. Краснов. Дело принимало судебный оборот[286]. Интересы правления представлял молодой адвокат, выпускник Русского юридического факультета в Праге

[283] Ibid.
[284] Ibid.
[285] Русские в Праге. С. 208 – 209.
[286] *Kopřivová A.* Op. cit. S. 34.

Д. И. Мейснер. А вот его оппоненты пригласили для защиты своих интересов крупнейшего чешского адвоката Алоиса Стомпфе (Alois Stompf; 1868 – 1944), который был женат на беженке из России, имел обширные контакты в эмигрантской среде, например общался с А. Ф. Керенским, и именовался в ней не иначе, как «Алексей Лукич». В. М. Краснов и его окружение явно сделали ставку на высокий авторитет, профессионализм и статус А. Стомпфе, возглавлявшего в тот момент Чехословацкую коллегию адвокатов. Как выяснила А. Копрживова, разбирательство остановило работы. Это имело особо негативные последствия в условиях аномально холодной зимы 1928 – 1929 гг., поскольку недостроенное здание не было защищено от воздействия низких температур. После двух судебных заседаний, в марте и мае 1929 г., стороны пришли к мировому соглашению, одобрив заем у Легиобанка (Banka československých legií, Legiobanka) в сумме 55.000 крон. Однако трудно сказать, насколько искренне было принято решение. Как заметила та же А. Копрживова, после прогремевшего скандала имена В. Я. Гуревича, Ф. С. Мансветова и К. В. Автономова не появились в числе жильцов дома, а перед началом Второй мировой войны все они перебрались за океан – кто в Северную, а кто в Южную Америку[287]. Имеющиеся в распоряжении документы не позволяют с точностью установить, были ли все же допущены руководством кооператива финансовые нарушения. Правда, доподлинно известно, что эмиграция винила в них эсеров и считала, что они получили немалую выгоду от строительства. Отсюда за домом на Подбабской улице закрепилось ироничное название – «Дом у трех жуликов»[288]. «Люди только расходились во мнениях относительно личностей этих “трех жуликов”, от чего число последних доходило до девяти», – шутил много лет спустя А. Б. Евреинов[289].

И все же в 1930 г. дом, расположившийся на Подбабской улице, затем переименованной в проспект короля Александра, был введен в эксплуатацию. По сравнению с «Профессорским домом», он был более комфортным и современным. Самые большие и самые дорогие квартиры заняли семьи историков А. А. Кизеветтера и Н. Л. Окунева (95.000 и

---

287 Ibid. S. 34.

288 *Лосский Б. Н.* Указ. соч. С. 55; *Мейснер Д. И.* Указ. соч. С. 207.

289 *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 70.

75.000 крон). Двухкомнатная квартира стоила 45.000 крон. Жителями дома были М. А. Андреева, В. М. Чернов, Д. Н. Иванцов, А. А. Кизеветтер, И. И. Лаппо, И. И. Лапшин, Е. Ф. Максимович, Д. И. Мейснер, Н. Л. Окунев П. Б. Струве, Н. П. Толль, А. В. Флоровский, Е. Н. Чириков, К. А. Чхеидзе и др. В отличие от «Профессорского дома», его жители, в основном, принадлежали к более молодому поколению, и представляли собой людей, родившихся в конце 1870–1880 гг., иногда до 1890-х гг.[290] Отличался дом и большим комфортом, ибо был построен с учетом всех современных архитектурных требований. В планировке квартир отсутствовали проходные комнаты, вход в ванную располагался всегда из передней. Кроме того, в доме был предусмотрен лифт, что облегчало жизнь стремительно состарившихся жильцов[291].

Дом в Страшницах на Прубежной улице (Průběžná ul.) был построен следом. Современники именовали его «Кораблем», очевидно в силу расположения на перекрестке двух улиц, в который он врезался, словно клином. Но было и другие прозвище – «Зверинец», – данное, видимо, в силу специфики состава жильцов. О нем не без иронии говорил журналист Д. И. Мейснер: «Здесь можно было увидеть и донских генералов, включая атамана "Всевеликого войска Донского", и директоров провинциальных русских гимназий, и боевых военачальников, не сумевших за долгие годы заграничной жизни отвыкнуть от неуместно произносимого слишком крепкого словца, и богомольных старушек, строго соблюдавших посты и праздники, и безнадежно потерявших голос известных когда-то в России певцов, огорченных непониманием современной публики»[292]. Действительно, среди жильцов «Зверинца» были калмыцкий журналист Б. Н. Уланов, директор гимназии Ф. Ф. Сушков, казачий деятель В. А. Харламов, хормейстер и певец А. В. Левицкий и многие другие.

В отличие от других русских домов в Праге, «Зверинец» имел всего три этажа. В нем не было русских лавок или штаб-квартир каких-либо эмигрантских обществ. Зато здесь имел свою частную практику русский доктор П. А. Марков, принимавший посетителей в небольшой кабинете на первом этаже.

---

[290] *Kopřivová A.* Op. cit. S. 36 – 37.
[291] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 71.
[292] *Мейснер Д. И.* С. 206.

В силу своей удаленности от Дейвиц, а также в виду различий в общественно-политических взглядах и разницы в социальном положении, его жители мало общались с обитателями «Профессорского дома» и дома «У трех жуликов»[293].

В конце 1930 г. Чешско-русское общество взаимного кредита основало квартирное товарищество «Патриотика», по какой-то странной причине получившее в эмигрантской среде имя «Идиотика». Оно планировало построить дом с 1-, 2- и 3-комнатными квартирами на Коуловой улице. Но эти замыслы не удалось осуществить ввиду кризиса чехословацкой экономики. Вместо первоначальных планов было решено строить малометражные квартиры, отказавшись от 2-х и 3-х комнатных апартаментов. Дом должен был представлять собой 4-х этажное здание двухсекционное здание из 19 квартир. Его строительство по причине финансовых затруднений началось только 20 марта 1933 г., однако впоследствии оно велось очень быстрыми темпами. Первые жильцы заселились в него в конце 1933 – начале 1934 гг.[294]

Помимо уплаты вступительных взносов члены Общества должны были вносить ежемесячно суммы в размере от 150 до 350 крон в зависимости от площади квартиры. Возведение четырехэтажного дома было начато 20 марта 1933 г. и завершено очень быстро. Его обитателями были представители среднего класса, многие из которых тяготели к левым взглядам, как, например, старый народник Е. Е. Лазарев или эсер Н. Ф. Новожилов. В этом же доме жила семья Набоковых – Елена, мать знаменитого писателя, его сестра Ольга и брат Кирилл. В нижнем этаже предприниматель Валерьян Пивоваров открыл продуктовую лавку с неизменным русским ассортиментом – шпроты, горчица, гречневая крупа, халва, селедка, водка, подсолнечное масло и черный чай[295].

Товарищество «Патриотика» стало последним эмигрантским квартирным кооперативом. Больше русские дома в Праге никто не строил. Это было вызвано как экономическим кризисом, так и резким сокращением русской диаспоры в этой стране. Следует признать, что русским эмигрантам в целом

---

293 *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 73.
294 *Kopřivová A.* Op. cit. S. 38 – 39.
295 Ibid. S. 39.

удалось решить «квартирный вопрос», однако его решение часто приводило к серьезным конфликтам.

В личном фонде А. В. Флоровского в архиве Российской академии наук сохранилась обширная переписка историка с Чешско-русским профессорским строительным и квартирным товариществом. Аналогичные документы сохранились и в личном архиве историка в Славянской библиотеке в Праге. Эти документы охватывают период с 1925 г. по 1949 г., на протяжении которых семья Флоровских решала свой квартирный вопрос!

Вскоре после приезда в Прагу весной 1923 г. А. В. Флоровский подал заявление о вступлении в Чешско-русское профессорское строительное и квартирное товарищество, но его прошение по непонятной причине пропало[296]. В марте 1924 г. он повторил свою просьбу. В ответ профессор В. И. Исаев сообщил в письме А. В. Флоровскому, что его заявление поступило слишком поздно, ибо 30 марта 1924 г. было принято решение приостановить прием новых членов кооператива «в виду невозможности удовлетворить полностью даже уже имевшихся к тому времени кандидатов на квартиру»[297]. Первоочередным правом на получение жилья обладали 51 член-учредитель Товарищества, но в сложившихся условиях даже их потребности не могли быть полностью удовлетворены.

В октябре 1927 г. А. В. Флоровский возобновил свои ходатайства. Новое руководство Товарищества в письме от 12 октября 1928 г. объясняло случившееся прежним организационным хаосом. Историку сообщил, что основными кандидатами на получение квартир значатся С. Г. Пушкарев, Н. О. Лосский, В. В. Саханев и П. Н. Савицкий. Вместе с тем на очередь поставлено еще 10 – 15 человек, в число которых обещали включить и его самого. 3 февраля 1929 г. Общее собрание Товарищества признало А. В. Флоровского полноправным членом. Вместе со вступительным взносом в 10 крон и паем Товарищества в размере 25 крон он должен был внести 2.000 крон, которые можно выплачивать ежемесячно частями. Несвоевременная оплата грозила потерей места в очереди на полу-

---

[296] Письмо А. В. Флоровского в правление «Строительного товарищества русских ученых» от 5 октября 1927 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 2.

[297] Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 17 января 1925 г. Л. 3.

чение квартиры[298]. Но квартиру Флоровские опять не получили. Очевидно, что эти неудачи заставили их искать новые решения жилищного вопроса и в 1929 г. жена историка В. А. Флоровская вступила в строительное товарищество «Společný Domov». Вместе с тем сам А. В. Флоровский оставался членом Чешско-русского профессорского строительного и квартирного товарищества, которое на протяжении 1930-х гг. предлагало ему несколько квартир.

8 июня 1931 г. заместитель председателя Товарищества В. И. Исаев сообщил историку, что освободилась двухкомнатная квартира, в которую он может поселиться после уплаты взноса в 4.800 крон. А. В. Флоровский с этим предложением согласился. Но уже 13 июня тот же В. И. Исаев дал знать, что квартира передана в порядке очереди П. Н. Савицкому[299]. Последний от нее отказался. Тогда Правление вновь предложило квартиру А. В. Флоровскому при условии, что он единоразово внесет за нее 2.300 крон, составляющие половину стоимости, а остальную сумму будет выплачивать ежемесячно[300]. 2 июля 1931 г. А. В. Флоровский уведомил В. И. Исаева о невозможности принять эти условия, т.к. у него еще имеются непогашенные платежи по предыдущей квартире, и попросил об отсрочке до 1 октября 1931 г. В. И. Исаев в ответ заявил о невозможности удовлетворить эту просьбу. Тогда 11 июля А. В. Флоровский официально отказался от предложенной квартиры[301].

В 1933 г. Товарищество предложило А. В. Флоровскому занять освободившуюся квартиру инженера А. И. Фенина, но при этом предписало разорвать отношения с кооперативом «Společný Domov», членом которого была жена историка, до 20 августа 1933 г. и представить документальные доказатель-

---

[298] Письмо Правления к А. В. Флоровскому от 15 февраля 1929 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 13 – 14.

[299] Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 8 июня 1931 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 15; Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 13 июня 1931 г. // Там же. Л. 16.

[300] Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 18 июня 1931 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 17 – 17 об.

[301] Черновик письма А. В. Флоровского к В. И. Исаеву от 2 июля 1931 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 22 – 23; Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 3 июля 1931 г. // Там же. Л. 24; Письмо А. В. Флоровского к В. И. Исаеву от 11 июля 1931 г. // Там же. Л. 26.

ства[302]. По неясной причине Флоровские этого не сделали, и 21 августа Правление отклонило их кандидатуры[303]. В. А. Флоровская направила письмо протеста в Комиссию по реформе быта в Чехословацкой республике (Ústřední jednota pro reformu bytovou v Československé Republice), в котором сетовала, что предложение о ликвидации членства было сделано внезапно, что решить вопрос было необходимо в течение двух недель, когда правление «Společný Domov» не собиралось[304]. 28 февраля 1934 г. Флоровским сообщили об освобождении однокомнатной квартиры историка-международника М. А. Циммермана, за которую было необходимо уплатить 3.200 крон. Они дали свое согласие занять эту квартиру, и В. А. Флоровская официально вышла из «Společný Domov». Но подтверждение об этом они вовремя не представили и поэтому лишились возможности занять предложенное жилье[305]. В последующие годы Флоровским предлагалось еще несколько квартир, но жилищный вопрос они решить так и не смогли. 22 июня 1941 г. А. В. Флоровский был исключен из Товарищества общим собранием, ибо после контракта о найме квартиры № 24 и получения ключей он оставил ее, «не возбудив ходатайства об оставлении вас членом Товарищества, а Общее Собрание не вынесло постановление о том, чтобы вы оставались членом»[306].

Но история взаимоотношений Флоровских с кооперативом «Společný Domov» была не менее сложно. С конца 1920-х гг. они проживали в двухкомнатной квартире с кухней в доме «У трех жуликов» на Подбабской улице, полученной на имя жены профессора, В.А.Флоровской. Но, очевидно, что занимаемая квартира № 12, казалась им не по карману. Известно, что не-

---

302 Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 5 августа 1933 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 36.

303 Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 22 августа 1933 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 43.

304 Черновик письма В. А. Флоровской в Правление, б.д. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 46 об.

305 Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 28 февраля 1934 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 54 – 55; Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 22 марта 1934 г. // Там же. Л. 62; Письмо В. И. Исаева к А. В. Флоровскому от 5 апреля 1934 г. // Там же. Л. 70.

306 Письмо В. А. Брандта к А. В. Флоровскому от 30 августа 1941 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 173. Л. 94.

которое время Флоровские сдавали комнату подслеповатому и чрезвычайно рассеянному философу И. И. Лапшину, но затем поругались с ним и в 1930 г. выставили его из квартиры[307]. Трудно сказать, что было причиной ссоры – бытовые разногласия или чудачества профессора, который, войдя в трамвай, мог снять калоши и начать здороваться с сидевшими пассажирами. С этого момента В. А. Флоровская начала ходатайствовать о предоставлении ей однокомнатной квартиры, меньшей по площади, но более дешевой. Свою просьбу она мотивировала как раз тем, что нынешнее жилье для нее слишком дорого, а «поднаемник» в настоящее время отсутствует[308]. Весной 1936 г. В. А. Флоровская предложила передать ей квартиру Н. В. Толль-Вернадской, дочери знаменитого академика, жены археолога Н. П. Толля, мотивируя это тем, что семья Толлей в квартире не проживает. В действительности, в этой ситуации не было ничего удивительного. Подобные примеры имелись во всех русских домах. Хозяин квартиры порой жил в другом месте или даже в другом городе и стране, но сдавал при этом свое жилье. Например, знаменитый почвовед П. В. Отоцкий на всем протяжении 1920 – 1930-х гг. проживал между Прагой и Брюсселем. Русский историк И. И. Лаппо после переезда в Литву в 1933 г. сдавал свою квартиру медику Н. А. Стаховскому[309]. Но вернемся к Флоровским. Правление общества ответило на просьбу отказом, ввиду того, что Н. В. Толль-Вернадская договора не разрывала, и поэтому

---

[307] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 72.

[308] Письмоа В. А. Флоровской в правление Товарищества «Společný Domov» от 28 января 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11; Письмо В. А. Флоровской в правление от 15 ноября 1937 г. // Ibid.

[309] См. письмо И. И. Лаппо к С. Г. Пушкареву от 9 марта 1941 г.: «Что касается моей квартиры, то, если Вы ее еще не ликвидировали, предпочел бы, чтобы она еще некоторое время числилась за мною. Обладание квартирою в Праге дает мне юридически пражскую оседлость, которая может быть и потребуется в недолгом времени. До осени вероятно наступят события, которые коренным образом изменят общее положение и тогда будет виднее. Обидно конечно, что Стаховский живет в ней на половину на мой счет. Следовало бы ему растолковать, что три года такого благополучия за счет другого немного слишком. Мог бы платить все 140 к[рон] ч[ешских]. Ведь помимо квартиры он пользуется и всем заржизеним (т.е. мебелью – М. К.), за которое я с него ничего не беру» (ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 184. Л. 71 об.).

квартира по-прежнему закреплена за ней[310]. При этом правление допускала передачу квартиры новым жильца после выполнения всех необходимых процедур. Но В. А. Флоровская продолжала ходатайствовать и обращаться в различные инстанции, мотивируя свое желание тяжелым бременем ежемесячной квартплаты в 680 крон[311]. Действительно, Флоровским приходилось платить немалую сумму за свою квартиру. Размер их строительного вклада составлял 14.459 крон 40 геллеров[312]. Поскольку, как мы помним, эта сумма равнялась примерно 20% стоимости квартиры, но путем простых исчислений установим, что квартира Флоровских стоила примерно 72.000 крон. Если за октябрь – декабрь 1929 г., то есть за первый год жизни в доме, они заплатили 1.197 крон 45 геллеров, то за полный 1930 г. – 7.092 кроны 10 геллеров, за 1931 г. – 7.149 крон 70 геллеров, за 1932 г. – 7.065 крон 15 геллеров, за 1933 г. – 9.208 крон 90 геллеров и т.д.[313] Кроме того, Флоровские должны были производить по вексельному займу в Легиобанке, который шел, очевидно, на покрытие первоначального взноса, и который к 1933 г. составлял 2.303 кроны 50 геллеров[314]. Причем в 1930 г. он выплатил банку 137 крон 60 геллеров, в 1931 г. – 1.651 крону 20 геллеров, в 1932 г. – 1.301 крону 70 геллеров[315]. Сами эти выплаты, вероятно, продолжались вплоть до 1944 г. Согласно сохранившимся документам, у Флоровских периодически накапливались долги за квартплату. Например, к октябрю 1937 г. они составляли внушительную сумму в 2.487 крон 33 геллера, и правление было вынуждено требовать от них немедленного погашения[316].

---

310 Письмо В. А. Флоровской из Правления «Společný Domov» от 7 февраля 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

311 Черновик письма В. А. Флоровской в «Bytová Reforma» от 11 июня 1937 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

312 Члену дружства «Společný Domov» В. Флоровской от 2 ноября 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

313 Byt č. 12. A. Florovský // SK. Krab. I.B. Desky č. 11; Платежи по квартире № 12 // Ibid.

314 Письмо А. В. Флоровскому из правления «Společný Domov» от 27 сентября 1933 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

315 Платежи по долгу в Легиобанке // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

316 Письмо В. А. Флоровской из правления «Společný Domov» от 14 октября 1937 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

Размер квартирной платы не был постоянным. Он колебался в зависимости от внешних обстоятельств. В таких случаях делался перерасчет, внесенный излишек списывался с долгового счета. Например, с 1 августа 1935 г. в связи с получением дотаций от Министерства социального обеспечения квартирная плата была понижена на 135 крон 38 геллеров и составила для Флоровских 408 крон 12 геллеров[317]. В 1936 г. в связи с облегчениями выплат по ипотечным займам квартплата была установлена в размере 389 крон 95 геллеров[318]. Не будем забывать, что в 1930-е гг. мировая экономика переживает вообще не лучшие времена. Поэтому были нередки и просрочки платежей. Правление предупреждало, что в случае неуплат будет обращаться в суд. Оно было вынуждено брать с жильцов векселя в качестве гарантии своевременной оплаты. Так, В. А. Флоровская в октябре 1936 г. дала правлению вексель на 935 крон. Оно же, в свою очередь, имело право в случае несвоевременной оплаты предъявить его к взысканию без предварительного уведомления[319]. Государственные пособия порой покрывали возникавшие долги. В таких случаях субсидия делилась пропорционально размеру квартплаты. Так, полученная Флоровскими в 1935 г. сумма в 676 крон 90 геллеров была автоматически списана с их долга[320]. Но к концу 1936 г. они были должны 1.073 кроны 18 геллеров, которые требовалось погасить в течение 10 месяцев ежемесячным взносом в 108 крон[321].

Она жаловалась на неисполнение ее просьбы, на то, что Н. В. Толль-Вернадская в реальности не живет в своей квартире уже полтора года. Но ее ходатайства успеха не имели. В ответ на две письменные просьбы правление ответило молчанием. А сам жилищный спор в итоге принял неожиданный поворот – осенью 1937 г. правление передало квартиру журналисту Д. И. Мейснеру. В. А. Флоровская была возмущена. Она посчитала решение неправильным и заявила протест: «Между тем

---

317 Письмо В. А. Флоровской из правления «Společný Domov» от 24 января 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

318 Письмо В. А. Флоровской из правления «Společný Domov» от 30 июня 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

319 Расписка В. А. Флоровской, октябрь 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

320 Письмо В. А. Флоровской из правления «Společný Domov» от 24 января 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

321 Письмо В. А. Флоровской из правления «Společný Domov» В. Флоровской от 31 декабря 1936 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

Правление признало целесообразным и уместным принять поднаемника г[оспо]жи Толль г[осподи]на Мейснера в число членов Товарищества и облечь, таким образом, его правами, которые связывают Правление в смысле свободы действия в отношении г[осподи]на Мейснера , хотя Правлению было хорошо известно, что на квартиру г[оспо]жи Толль есть старшие по времени претензии, заявленные еще до въезда г[осподи]на Мейснера в квартиру»[322]. Правление мотивировало своей решение тем, что опасалось судебных разбирательств со стороны нового жильца, который имел все права на получение квартиры. Однако В. А. Флоровская настаивала, что данная ситуация стала результатом действий самого правления, которое своими действиями «сознательно (здесь и далее в цитате – *подчеркнуто в оригинале*) подготовляло почву для окончательного своего решения, ныне признаваемого якобы вынужденным фактическим положением дела»[323]. Она обратилась с жалобой в общество «Бытовая реформа», которое занималось разбором жилищных споров. Там ей ответили, что Правление не имело права передать квартиру Н. В. Толль-Вернадской лицу, не состоявшему членом товарищества, в особенности, если на нее уже были претенденты. На основании этого В. А. Флоровская заключала, что «Правление не могло не знать о происходящем в доме Товарищества и не имело права совершенно пассивно относиться к делу, связанному с удовлетворением законных и своевременно заявленных желаний одного из старых членов Товарищества»[324]. В своих жалобах на делала упор на то, что в 1930 – 1935 гг. у нее трижды была возможность получить квартиру в «Профессорском доме», однако она правление «Společný Domov» не отвечало на ее просьбы о выходе из кооператива и возврате взносов, тем самым закрывая возможность членства в другом строительном товариществе. Своим же решением правление вывело из оборота малую квартиру и передало ее Д. И. Мейснеру. В. А. Флоровская указывала на нарушение процессуальных норм, поскольку решение о передаче квартиры Д. И. Мейснеру было принято старым правлением сразу же

---

[322] Письмо В. А. Флоровской в правление от 15 ноября 1937 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.
[323] Ibid.
[324] Ibid.

после избрания нового состава и после рекомендации от «Бытовой реформы» передать квартиру В. А. Флоровской. Этот факт, по мысли истицы, делал сомнительным законность принятого решения. Она делала упор на ущемление интересов старых членов, ибо о своей готовности переехать в квартиру Флоровских после их переезда в квартиру Толлей заявили сразу три человека – Е. Ф. Максимович, В. Е. Чирикова и Н. Я. Григорьев. На основании изложенных претензий она требовала отменить решение правления о передаче квартиру Д. И. Мейснеру и при этом покрыть непредвиденные расходы Флоровских, поскольку они были вынуждены нести дополнительные расходы в ежемесячном размере 100 крон с апреля 1936 г. по ноябрь 1937 г. по аренде. Правление, видимо, было не заинтересовано в жалобах В. А. Флоровской в «Бытовую реформу» и старалось отговорить ее от этого, сгладить конфликт.

Решение проблемы оказалось неожиданным и, с точки зрения здравого смысла, даже абсурдным. Между В. А. Флоровской и правлением было заключено соглашение об … уменьшении площади квартиры! Сохранился его текст, подписанный обеими сторонами, в котором говорится, что «Правление заканчивает работы по отделению третьей комнаты в квартире от остальной ее жилищной площади, с целью облегчить рациональное использование этой комнаты квартировладелицей, путем постановки перегородки»[325]. Еще в сентябре 1937 г. было решено отгородить одну из комнат и в дальнейшем использовать ее для нужд правления[326]. Причем реконструкционные работы должны были проводиться за счет внесенной В. А. Флоровской квартплаты. Более того, было решено списать с ее счета 500 крон за время простоя комнаты до момента заключения официального соглашения. В. А. Флоровская же обязывалась помимо обычной квартплаты погашать накопившуюся задолженность ежемесячными взносами в 100 крон (или же единовременным взносом). Правление было вынуждено 21 июня 1938 г. одобрить соглашение. Однако вопрос так и не был решен до конца. Долги не был пога-

325 Соглашение между В. А. Флоровской и представителями правления от 19 июня 1938 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

326 Письмо В. А. Флоровской в правление «Společný Domov» от 3 февраля 1938 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

шены. В июне 1941 г. В. А. Флоровская заключила договор об обязанности ежемесячной уплаты 100 крон в счет долгов[327]. Уже в годы Второй мировой войны Флоровские просили правление пересмотреть их долг, который к началу 1943 г. составлял 7.385 крон 50 геллеров. Причем 4.379 крон из них образовались, начиная с 1937 г., в связи со спором о меньшей квартире[328]. В. А. Флоровская настаивала, что ей приписывают лишние долги. Она постоянно спорила о различных взносах. В итоге в октябре 1945 г. она обратилась в правление с предложением «привести к ликвидации спорное дело…, начавшееся еще в 1936 году», мотивирую это взаимным желанием избежать судебного разбирательства. Правление требовало с В. А. Флоровской 3.370 крон. Она же говорила, что само правление должно ей 4.625 крон[329]. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют узнать, каков был ответ на это предложение. Все известные послевоенные документы обходят эту проблему молчанием. Или же А. В. Флоровский, ставший в 1946 г. советским гражданином, и возглавивший наблюдательный совет товарищества сумел каким-то образом решить ее. Теперь ему самому приходилось участвовать в разборе сложных вопросов, вроде контроля за ревизией бухгалтерии, продажи мебели бежавшего из Праги Н. В. Кузьминского, спора из-за принадлежности штамбовых роз на придомовом участке или сдачи в аренду угольного склада под магазин[330].

28 апреля 1948 г. новые власти Чехословакии издали закон № 138 «Об управлении жильем», который подчинял весь жилой фонд единому управлению. Довоенные кооперативные товарищества, имевшие право распоряжаться недвижимостью, ликвидировались. Полностью они исчезли к 1952 г. Но самой неприятной стороной этих дискриминационных законов было принудительное выселение неблагонадежных, с точки зрения

---

327 Соглашение, 26 июня 1941 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

328 Черновик письма А. В. Флоровского в правление, 24 июня 1943 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

329 Письмо В. А. Флоровской в правление «Společný Domov» от 3 октября 1945 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11.

330 См., например: Письмо А. В. Флоровского председателю Акчнего Выбора Товарищества «Сполечны Домов» от 9 июля 1948 г. // SK. Krab. I.B. Desky č. 11; Письмо председателя товарищества Н. А. Косенко к А. В. Флоровскому от 14 марта 1949 г. // Ibid; Письмо А. В. Флоровского к Н. А. Косенко, 25 апреля 1949 г. // Ibid., и др.

коммунистических властей, лиц из квартир. Нужно лишь было доказать факт неэффективного использования жилплощади, угрозу для общественных интересов от проживания того или иного лица или же его политическую неблагонадежность[331]. Так поступили, например, с семьей историка А. Н. Фатеева, чья семья была вынуждена покинуть «Профессорский дом» и переселиться в провинцию. И это несмотря на то, что сын профессора была участником Сопротивления и геройски погиб во время Пражского восстания в мае 1945 г. Порой выселенцам предлагали меньшие по площади квартиры или полуподвальные помещения в других домах или, как альтернативу, переезд в дома престарелых. Облик жильцов русских домов стал стремительно меняться.

Можно констатировать, что эмигрантам в полной мере так и не удалось решить тяжелейший квартирный вопрос, несмотря на отдельные довольно успешные попытки. К слову сказать, но в Советской России этот вопрос в тот же период стоял не менее, а то и более остро. Русским эмигрантам пришлось столкнуться с новыми бытовыми стандартами, отличными от тех, к которым они привыкли до революции. Так, семье Набоковых, жившей некогда в больших просторных апартаментах на Большой Морской улице в Петрограде, пришлось обустраиваться в маленькой квартирке на тихой Коуловой улице в Праге. Возникавшие в ходе решения квартирного вопроса трудности хорошо обрисовывали и внутренние противоречия в эмигрантской среде, и конфликты разных бытовых укладов, и банальную борьбу за свое место под солнцем. С другой стороны, возникавшие повседневные трудности заставляли многих еще более ценить семейные и дружеские связи. По словам В. Ю. Волошиной, они давали психологическую устойчивость, позволяли не чувствовать себя одиноким[332]. Эмигрантские дома становились островками русского мира на чужбине.

«Милый, милый Профессорский дом! Сколько счастливых детских воспоминаний связано с тобой!» – много лет спустя будет вспоминать А. Б. Евреинов[333]. В его словах будет ясно слышаться не только тоска по прошедшей молодости, но и по безвозвратно утерянному эмигрантскому миру. Сегодня в

---

[331] *Kopřivová A.* Op. cit. S. 95.

[332] *Волошина В. Ю.* Вырванные из родной почвы. С. 117.

[333] *Евреинов А. Б.* Указ. соч. С. 69.

бывших эмигрантских домах почти не осталось русских обитателей. На подъездных табличках с именами жильцов уже лишь чешские фамилии. Бучкова улица давно переименована в Рузвельтову. Кажется, что и не осталась следа от той русской Праги, от Зарубежной России, ставших ныне достоянием истории. Лишь две массивные мемориальные доски – на русском и чешском языках – на стене «Профессорского дома» напоминают прохожим о страницах прошлого. Но вот в «сборовне» теперь располагается маленькая православная церковь. Среди ее прихожан, правда, уже почти не осталось потомков тех русских, покинувших Россию после революции. На службах всегда многолюдно, и церковь не вмещает уже всех желающих. Хочется верить, что новые прихожане русского храма не забудут тех, чьими руками он создан, тех, кто на чужбине, в нелегких условиях быта, продолжал жить и любить свою Родину. И верить в ее будущее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В НОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На протяжении веков чешские земли служили местом соприкосновения различных культурных традиций. Особенно ярко эта особенность прослеживалась в Праге, культурный и лингвистический ландшафт которой был сложен из славянского, германского и еврейского компонентов. Действительно, в чешской столице, как нигде в Центральной Европе, остро стояла проблема соотношения лингвистической принадлежности и национальной идентичности. Вполне прав американский исследователь Дерек Сайер, отметивший, что в Праге эти вопросы были актуальны на протяжении двух последних столетий[334]. Языку принадлежала особая роль в сложных процессах национального и государственного строительства, поскольку он, по словам чешского филолога Томаша Гланца, служил «признаком самоопределения, суверенитета, культурных и гражданских достоинств и вообще национальной культуры»[335].

Именно язык всегда являлся одним из главных маркеров коллективной идентичности. Согласно авторитетному мнению Питера Бёрка, «говорить на том же языке или диалекте, что и окружающие тебя люди, – простой и эффективный способ проявить солидарность; говорить на другом языке или диалекте – столь же эффективный способ противопоставить себя другим личностям или группам»[336]. Но как взаимодействуют разные языки в повседневной жизненной практике? И как эти от-

---

[334] *Sayer D.* The language of nationality and the nationality of language: Prague 1780-1920 // Past and present. Oxford, 1996. № 153. P. 165.

[335] *Гланц Т.* Чешская версия языкового строительства: национальное возрождение и его остаточные идеологемы // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 235. В то же время современные исследователи признают, что отношения между языком и идентичностью никогда не были неизменными (*Джозеф Д.* Язык и национальная идентичность // Логос. Т. 49. № 4. С. 22). Это хорошо видно на примере все той же Праги, лингвистический ландшафт которой, так же как и национальная идентичность ее жителей, складывались под влиянием текущей политической ситуации и поэтому никогда не были устойчивыми.

[336] *Бёрк П.* Язык и идентичность в Италии начала Нового времени // Новое литературное обозрение. 1999. Т. 36. № 2. С. 6.

ношения отражались в истории пражского многоязычия в судьбоносные для Чехословакии 1920 – 1930-е гг.?

Лингвистический фактор всегда был одним из ведущих в процессе адаптации мигрантов. Знание иностранных языков, несомненно, служит важнейшей составляющей культурного диалога, значимым инструментом социализации человека в новом обществе. По признанию современных философов, «язык оказывается центром, в котором сконцентрированы все смыслопорождающие ценности того или иного национального социума»[337]. Здесь можно апеллировать и к мнению Мартина Хайдеггера, назвавшего язык «домом бытия»[338].

Жизнь в условиях новых лингвистических стандартов оказалась весьма сложным испытанием для значительного числа русских эмигрантов. Языковые трудности возникали у многих представителей диаспоры. Немалое число из них пережило лингвистическую травму, которую следует рассматривать как процесс столкновения вынужденных переселенцев с новым языком, в пространстве которого им необходимо существовать.

Уже давно подмечено, что язык является одним из важнейших способов выражения национальной самобытности. Современные исследователи подчеркивают, что «этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами группы, сколько с его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и одновременно в процессах межгрупповой дифференциации»[339]. Русская послереволюционная эмиграция, как в Праге, так и в других частях света, была объединена стойкой надеждой на возвращение в Россию. Сохранение и приумножение культурных традиций было для нее главной задачей. Причем русскому языку в этом процессе отводилась совершенно особая роль. Американский историк Марк Раев подчеркивал, что «язык был тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе традицию современной русской культуры, отражая ее в литературе, но также представлял собой существенный элемент самосознания "граждан" Зарубежной Рос-

---

337 Диспозиция «свой – чужой» в культуре. Воронеж, 2007. С. 31.

338 *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 272.

339 *Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т.* Язык как фактор этнической идентификации // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75.

сии. Именно русский язык связывал эмигрантов с их прошлым и помогал преодолеть разобщенность»[340]. Наделяясь статусом языка великой Культуры, русский язык конструировал национальную и культурную идентичность диаспоры и был важнейшим средством самоидентификации в условиях инонационального окружения.

В Чехословакии, как нигде в мире, русский язык пользовался институциональной поддержкой со стороны властей, которые финансировали деятельность многочисленных русских издательств, учебных, научных и культурно-просветительских учреждений. Еще в 1919 г. в Праге возникло издательство «Наша речь», выпускавшее буквари, сочинения русских классиков, книги о русском искусстве и т.д. В 1923 г. оно было преобразовано в издательство «Пламя», получившее известность далеко за пределами Чехословакии, и ставшее одной из крупнейших издательских компаний Зарубежной России[341]. Постепенно в Чехословацкой республике сложилась довольно развитая сеть русских издательств. Регулярно печатало книги и журналы на русском языке чешское издательство «Орбис». В 1920 – 1930-е гг. в Праге публиковались русскоязычные периодическе издания: газеты «Огни», «Неделя», «Русское дело», «Славянская заря», журналы «Воля России», «Студенческие годы», «На чужой стороне», «Вольная Сибирь» и др. При поддержке чешских властей были созданы специальные читальни для эмигрантов, а в 1920-е гг. под покровительством Министерства иностранных дел была открыта Славянская библиотека, по сей день являющаяся крупнейшим собранием русской книги в Европе. Национальное образование служило самым надежным способом сохранения русского языка. Дети эмигрантов имели возможность обучаться в Русской реальной гимназии в Праге или в Русской гимназии в Моравской Тржебове, а эмигрантская молодежь могла получить высшее образование на русском языке в одном из высших учебных заведений Праги, специально созданных для этих целей.

---

[340] *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919 – 1939. М., 1994. С. 141.

[341] См.: *Кишкин Л. С.* Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920 – 1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3 – 4.

В дореволюционной России практически каждый образованный человек владел иностранными языками. В большинстве своем это были, конечно же, французский и немецкий. Знание языков зарубежных славянских народов не получило столь широкого распространения. Вполне закономерно, что столкновение с чешским языком вызвало немало трудностей среди эмигрантов.

Историк С. Г. Пушкарев, приехавший в Чехословакию в 1921 г., вспоминал, как его поразили носильщики на пражском Вильсоновском вокзале, которые катили тележки с багажом и кричали: «Позор! Позор!». Лишь впоследствии он узнал, что «позор» по-чешски означает «осторожно». Вскоре С. Г. Пушкарев составил длинный список таких слов под заглавием «Словарь русско-чешских недоразумений»[342]. В своих мемуарах его коллега Н. Е. Андреев также припоминал, как ему по прибытию в Прагу бросились в глаза удивительные, с точки зрения русского, вывески «Горьки млеко», «Черстви хлеб», переводившиеся, в действительности, как «Горячее молоко» и «Свежий хлеб»[343]. Дочь историка А. А. Кизеветтера с юмором описывала свой поход по магазинам вместе с женой правоведа П. И. Новгородцева, которая «все что-то говорила: "просим, просим". Я думаю, чего она все просит, а это просто [по-чешски] "пожалуйста"»[344].

Эти же языковые парадоксы отметил искусствовед Б. Н. Лосский: «Вспоминаются тоже и наши первые впечатления от чешского языка, поначалу показавшегося нам смешным из-за расхождения смысла слов, построенных на общеславянских корнях, вроде позор (внимание), черствы (свежий), рыхлы (быстрый), запах (вонь), вунь (запах), от нее вонявки (духи) и т.п. Не меньше забавляли и фамилии в форме имен су-

---

342 *Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. 1905 – 1945. М., 1999. С. 87. Этот словарь сохранился в личном фонде историка: Чешской-русский словарь // ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 148. Л. 1 – 31, Д. 149. Л. 1 – 12, Д. 150. Л. 1 – 2, Д. 151. Л. 1 – 8, Д. 152. Л. 1 – 4.

343 См.: *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908 – 1982). Таллинн, 1996. Т. 1. С. 249.

344 Екатерина Александровна Максимович, урожд. Кизеветтер / Магнитофонная запись, обработка, публикация и комментарии *Л. Белошевской* // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общая ред. *Л. Белошевской*. Прага, 2011. С. 394.

ществительных, начиная с имени композитора Сметаны (по замечанию Римского-Корсакова, «не сметана, а простокваша»), или глаголов в третьем лице прошедшего времени, таких как Выглянул, Выскочил, Поспишил, Рассыпал, Непоспел…»[345] Однако за этими маленькими житейскими курьезами скрывалась глубокая проблема. Ее суть лаконично выразила М. И. Цветаева: «…Ах, как жесток и дик моим ушам и устам чешский язык! Никогда не научусь. И, главное, когда я говорю, они не понимают!»[346]

Из-за отсутствия необходимых источников невозможно с точностью определить степень владения чешским языком различных групп диаспоры. Эмигрантское сообщество, осознавая сложность лингвистической ситуации, тем не менее не проводило специальных статистических исследований на эту тему. Но языковая проблема в самом деле была животрепещущей для большинства русских жителей Праги. По мере того, как таяли надежды на возвращение в Россию, вопрос о языке становился все более значимым[347].

В одном из официальных отчетов Русской учебной коллегии говорилось, что «русские ученые в Праге стремятся изучить чешский язык, и некоторые достигли настолько крупных успехов, что могут читать доклады на чешском языке»[348]. В реальности все было не так просто, и многие русские интеллектуалы, составлявшие значительную часть русской диаспоры в Чехословацкой республике, не имели возможности полноценной работы в местных научных и культурных заведениях из-за слабого знания чешского языка, по крайней мере в тех учреждениях, где это знание было необходимо. Не вызывает сомнения, что овладение языком коренного населения повышает социальный статус переселенца. Часть эмигрантов, приспосабливаясь к новым условиям жизни, постепенно приобретала основные навыки чешского языка, достаточные для повседневного общения. Но знания эти оставались, как правило, на началь-

---

345 *Лосский Б. Н.* В русской Праге (1922 – 1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16.С. 11.

346 Цит. по: *Швейцер В. А.* Марина Цветаева. М., 2003. С. 306.

347 *Andreyev C., Savický I.* Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918 – 1938. New Haven, 2004. P. 127.

348 Отчет о деятельности русских ученых, состоящих членами Русской учебной коллегии // ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.

ном уровне. Это констатировала, например, в своих воспоминаниях знаменитая актриса Московского художественного театра М. Н. Германова: «В Праге, стараясь говорить по-чешски, я совершенно в тупик ставила чехов. Потом, приехав в Сербию, пытаясь говорить по-сербски, мы говорили чешские слова, а когда переезжали в Софию, то вдруг выскакивали только что слышанные сербские фразы, и так далее. Когда мы возвращались в Прагу, то Александр Петрович (Калитинский, муж М. Н. Германовой – *М. К.*) умолял меня не пытаться говорить по-чешски, потому что выходило не только непонятно, но и неприлично»[349]. Большая часть русских овладела чешским языком лишь на уровне бытового общения в процессе ежедневных контактов. В письме к своим родным из Карловых Вар 2 сентября 1926 г. историк А. А. Кизеветтер описывал один из таких повседневных разговоров в чешской среде: «Со свойственным мне нахальством я к собственному удивлению стал непринужденно выговаривать разные фразы по-чешски, и к еще большему моему удивлению мне отвечали, и я понимал ответы, хотя беседа была довольно отвлеченная…»[350]. Не будем забывать, что немало русских продолжало жить обособленной культурной жизнью, даже не пытаясь познать чешский язык. В особенности это касалось представителей старшего поколения, для которых изучение иностранных языков давалось гораздо сложнее, нежели для молодежи.

В 1925 г. корреспонденте парижской газеты «Последние новости» писал в своей статье о русской Праге: «Чешский язык – это родные для русского звуки. Зная великорусское и малорусское наречия, или польское и белорусское – вы поймете всех в Праге и всегда везде сможете объясниться»[351]. Однако в реальности русским было нелегко привыкнуть к чешскому языку из-за устойчивых лингвистических стереотипов. Сходство двух славянских языков часто порождало представление, что перевод вообще не нужен. Но в реальной жизни все было гораздо сложнее. А. Н. Бенуа, посетивший в 1935 г. Чехословакию, писал в редакцию парижский «Последних новостей»: «Привыкнуть

---

[349] *Германова М. Н.* Мой ларец с драгоценностями. М., 2012. С. 231.

[350] Письмо А. А. Кизеветтера к родным от 2 сентября 1926 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 28. Д. 54. Л. 5.

[351] *К. Н.* Указ. соч.

к чешскому и научиться хоть как-либо на нем изъясняться оказывается особенно затруднительным именно русским из-за сходства наших языков, так как очень часто почти тождественные слова далеко не всегда одно и то же выражают»[352]. Эту особенность заметил и В. Ф. Ходасевич: «Чешский язык для меня труден, так как надо лавировать между русским и польским. Знающему только один из этих языков научиться чешскому легче. Всего же легче не знать совсем никакого языка»[353].

Несмотря на близость славянских языков, лишь немногие русские ученые, приглашенные в Чехословакию в рамках «Русской акции», изначально владели чешским настолько хорошо, чтобы читать на нем лекции и вести семинары. Среди всех русских интеллектуалов в Праге в совершенстве знал его академик В. А. Францев. По свидетельствам современников, многие чехи даже удивлялись, что он говорил изысканным чешским языком, каким они уже давно говорить не умеют»[354]. Его биллингвизм ярко проявлялся на лекциях в Карловом университете, которые он читал попеременно то по-русски, то по-чешски. В. А. Францев (1867 – 1942) принадлежал к числу крупнейших славистов своего времени. Он был в числе немногих русских ученых, которые в начале 1920-х гг. получили от чехословацкого правительства специальные приглашения для приезда на работу в республику. Для Чехии он был не чужим человеком. Он многократно посещал Прагу еще до революции, имел там множество друзей, блестяще знал чешский язык и слыл большим знатоком истории чешского национального возрождения. Поэтому его знание Чехии и чехов было иным, нежели у его соотечественников, оказавшихся в Праге. Его случай является скорее исключением из правил, чем пример общей закономерности.

Французский язык, которым владел почти каждый образованный человек в дореволюционной России, в ту пору был не слишком широко распространен в чешском обществе. Хотя, разумеется, эмигранты его все равно использовали. Конечно,

---

352 *Бенуа А. Н.* Из писем в парижскую газету «Последние новости» // Прага: русский взгляд: Век восемнадцатый – век двадцать первый / Сост. и комментарии Н. Л. Глазковой. М., 2003. С. 197.

353 *Ходасевич В. Ф.* Из писем А. В. Бахраху // Там же. С. 140.

354 *Андреев Н. Е.* Указ. соч. Т. I. С. 326.

можно было бы общаться по-немецки, но по окончанию Первой мировой войны на немецкий язык было наложено негласное табу[355]. Но еще с 1880-х гг. в Праге наблюдался устойчивый рост чешского населения, главным образом за счет миграций в город из сельской местности. Это неминуемо вело к увеличению доли чешско-говорящего населения и к снижению доли немецкого языка. В конце XIX в. в Праге исчезли немецкие названия улиц, постепенно немецкие надписи были изгнаны даже с могильных плит[356].

После обретения Чехословакией независимости в 1918 г. резко изменился сам культурный статус чешского языка, ведь «чехи стали не только представителями большинства, но и носителями политической власти в новом государстве»[357]. Они осуществили «стабилизацию этнического национализма» по линии язык – нация – государство[358]. Вместе с тем немецкий язык и немецкая культура стали восприниматься как враждебные.

Немало представители чешских интеллектуальных и политических кругов довольно хорошо владели русским языком, что легко объяснить многолетней культурной традицией, идущей от деятелей национального возрождения. Знание многими чехами русского языка серьезно облегчало жизнь эмигрантов. Для самого президента Т. Масарика он не представлял значительных затруднений, «овладевать этим языком он начал смолоду и переписывался с нашими соотечественниками по-русски»[359]. В. Ф. Булгаков приводил курьезный случай. В 1923 г. он попал на прием к советнику Министерства иностранных дел Й. Благожу, которого просил организовать встречу с президентом Т. Масариком. Чешский чиновник охотно откликнулся на просьбу и тут же позвонил главе Канцелярии президента П. Шамалу: «Очевидно, из любезности ко мне, он и с “канцле-

---

355 *Andreyev C., Savický I.* Op. cit. P. 86, 127.

356 *Sayer D.* Op. cit. P. 176 – 177.

357 *Боброков-Тимошкин А.* Феномен и трагедия пражского многоязычия // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 224.

358 *Дунаева Ю. В.* Проблемы национализма и этнической идентичности в странах Центрально-Восточной Европы // Политическая наука. 2002. № 4. С. 138. Всего: С. 124 – 144.

359 *Инов И. В.* Томаш Гарриг Масарик и российские литераторы и журналисты // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. М., 2005. С. 86 – 87.

ром" … вел разговор по-русски. Одно из ближайших к президенту лиц, бывший участник подпольной чешской антигабсбургской "мафии", канцлер д-р Шамал также говорил по-русски! Что это за "иностранное" государство, в которое я попал?!»[360]

Кроме того, значительное число чехов охотно изучало русский язык в средних и особенно высших школах. Следует заметить, что потребность в специалистах, владеющих русских, объяснялась во многом чисто практическими соображениями, например необходимостью развивать торговые отношения с СССР, а отнюдь не желанием поговорить с эмигрантами по-русски[361]. Одним из создателей специализированных учебников русского языка для чехов был русский филолог-эмигрант Л. В. Копецкий, внесший неоценимый вклад в историю российско-чешских научных связей. Он оказался в Чехословакии еще будучи очень молодым человеком. Окончил Карлов университет, он включился в преподавательскую деятельность, начал работать в Высшем коммерческом училище. В 1930-е гг. Л. В. Копецкий сближается с Пражским лингвистическим кружком, и тогда же он выпускает свои первые учебные пособия по русскому языку. Он полагал, что для чехов необходимо создать специальные программы обучения, основанные на сходстве двух языков. Л. В. Копецкий также считал, что невозможно научиться чужому языку без знания истории и культуры[362]. В конце 1930-х гг. Л. В. Копецкий выпустил первое издание «Русско-чешского словаря», который быстро завоевал авторитет и популярность. В послевоенные годы он продолжит свою работу. Словари Л. В. Копецкого по сей день остаются непревзойденными.

Можно засвидетельствовать, что русский язык оставался главным инструментом межэтнического общения. Примечательно, что многочисленные русские интеллектуалы, жившие в межвоенной Чехословакии, предпочитали общаться со своими коллегами и вести переписку именно на русском языке. Имелись и совершенно необычные примеры такой перепис-

---

360 *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.

361 Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918 – 1945. Прага, 2008. С. 139.

362 Там же.

ки, когда русский корреспондент писал письмо чешскому коллеге на русском языке, но используя при этом латинские буквы, очевидно, более просто воспринимаемые европейцами, нежели кириллица[363]. Многочисленные ученые-эмигранты в Праге, считая себя временными изгнанниками, предпочитали публиковать результаты своих исследований по-русски, лишь иногда посылая работы в иностранные издания, главным образом во французские и немецкие. К тому же они имели возможность публиковать исследования на родном языке в чешской периодике. В 1920-е гг. в Праге начали издаваться журналы «Slavia» и «Byzantinoslavica», быстро завоевавшие известность и авторитет в научном мире. Оба издания носили международный характер, поэтому статьи в них публиковались на нескольких европейских языках, и эмигранты могли печататься по-русски.

Так или иначе, но на протяжении 1920-х гг. эмигрантские научные и литературно-художественные журналы в Чехословакии издавались только на русском языке. Исключением стала лишь публикация третьего тома «Записок института изучения России» в 1925 г., полностью подготовленного на чешском[364]. Но данное издание, во многом обязанное материальной поддержке со стороны чешских властей, было ориентировано скорее на чешскую, нежели на русскую читательскую аудиторию. В целом же, вплоть до конца 1920-х гг. вышло немного работ русских ученых, опубликованных по-чешски. Как правило, их целью было заинтересовать местное общество русскими проблемами, что было особо актуальным в то время, когда правительство республики начало сокращать помощь русской эмиграции[365].

И все же труды русских ученых иногда появлялись в чешской научной периодике («Česke časopis historicky», «Sborník věd právních a státních», «Slovanský přehled», «Ročenka Slovanského Ústavu», «Časopis Národniha Musea», «Slovo a slovesnost» и др.). Свои работы в них печатали Г. В. Вернадский, И. И. Лаппо, В. А. Францев, А. В. Флоровский, П. А. Остроухов, Б. А. Евреинов

---

363 См., например: Письмо Д. Н. Андрусова к Р. Кеттнеру от 17 июля 1924 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Radin Kettner. Sign. II b. Inv. č. 69.

364 Записки Института изучения России. Прага, 1925. Кн. 3.

365 *Andreyev C., Savický I.* Op. cit. P. 116.

и др. Вполне очевидно, что некоторые из них прибегали к помощи переводчиков. В качестве таковых выступали чешские коллеги А. Тескова, историки Я. Славик и В. Чейхан. Ученые гуманитарии часто отдавали предпочтение немецкоязычному славистическому журналу «Slavische Rundschau», выходившему в Праге в 1920 – 1930-е гг. Писать по-немецки для многих из них было все же привычнее, нежели по-чешски. В большей степени везло писателям, чьи произведения активно переводили на чешский язык (И. А. Бунин, А. И. Ремизов и др.).

Следует отметить, что представители естественных наук гораздо охотнее печатали свои работы на чешском языке, нежели их коллеги гуманитарии. Это было связано с изначально большей востребованностью и этих ученых, и их работ в чехословацкой среде. Показателен пример геолога Д. Н. Андрусова, ихтиолога Б. С. Костомарова, психиатра Ф. Н. Досужкова и др. Практически все их научные труды опубликованы по-чешски, что обеспечило им успешное вхождение в местную научную элиту, авторитет и известность.

С начала 1930-х гг. ситуация с публикацией русскоязычных научных работ заметно изменилась. Если в 1920-х гг. русский язык абсолютно преобладал в эмигрантских изданиях, то теперь удельная доля статей на иностранных языках, в том числе и на чешском, постепенно возрастала. Так в издававшемся в Праге в 1920 – 1930-х гг. знаменитом эмигрантском византиноведческом сборнике «Seminarium Kondakovianum» все чаще появлялись статьи на английском, немецком, французском. Причем их авторами были не только зарубежные исследователи, но и русские ученые, стремившиеся тем самым сделать свои работы более доступными для международной научной общественности. Ведущий русский многопрофильный научный журнал, «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге», издававшийся в 1935 – 1942 гг., содержал статьи сразу на нескольких разных языках. Из 88 работ, напечатанных за время его существования, 22 были опубликованы по-русски, 18 – по-чешски, остальные – на французском, немецком и английском. Среди самих эмигрантов не было единодушного мнения о научном языке. С одной стороны, русские ученые понимали, что только публикации трудов на иностранных языках сможет сделать их доступными для мирового интеллектуального сообще-

ства. С другой стороны, отказ от русского языка означал бы предательство миссии эмиграции, основанной на вере в возвращение на Родину и необходимости сохранения на чужбине культурного наследия. В письме к историку Б. А. Евреинову 21 мая 1926 г. знаменитый поэт К. Д. Бальмонт упрекал его за чрезмерное, по его мнению, использование иностранной лексики, «преступного газетного Эсперанто»[366].

Известно, что П. Н. Савицкий, блестяще владевший несколькими европейскими языками, резко осуждал своих друзей и коллег, печатавших работы не по-русски. Публикации на иностранных языках он воспринимал как движение «по пути измены русскому научному делу» и «романогерманобесие»[367]. Так, отметив большое значение работ Г. А. Острогорского, П. Н. Савицкий заметил, что публикация им обобщающего труда по истории Византии на немецком языке снизила его научное значение. В личном фонде видного евразийца в Государственном архиве Российской Федерации сохранилось письмо С. Ф. Платонова Г. В. Вернадскому от 22 ноября 1928 г. В этом письме выдающийся историк писал среди прочего о том, что русскому языку давно необходимо придать статус международного научного языка. П. Н. Савицкий сделал своей рукой следующую приписку: «Слава Сергею Федоровичу Платонову! И в труднейших условиях он думал о русском достоинстве и сохранял его! А наши "подевропники" (включая и пресловутое "Русское научно-исследовательское объединение в Праге") предавали и предают его на каждом шагу. Только и мечтают о том, чтобы на русские деньги (подчеркнуто в тексте – *М.К.*) напечататься по романо-германски»[368]. Позицию П. Н. Савицкого, очевидно, разделяли и другие русские интеллектуалы[369].

---

366 Письмо К. Д. Бальмонта к Б. А. Евреинову от 21 мая 1926 г. // ГА РФ. Ф. 6366. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

367 *Савицкий П. Н.* Справка об институте // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 214, 216 – 217.

368 ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 241об.

369 В рукописном отделе Славянской библиотеки сохранилось показательное письмо Е. Н. Клетновой историку Д. А. Расовскому от 10 марта 1938 г. с отзывом на очередной выпуск сборника «Seminarium Kondakovianum»: «Не могу однако воздержаться и не высказать своего грустного чувства, не только при виде радикального изменения давно установленно-

В Карловом университете лекции читались на разных языках, а студенты могли свободно выбирать интересующие их предметы. Это давало возможность преподавателям-эмигрантам проводить занятия по-русски. Но, как показывает практика, чешские студенты редко посещали такие занятия. Выдающийся историк искусства академик Н. П. Кондаков, читавший курс лекций «О роли восточноевропейских славянских и кочевых народностей в истории общеевропейской культуры», в ноябре 1923 г. был вынужден читать дополнительные лекции по-французски специально для чешских студентов, не понимавших русского языка[370]. Он записал в своем дневнике в ноябре 1923 г.: «С утра подбирал фр[анцузские] слова для лекции и проклинал свою судьбу»[371]. Русские студенты, наоборот, стремились посещать лекции и семинары только на родном языке. Как заметил И. П. Савицкий, для чешских студентов невозможность слушать лекции академика была неприятностью, но не более. Для русских, обучавшихся в чехословацких высших школах, непонимание преподавателей было сродни катастрофе[372].

Принято считать, что оказавшиеся в Чехословакии русские земледельцы, в отличие от интеллектуалов быстрее приспособились к условиям жизни в новых условиях и быстрее овладевали чешским языком. Но, как показали Екатерина Андреева и Иван Савицкий, они никогда специально не изучали чешского языка, а лишь приобрели навыки через повседневные контакты. Даже после Второй мировой войны в богемских деревнях можно было встретить людей, «которые были полностью асси-

---

го облика издания Института, но особенно, что оно превращается исключительно в орган иностранный и для иностранцев. И только еще один Д. А. Расовский (слава ему!) придерживается своего святого родного языка и русской темы» (Письмо Е. Н. Клетновой Д. А. Расовскому от 10 марта 1938 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor. Krab. XLIV. Kletnova Jekaterina Nikolajevna, Praha, Užhorod).

[370] См.: *Кызласова И. Л.* Указ. соч. С. 57, 59.

[371] *Кондаков Н. П.* Дневники 1922 – 1923 гг. Фрагменты // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общая ред. *Л. Белошевской*. Прага, 2011. С. 272.

[372] *Савицкий И. П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. С. 71; Он же. «Русский Оксфорд» в Праге. С. 112.

милированы, но которые говорили на экстраординарной смеси русского и чешского»[373].

Снизить лингвистическую напряженность и помочь адаптации в новой среде пытались за счет организации языковых курсов и внедрения чешского языка в учебные программы русских школ и высших учебных заведений. В 1921 г. были созданы Высшие русские дополнительные курсы в Праге, призванные помочь русским студентам, обучавшимся в чешских университетах. Важное место в их работе было уделено преподаванию чешского языка, которое взял на себя В. А. Францев[374]. Для русских студентов философского факультета Карлова университета в 1922 г. был введен дополнительный курс чешского языка, который, согласно официальным документам, они «принимали с благодарностью и указывали, что он дал возможность систематизировать те разрозненные знания, полученные ими при прослушаниии чешских курсов, сдачи коллоквиумов и путем конверсации»[375]. В Русском институте сельскохозяйственной кооперации чешский язык был отнесен к числу обязательных предметов, на изучение которого отводилось по 1 – 2 часа в течение двух первых курсов. По окончанию курса студенты имели возможность получить помимо отметки в зачетной книжке особое свидетельство о знании чешского языка[376]. В учебном плане Русского педагогического института имени Я. А. Коменского на изучение чешского языка студентами отводилось 2 семестра по 2 часа в каждом[377].

В 1920 – 1940-е гг. специальные языковые курсы действовали под патронажем Русского народного (свободного) универси-

---

[373] *Andreyev C., Savický I.* Op. cit. P. 126.

[374] См.: Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926 – 1927 учебный год. Прага, 1927. С. 6.

[375] Заявление Временной комиссии, избранной общим собранием студентов философской секции 21 ноября 1922 г. для выяснения вопросов, связанных с установлением минимума на имя Историко-филологического отделения Русской учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в ЧСР // Narodní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125. Historiko-filologické odd. Protokoly. 1922 – 1923.

[376] Обозрение преподавания в Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1925. С. 98.

[377] Учебный план Русского педагогического института имени Яна Амоса Коменского в Праге // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 227. Л. 1 об.

тета как в Праге, так и в провинции. Обучение на них велось русскому, английскому, французскому, немецкому, чешскому языкам (в некоторые годы также сербскому, испанскому, латинскому, венгерскому и старославянскому). Курсы пользовались большой популярностью, а число их слушателей в 1920-х гг. составляло несколько сот человек в год. Как это ни парадоксально, но большинство русских отдавало предпочтение изучению немецкого, французского или английского языка, по сравнению с чешским. С конца 1920-х гг. число русских слушателей языковых курсов стало постепенно сокращаться. В 1927/1928 учебном году русские составили лишь 35 % от общего числа слушателей[378]. Важную роль играли курсы русского языка для чехов и словаков, которые «кроме чисто практических знаний давали также основу для чешско-русского культурного сближения»[379]. Удельная доля чехов постоянно росла. В 1928/1929 учебном году среди слушателей курсов было 187 чехов, 117 русских и 27 представителей других национальностей[380].

Русские считали свое пребывание в Чехословакии лишь временным и не стремились стать частью чешского общества. Но по мере таяния надежд на возвращение в Россию, вопрос о приспособлении к новой культурной, в том числе и языковой, среде становился все более острым. Он приводил к определенной культурной изоляции, которая «усиливалась попытками сохранить российскую идентичность»[381]. В то же время, следует признать, что для немногочисленных эмигрантов, остававшихся в Чехословакии к началу Второй мировой войны, языковой вопрос остро уже не стоял. За время пребывания на чужбине они, в целом, овладели местным языком.

---

[378] Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1927 – 1928 учебный год. Прага, 1928. С. 3.

[379] Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге. Прага, 1938. С. 7.

[380] См.: Русский народный университет за 1928-1929 уч. год: Общий обзор // Научные труды Русского народного университета в Праге. 1929. Т. II. С. 398.

[381] *Andreyev C., Savický I.* Op. cit. P. 128.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ЧЕШСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

Всякий эмигрант вынужден существовать в чужом культурном пространстве, подчиняясь его правилам и законам. Если говорить шире, то речь идет о новых условиях жизни в новой среде. Эта специфика давала знать о себе на примере ежедневных контактов с представителями чешского общества, и профессиональных коммуникаций. Чехи имели богатый опыт контактов с русскими. В самой России уже в XIX в. сформировалась значительная чешская диаспора, состоявшая из предпринимателей, учителей, музыкантов и т.д. К тому же в своей борьбе за национальную самобытность и свободу чехи во многом ориентировались на Россию. Поэтому разные слои чешского общества имели определенный круг представлений о большом восточном соседе. В особенности это касалось интеллектуалов, которые активно контактировали с представителями русского общества. Некоторые из них хорошо знали русский язык и посещали некогда Россию. К таковым относился, например, президент Т. Масарик. Таким образом, встреча русских и чехов не была встречей двух Чужих в полном смысле этого слова. Тем не менее, нельзя также сказать, что это была встреча двух очень близких знакомых.

Эмигранты должны были вживаться в новую культурную среду. Поэтому вопрос об их адаптации имел для них большое значение. Адаптацию в историческом плане можно определить как выработку особой поведенческой стратегии по отношению к окружающему миру, как способ психологического восприятия новой социальной действительности. Это система отношений индивида/локальной группы и социально-политической, общественно-экономической среды[382]. Важно заметить, что адаптация как процесс не протекает сама по себе, она обусловлена целым рядом различных, как личност-

---

[382] См.: *Ковалев М. В.* Проблемы социально-психологической адаптации российской эмиграции в Чехословакии // Забота: от бытийной стратегии к этическим и профессиональным ценностям. Саратов, 2006. С. 99 – 103; *Он же.* Российская научная эмиграция в Чехословакии: проблемы адаптации // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Самара, 2006. Вып. 8. С. 84 – 89.

ных, так и групповых факторов. Современный российский психолог Н. С. Хрусталева выделила группу объективных причин, влияющих на адаптацию: страна въезда, язык, уровень правовой и экономической защищенности, отношение коренного населения, наличие поддерживающих структур[383].

Эмиграция откладывала отпечаток на общее психологическое состояние индивида, вызывала множество социально-психологических проблем, в значительной степени обусловленных столкновением с иной культурной средой. Под личностными факторами адаптации необходимо понимать желание самого эмигранта интегрироваться в новое общество, усвоить новые культурные и социально-психологические установки. Готовность к переменам среди русских беженцев в Чехословакии была крайне низкой, что объяснялось их верой в недолговечность большевистского режима и надеждой на скорое возвращение на Родину. Они жили в своем культурном окружении, с иностранцами общались мало. Сложилась парадоксальная ситуация, когда человек физически пребывал на чужбине, но душа и мысли его находились в России. В первые годы жизни эмигранты в буквальном смысле сидели на чемоданах, приготовившись в любой момент возвратиться домой. Эмиграция была объединена стойкой верой в возвращение на Родину, которое должно произойти после падения большевиков. Представление о недолговечности советской власти было распространено в эмигрантских кругах. В 1924 г. в ответе на анкету чешской газеты «Народни листи» профессор-юрист С. В. Завадский заметил: «Большевики в настоящее время – сухой гриб: он стоит, пока его не задела, хотя бы слегка, чья-либо нога. А время подходит…»[384] Академик В. А. Францев на одном из публичных выступлений говорил: «В нашем относительном благополучии мы не можем забывать о Родине… Мы возвратимся…»[385]. Лишь немногие эмигранты сомневались в скором падении большевистской власти, подобно социологу П. А. Сорокину, который «был твердо уверен, что будущее Рос-

---

383 См.: *Хрусталева Н. С.* Адаптация выходцев из бывшего СССР. Взгляд психолога // Диаспоры. 1999. № 2 – 3. С. 281 – 298.

384 *Варшавский С.* Анкета «Народных листов» // Возрождение. Париж, 1927. 4 июля.

385 Цит. по: *Лаптева Л. П.* В. А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavia. 1966 № 1. S. 83.

сии определит русский народ у себя дома, а не эмигранты, как бы высок ни был их умственный и культурный потенциал»[386]. Но постепенно надежды на возвращение рассеивались. В 1923 г. тот же В. А. Францев писал: «В Россию, очевидно, не вернусь; с грустью об этом думаю и не нахожу ни в чем утешения; надо работать здесь, пока есть силы, но тоска давно уже одолевает, и трудно, тяжело жить без отчизны, без родной почвы под ногами, без родного воздуха»[387]. Уже в 1950-е гг. В. Ф. Булгаков, общественный деятель и последний секретарь Л. Н. Толстого, описывал в своих воспоминаниях новогодний вечер 1923 г., устроенный Союзом русских писателей и журналистов в одном из пражских ресторанов: «Перед наступлением 12 часов ночи С. В. Завадский произнес с обычным искусством и с казавшимся искренним, не наигранным подъемом, небольшую речь, в которой, между прочим, выразил уверенность, что "в наступающем Новом году мы вернемся на родину"... Все это выглядело довольно торжественно и, казалось, полно было для собравшихся особого внутреннего значения. И какую же зловещую тень накидывает теперь на это новогоднее торжество мысль о том, что ни в 1924-м, ни в 1925-м, ни в 1935-м и ни в 1945-м годах большинство из тех, кто находился на тогда в зале на острове Жофине, включая и красноречивого оратора, не дождалось исполнения своих надежд и Родины не увидело!»[388]

Спасение и успокоение русские эмигранты пытались найти в национальном окружении. Особое место заняли всевозможные поддерживающие структуры: религиозные общины, русскоязычные газеты и журналы, учреждения культуры, образовательные центры, музеи, архивы, научные общества. Как полагали американские психологи С. Коэн и Г. Ноберман, сохранение национального окружения в процессе адаптации служит своеобразной защиты от психологических потрясе-

---

[386] *Сорокин П. А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 146.
[387] Цит. по: Лаптева Л. П. В. А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов S. 84; *Она же.* Лаптева Л. П. Русский славист В. А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России (по материалам неопубликованной переписки) // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 1997. № 2. С. 62.
[388] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 62. Л. 143.

ний[389]. С другой стороны, это затрудняло вхождение эмигрантов в местные общественные структуры. По словам В. Ф. Булгакова, русские «предпочитали жить очень скромно на предоставляемые им небольшие пособия, вместо того, чтобы искать службы и работы в иностранных учреждениях и предприятиях…»[390] Проблема взаимного непонимания эмигрантов и коренного чешского населения была вызвана главным образом несовпадением их культурных установок и систем ценностей. Полное приспособление к новым условиям жизни, врастание в чешское общество неминуемо вели бы к потере национальной идентичности, а на это большинство эмигрантов пойти не могло.

Ситуация осложнялась характерным для эмигрантов чувством растерянности, потерей прежнего социального статуса и т.д. Произошло резкое изменение социальных ролей: «Русские в Праге, главным образом интеллигенция, происходившие из средних и верхних слоев среднего класса старого российского общества, теперь могли позволить себе жить только среди людей низшего среднего класса и рабочих»[391]. Все это вело к сокращению продолжительности жизни, нервно-психическим расстройствам, депрессии, суицидам. Следует согласиться с В. Ю. Волошиной, что снижение социального статуса породило у русских «потерю ценностных ориентаций, преобладание пессимистических настроений во взглядах на настоящее и будущее, даже "раздвоение личности"», под которым она понимает «разрыв между реальным положением человека в социальной структуре страны пребывания и представлениями, как своими, так и ближайшего окружения, о месте данного человека среди других людей»[392]. Печально известен случай известного до революции историка и международника профессора В. В. Водовозова. не выдержавшего ма-

---

389 *Cohen S., Noberman H.* Positive events and social supports as buffers of life change stress // Journal of Applied Social Psychology. 1983. V. 13. P. 99 – 125.

390 *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 55.

391 *Chinyaeva E.* Chinyaeva E. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 52.

392 *Волошина В. Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. С. 28.

териальных лишений, обострившейся глухоты, отсутствия перспектив, и покончившего с собой в 1933 г., бросившись под поезд[393]. Пенсия В. В. Водовозова составляла всего 850 крон, и ее не хватало для удовлетворения элементарных потребностей. Вскоре после гибели мужа, его жена также свела счеты с жизнью, приняв смертельную дозу веронала[394].

Для эмигрантов было характерно чувство психологической раздвоенности. Несмотря на материальные лишения, тяжелые бытовые условия, многие из них продолжали ощущать себя профессорами, военнослужащими, светскими дамами, собираясь после изнурительной работы на литературные и музыкальные вечера, устраивая выставки и балы, на которые надевали истрепанные мундиры и поношенные платья. Таким образом, они доигрывали социо-культурные роли, избранные еще в России. Обратимся вновь к воспоминаниям В. Ф. Булгакова о новогоднем вечере 1923 г., которые наглядно демонстрируют эту черту: «… Затем оркестр заиграл вальс "Невозвратное время", и начались танцы… Старомодный зал, напоминающий чем-то провинциальные русские залы, казалось, особо подходил для этого бала. Можно было на минуту забыть, что ты не дома (как забывали, наверное, почти все танцующие) и воображать, что пары кружатся в доме Лариных еще до того, как разыгралась ссора между Онегиным и Ленским. Дышалось легко и свободно»[395].

Значительно затрудняли интеграцию русских в чешскую среду ментальные различия между двумя народами. Образ жизни русской эмиграции контрастировал с образом жизни чехов. К примеру, русские в своем большинстве не придавали большого значения своей одежде и внешнему виду. К тому же в условиях эмиграции у русских просто не было денег на новые туалеты. В. Ф. Булгаков вспоминал о подготовке своего визита к Т. Масарику в апреле 1923 г. В Чехословакию он приехал в обычной толстовке, и поэтому для похода к президенту ему пришлось обзавестись недорогой черной пиджачной парой,

---

[393] См.: *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 265.

[394] Там же. С. 265 – 266; *Chinyaeva E.* Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations. S. 50.

[395] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 62. Л. 143.

какие в то время носили в Европе старшие лакеи в ресторанах средней руки, белой крахмальной сорочкой, воротничком и манжетами. Но опытный взгляд западноевропейца все равно примечал, во что был обут русский журналист – в грубые солдатские ботинки из толстой, сгорбившейся кожи, купленные накануне эмиграции на Смоленском рынке в Москве. «А мне тогда и в голову не приходило, что можно быть не только одетым, но еще и обутым изящно», – писал В. Ф. Булгаков с иронией уже в 1950-е гг.[396] Кстати, Т. Масарик прекратил, в конце концов, ежегодные приемы для русских, которые приходили на них в старых поношенных костюмах, смущая хорошо одетых чешских гостей[397]. Иное дело чехи, которые, по словам Н. Е. Андреева, были «до известной степени рабами костюмов»[398]. Внешний вид для них был символом социального престижа и личного преуспеяния. В. Ф. Булгаков описывал толпы хорошо одетых, уверенных в себе людей, которых он встретил во время первой прогулки по Праге весной 1923 г. Первоначально он подумал, что перед ним были лишь представители буржуазной и интеллигентной среды. Но вскоре убедился, что пражская публика исключительно демократична: «Все это были, главным образом, конторщики, столяры, портные, учителя, мелкие торговцы и их жены, – в праздничных, а то и в обычных рабочих костюмах. Республика, с ее исключительно развитой промышленностью, была богата, а население ее – культурно»[399].

В чешских семьях не было принято, за редким исключением, приглашать в дом гостей, тогда как скромные жилища российских ученых становились местом притяжения интеллектуальных сил. К. А. Чхеидзе вспоминал, что в 1920 – 1930-е гг. характерной чертой русской Праги было устройство различных кружков и салонов, куда приходили поговорить об искусстве и

---

[396] Там же. Д. 61. Л. 40 – 41.
[397] *Chinyaeva E.* Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations. S. 52.
[398] *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908 – 1982). Таллинн, 1996. Т. II. С. 83.
[399] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 11.

литературе, увидеться с друзьями и коллегами[400]. Эту черту отметил Зденек Сладек: «Для русских, которые привыкли засиживаться у самовара и бурно спорить об основных вопросах жизни, была непонятна жизнь маленькой чешской семьи. Та привыкла к уравновешенному ходу семейной жизни и … требовала, чтобы они к этому приспособились»[401]. Однако и чехи, как, например профессор Иржи Горак, порой становились гостями таких посиделок[402]. В эмигрантских квартирах кипела бурная научная, культурная и общественная жизнь. Нередко в них собирались домашние семинары и творческие вечера. Их обязательной частью было чаепитие, ритуал перенесенный из России. Оно должно было подчеркнуть единство эмигрантской группы, ее ориентацию на определенную культурную традицию. «Вместо того, чтобы сидеть, по-чешски, по ресторанам за кружкой пива, ходили друг к другу в гости на чашку чая, причем некоторые гордились тем, что даже вывезли с собой самовары», – писал В. Ф. Булгаков[403]. Такие вечера способствовали коммуникации между представителями разных поколений. Описывая четверговые чаепития у пражского епископа Сергия, философ Н. С. Арсеньев отмечал: «Здесь встречались и старые и малые, профессора и студенты, инженеры и писатели, матери семейств и гимназисты, русские эмигранты, постоянно жившие в Праге, и проезжие»[404]. Академик Н. П. Кондаков собирал в своей квартире на Малой Стране своих учеников и коллег. Хозяин дома всегда собственноручно разогревал чай на «спиртовке» и подавал к столу варенье, кокосовое печенье и другие сласти[405]. Так Н. П. Кондаков из выдающегося ученого

---

400 *Чхеидзе К. А.* События, встречи, мысли // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общая ред. *Л. Белошевской*. Прага, 2011. С. 41.

401 *Sládek Z.* České prostředí a ruská emigrace // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919 – 1939. Praha: Slovanský ústav, 1999. S. 31.

402 *Чхеидзе К. А.* События, встречи, мысли // // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общая ред. *Л. Белошевской*. Прага, 2011. С. 41.

403 *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 55.

404 *Арсеньев Н. С.* Из книги «Дары и встречи жизненного пути» // Прага: русский взгляд. М., 2003. С. 184.

405 *Лосский Б. Н.* В русской Праге (1922 – 1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 16.

с весьма непростым характером превращался в радушного хозяина: «В этой новой обстановке с хозяином и гости его чувствовали себя вольнее и непринужденнее, и они посещали Никодима Павловича … часто и охотно»[406]. В квартире Г. В. Вернадского регулярно собирался кружок любителей пения, на которых в качестве солистов выступали его жена и его коллега Б. А. Евреинов[407]. К Флоровским приходили любители карточных игр, особенно бриджа, среди которых завсегдатаями были профессора И. И. Лапшин и П. Б. Струве. У них же традиционно отмечали сочельник с непременной малороссийской кутьей и рождественской елкой[408]. Такие неформальные встречи были данью дореволюционной интеллигентской культуре. Они немало удивляли чехов, а иногда вызывали насмешки младшего поколения эмигрантов. И все же в последних они пробуждали чувство причастности к стране, которую они потеряли[409].

Современная чешская исследовательница Анастасия Копрживова выделила во взаимоотношениях русских и чехов три периода: «сравнительно короткий этап восторженной приязни», «быстро наступивший этап взаимного разочарования и охлаждения», «длительный этап постепенного привыкания, развития взаимопонимания и сближения»[410]. Большую роль играли сложившиеся этнокультурные стереотипы, устойчивые представления друг о друге, которые, однако, со временем могли изменяться. Если в самом начале «Русской акции» бытовали, в основном, только положительные образы друг друга, то постепенно, по мере накопления опыта совместной жизни, возникали и негативные характеристики. В. Ф. Булгаков очень точно заметил на этот счет: «Положение двух сторон, русских и

---

406 *Францев В. А.* Из воспоминаний о Н. П. Кондакове // Прага: русский взгляд. С. 120.

407 *Лосский Б. Н.* Указ. соч. 64.

408 Там же. С. 59.

409 Т. А. Рейзер-Бем отметила в своих воспоминаниях: «Хорошо сидеть за столом под круглой висящей лампой и пить горячий чай, заедая из блюдечка вареньем вместо сахара, хорошо слушать давно заученные, степенные, медлительные разговоры» (*Бем-Рейзер Т. А.* Украденное счастье // Новый журнал. Нью-Йорк, 2008. Кн. 251. С. 268).

410 *Копрживова А.* Копрживова А. Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 11 – 12.

чехов, в Праге оказывалось неравным. Полные внимания и великодушия сначала, чехи постепенно приучились смотреть на лишенных родины, прав и нуждавшихся в помощи русских, как на бедных родственников (подчеркнутов в тексте – *М.К.*). И русским, хотели ли они или не хотели признавать себя "бедными родственниками", вести себя все же приходилось соответственным образом, т.е. проглатывая мелкие обиды без протеста или "не замечая" их»[411]. Например, тот же В. Ф. Булгаков рассказывал, как русским приходилось часам обивать пороги чешских кабинетов в ожидании аудиенции. Им только и оставалость, что сетовать на неопытность чешской бюрократии. Бывший сенатор, профессор-правовед С. В. Завадский недоумевал: «Подумайте, я прихожу в день и час, назначенные для приема посетителей, прихожу по служебным (подчеркнуто в тексте – *М.К.*), общественным делам, и … должен ожидать час или полтора часа, пока доктор Завазал меня примет! Я понимаю, что господин советник занят, но тогда зачем объявлять данные часы приемными?!»[412]

К положительным чертам русских чехи относили оптимизм, щедрость, энтузиазм, дружелюбие, чувство славянского братства. Русские отмечали любознательность, ответственность, экономность, трудолюбие, всеобщую грамотность и деловитость чехов. К отрицательным чертам русского характера относили легкомысленное отношение к деньгам и имуществу, ненадежность, неэкономность, шумные компании, непривычные формы поведения, склонность к фантазерству, к отрицательным чертам чехов – мещанский образ жизни, скупость, эгоизм, меркантильность и расчетливость, неискренность, отрицательное отношение к иностранцам, ограниченность жизненных интересов[413]. Порой эти стереотипы определяли отношение друг к другу и мешали налаживанию взаимопонимания и сотрудничества.

Многие русские считали чешскую культуру буржуазной, а образ жизни чехов – мещанским. Это вызывало с их стороны непонимание, и даже насмешки. Н. Е. Андреев рассказывал в

---

[411] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 28.

[412] Там же. Л. 28 – 29.

[413] *Копрживова А.* Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах. С. 11 – 12.

своих воспоминаниях о том, как его позвал в кафе чешский профессор-историк, которому и в голову не могло прийти заплатить за приглашенного им русского гостя. Непривыкший к таким вещам Н. Е. Андреев был удивлен и смущен. С горечью он писал: «Мелкобуржуазный принцип “я плачу за себя, но не за других” был очень силен в Чехословакии…»[414]. Повседневные привычки русских казались практичным и экономным чехам по меньшей мере странными. Российские интеллектуалы, несмотря на тяжелое материальное положение, не могли отказывать себе в регулярном чтении прессы, посещении театров и покупке книг. Для большинства чехов это казалось ненужной роскошью. Вообще в мемуарах эмигрантов можно встретить немало критических высказываний в адрес чехов. Журналист Д. И. Мейснер рассказывал, как он снимал комнату у чешской хозяйки, обставленную хорошей мягкой мебелью, которой, однако, не рекомендовалось пользоваться. «… Я пожил некоторое время в этих условиях непреклонного мещанского быта и намотал себе на ус некоторые его непривлекательные черты, с которыми потом встречался не один раз…», – писал он впоследствии[415]. Аналогичную картину находим и в неопубликованных воспоминаниях В. Ф. Булгакова. В мае 1923 г. он был приглашен прочесть лекцию в чешское толстовское общество «Новый Иерусалим». Поскольку слушатели засиделись допоздна, русского гостя решили оставить переночевать у «некоей пани Штестной». Внимательный к деталям В. Ф. Булгаков подробно описал квартиру чешской хозяйки, не приминув при этом порассуждать об особенностях чешской и русской бытовой культуры. Отрывок этот, несмотря на его большой объем, достоин того, чтобы привести его полностью: «Пани Штестна жила одна в квартире из двух или трех комнат. Я впервые увидел тогда образец этих чешских, мещанских, вычищенных и вылощенных до последней степени квартир, где даже в самых темных закоулках не найдешь ни пылинки, где пол, печи, окна и все предметы блестят, где самодовольно вздымаются пуховики и подушки под чистейшим, иногда вышитыми или кружевными покрывалами, на выставленных на самые видные места широких и коротких кроватях, где на комодах громоздятся гипсовые статуэтки Мадонн с позолоченными коронами и стеклян-

---

[414] *Андреев Н. Е.* Указ. соч. Т. II. С. 83 – 84.

[415] *Мейснер Д. И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. С. 181.

ные стаканчики с изображенными на них масляными красками аляповатыми видами разных курортов, где безвкусные олеографии тех же Мадонн или гладко причесанных и румяных Христов с "пылающими" на груди, поверх одежды, сердцами составляют единственное украшение стен и где кухня с правильными стройными рядами размещенных по полкам и полочкам, как солдаты в строю, тарелок, чашек и кастрюль, может сравниться по царствующему в ней порядку разве что только с палубой военного корабля в дни адмиральского смотра. Тяжело жить в таких квартирах! Русскому журналисту, профессору, студенту особенно тяжело, а в Праге, снимая комнаты, они именно по таким квартирам и жили. И сколько тут возникало недоразумений! Из-за диванов, на которые нельзя было садиться, ибо они ставились в комнату только "для красоты", а от сиденья на них могли "испортиться", из-за желтых кружков на столах, остававшихся после мокрой посуды или бутылок, из-за царапин на полу от неосторожно передвигавшихся столов и кроватей, из-за окурков в цветочных горшках и т.д. и т.п. Русский человек, вообще, не привык к порядку, за интеллигента, к тому же, порядок в квартирах наводила когда-то прислуга, а тут, в наемных скромных комнатах, за порядок приходилось расплачиваться дорогой ценой: ценой отвлечения внимания от интересов "духовных" – от зубрежки курса лекций, от подготовки к публичному выступлению, от изучения длинных газетных столбцов, от увлекательной беседы об идеологии "евразийства" или, наконец, от непринужденного веселья за рюмкой водки или кружкой пива в кругу старых друзей и соратников по походам. А чешской-то хозяйке каково переносить последствия такой безалаберности! Вот и не сходились, подымали довольно скучную и надоедливую взаимную "прю" Восток и Запад, обвинял один другого, с одинаковыми, по-видимому, основаниями»[416].

В глазах русских мещанство приравнивалось к антикультуре. В противовес чехам русские мало заботились о своем быте, и эта привычка иногда принимала ярко-показной характер. Презрение к повседневному, обыденному хорошо проявлялось в одежде. Следует признать, что само беженство исключало заботу о внешнем виде. Тот же Д. И. Мейснер писал о

---

[416] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 62. Л. 8 – 10.

русских студентах в Праге, которые были одеты «в экзотическое сочетание остатков военной одежды и первых атрибутов гражданского платья», или описывал русских эмигрантов, шедших на прием в особняк К. Крамаржа, «в их старорежимных пальто довоенного образца и плохо разглаженных брюках, в шляпах, как-то не по-пражскому надетых»[417]. Русские не придавали значения своему внешнему виду, что контрастировала с привычками чехов. В то же время одежда и внешний вид вообще отражали ориентацию на определенный культурный код, она должна была подчеркивать принадлежность к определенной традиции. Например, молодым эмигрантам академик Н. П. Кондаков запомнился как человек, одетый «старомодный долгополый черный сюртук с розеткой Французского Почетного Легиона в петлице»[418]. Но образ этот должен был соответствовать почетному прозвищу «архистратига русской археологии», которого академик удостоился от своих коллег еще до революции. К тому же в эмиграции Н. П. Кондаков становится уже «архистратигом всей национальной русской науки, не пожелавшей склонить голову перед теми, кто исказил национальный лик и национальную душу России»[419]. Б. Н. Лосский описывал «нарочито неизысканные наружность и манеры» Г. В. Флоровского, роднившие его с «дореволюционной народничествующей интеллигенцией»[420]. Посетивший Прагу в ноябре 1923 г. поэт В. Ф. Ходасевич, с удивлением и легкой иронией писал, что, в отличие от Парижа, русские эмигранты здесь «ходят в люстриновых куртках и серых штанах», «носят бороды и небритости», а «особы женского пола все в очках»[421].

Чешские левые видели в эмигрантах реакционеров и всячески старались препятствовать их поддержке со стороны правительства. Вообще чешская культура 1920 – 1930-х гг. испытала сильное влияние левых идей. Отсюда вытекало огромное увлечение чешских интеллектуалов русской революцией. Правда, по признанию современных исследователей, это увлечение

---

417 *Мейснер Д. И.* Указ. соч. С. 126, 129.

418 *Лосский Б.* Н. Указ. соч. С. 15.

419 Поздравительное письмо академику Н. П. Кондакову в честь 80-летия. Без подписи // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125.

420 *Лосский Б. Н.* Указ. соч. С. 17.

421 *Ходасевич В. Ф.* Из писем А. В. Бахраху // Прага: русский взгляд. С. 140.

носило скорее «поверхностно-эстетический характер как демонстрация своего перманентного экзистенциального бунта, тем более что правда о событиях в России была малодоступна, а сама русская революция рассматривалась в абстрактных категориях борьбы за справедливость, правду, гуманизм, против капиталистической и любой другой эксплуатации»[422].

Дискуссии по «русскому вопросу» левые переносили в стены парламента. 8 ноября 1924 г. во время обсуждения бюджета Министерства иностранных дел ряд левых депутатов протестовал против поддержки русских студентов в ущерб чешских. Их оппонентами выступили депутат Й. Гайн и министр Э. Бенеш. Они настаивали на том, что нельзя сравнивать чешских и русских студентов, ибо первые «находились у себя дома и пользовались помощью многих организаций», последние же проживали на чужбине и ничего не имели[423]. Обсуждение этого вопроса хорошо показывает, сколь острыми были споры вокруг «русского вопроса», и сколь разным было отношение различных политических сил к русским эмигрантам.

Под давление левых сил в парламенте русские так и не получили основных социальных прав, в том числе на труд и свободу предпринимательства, что исключало их из трудового рынка. Многие чехи с недоверием относились к русским, поскольку существовала боязнь конкуренции. К тому же, трудовой рынок Чехословакии не мог вместить всех эмигрантов. В ответ на один из многочисленных запросов о трудоустройстве в Чехословакии, секретарь Земгора Н. Воронов сообщал в 1928 г., что найти какую-либо работу, особенно в Праге, невозможно: «Кое-какие возможности интеллигентного труда имеются в Восточной Словакии и Подкарпатской Руси. Но конкретных предложений оттуда в настоящий момент у нас нет»[424]. Со стороны отдельных чехов то и дело слышались упреки в адрес правительства за финансирование русских. Эта критика усилилась в 1930-е гг., когда перед лицом нацистской угрозы началось сближение Чехословакии и СССР. 16 мая 1935 г. Чехословакия подписала договор о взаимопомощи с СССР[425]. Укрепление советско-чехословацких отношений негативно

[422] Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 287.
[423] Чехословацкий бюджет и русские // Руль. Берлин, 1924. № 1200.
[424] ГА РФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 152. Л. 24 – 24 об.
[425] См.: Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. С. 167.

сказывалось на эмиграции. В официальном обращении МИД Чехословакии Совету министров от 24 мая 1935 г. говорилось о нежелательных последствиях, к которым могло привести участие чехословацких государственных деятелей и членов их семей в мероприятиях, организованных эмигрантами[426]. В качестве примера таких мероприятий, в которых чешские лица принимали участие, указывались традиционный русский рождественский вечер, организованный Галлиполийским землячеством 11 января 1935 г., лекции А. И. Деникина в декабре 1934 г., концерт-бал Русского союза инвалидов и Русского союза участников Великой войны 7 декабря 1934 г. и даже выступление С. В. Рахманинова в Праге 19 февраля 1935 г.!

3 июня 1935 г. то же Министерство распространило записку, в которой указывалось, что «в связи с подписанием договора о взаимопомощи с СССР, было бы нехорошо, если наши официальные лица и их жены будут участвовать в мероприятиях, организованных русской эмиграцией»[427]. После обсуждений этого вопроса 19 июля 1935 г. во все чехословацкие министерства была направлена докладная записка, предписывающая официальным лицам не принимать никакого участия в эмигрантских акциях[428].

Рост просоветских симпатий в чешском обществе встретил со стороны эмигрантов, по меньшей мере, разочарование. В их глазах эти настроения порой приобретали абсурдные формы. Н. Е. Андреев стал свидетелем того, как в 1938 г. чехи называли И. В. Сталина «самым велики славянином, который когда-либо существовал»[429]. Эти политические изменения негативным образом отразились на научной карьере самого историка.

В 1934 г. профессора В. А. Францев, Е. А. Ляцкий и Й. Горак предложили кандидатуру Н. Е. Андреева для избрания доцентом Карлова университета. В. А. Францев намеревался уйти в отставку и хотел подготовить для себя преемника. Молодой ученый с радостью принял это предложение и начал готовить большое исследование о протопопе Аввакуме и русской ико-

---

426 Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918 – 1939). Praha, 1998. S. 140.

427 Ibid. S. 141.

428 Ibid.

429 *Андреев Н. Е.* Указ. соч. Т. I. С. 336.

нографии XVII в.[430] Однако вскоре Н. Е. Андреев был вынужден снять свою кандидатуру. Произошло это под давлением Министерства иностранных дел, которое «высказало мысль, что нельзя назначать преемником Францева русского эмигранта, а нужно взять советского или чисто чешского ученого, чтобы не было нареканий со стороны советских, что философский факультет обслуживается главным образом эмигрантскими силами»[431]. В результате ни советского, ни чешского кандидата найти не удалось, и предлагаемая Н. Е. Андрееву должность была вообще ликвидирована.

И все же, если говорить о межвоенном периоде, то было сделано немало для взаимной интеграции русских и чехов. Особенно ярко это было видно на примере научной диаспоры, пользовавшейся особой поддержкой властей республики, и, наверное, в наибольшей мере соприкасавшейся с чешской средой в процессе ежедневных контактов об ученых, то следует признать, что к началу 1920-х гг. в Чехословакии было немного специалистов, профессионально занимавшихся изучением России. К тому же, несмотря на то, что двухсторонние интеллектуальные контакты имели богатое прошлое, отношения между русскими и чехами в Праге складывались не всегда гладко.

Чешские политические круги делали на такую интеграцию большую ставку. Она была связана с желанием упрочить положение молодой республики на европейской арене и позиционировать ее как центр славянства. Большую роль в этом процессе сыграл Славянский институт в Праге. Идея его создания принадлежала Томашу Масарику и, видимо, созрела у него еще в годы Первой мировой войны. Чешский историк Йозеф Бечка отмечает, что Т. Масарик был вдохновлен опытом подобных институтов, которые возникли в других странах и служили не только научным, но и геополитическим целям: «Примером для него служил Институт Э. Дениса в Париже, и тотчас после провозглашения независимости республики он задумался над тем, как создать институт, который бы мог поддерживать правительство как научно, так экономически и полити-

---

[430] В чешских университетах существовала традиция, согласно которой кандидату на соискание должности необходимо было подготовить специальную работу.
[431] *Андреев Н. Е.* Указ. соч. Т. I. С. 331 – 332.

чески»[432]. Инициативу президента поддержали крупнейшие чешские ученые, которые высказали мнение, что будущий институт должен заниматься комплексным изучением славянства[433].

25 января 1922 г. был издан закон о создании Славянского института в Праге, целью которого должно было стать строительство и развитие научных и экономических связей со славянскими землями[434]. Однако начало работы Института затянулось из-за бюрократических проволочек, и он начала работу только в 1928 г.[435] По подсчетам Л. Белошевской, всего в период с 1928 по 1938 гг. в нем работало 56 русских и украинских исследователя[436]. Русские участвовали в работе специальных комиссий института. Так В. А. Францев был членом сразу пяти из них и являлся заместителем председателя Общества по исследования Словакии и Подкарпатской Руси[437]. Особой активностью отличалась работа русских исследователей в Византиноведческой комиссии, возникшей 22 мая 1929 г., и возглавленной Я. Бидло[438]. В ее состав вошли видные чешские ученые М. Вейнгарт, Ф. Дворник, Т. Сатурник, М. Мурко и русские эмигранты Н. Л. Окунев, А. П. Калитинский, Н. М. Беляев. Одной из задач комиссии стало издание международного журнала «Byzantinoslavica». Редакция поддерживала отношения с ведущими византинистами и славистами – Ш. Дилем, Д. Анастасиевичем, Б. Филовым, А. Мазоном, Г. Милле, П. Мутафчиевым, М. Фасмером, Г. В. Вернадским, В. Н. Златарским, Г. А. Ильинским и др. На его страницах регулярно печатали свои работы ученые-эмигранты

---

[432] *Bečka J.* Slovanský ústav v letech 1922 – 1963 // Slavia. 1999. T. 68. № 3 – 4. S. 401.

[433] Ibid. S. 401 – 402.

[434] Zákon ze dne 25. ledna 1922 o zřízení Ústavu Slovanského a Orientálního // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. I za rok 1928. Praha, 1929. S. 1; Ze zákonodárného jednání o zřízení Slovanského Ústavu // Ibid. S. 3; *Niederle L.* Úkoly slovanského ústavu // Slovanský přehled. 1926. Roč. XVIII. S. 313 – 318; *Iljinskij G.* Jeden z úkolů Slovanských ústavů // Ibid. S. 496 – 501.

[435] *Bečka J.* Op. cit. S. 401 – 402.

[436] *Běloševská L.* Slovanský ústav a ruská emigrace // Slavia. 1999. T. 68. № 3 – 4. S. 467.

[437] Ibid.

[438] *Havlíková L.* Česká byzantologie a Slovanský ústav // Slavia. 1999. T. 68. № 3 – 4. S. 442.

М. А. Андреева, В. А. Мошин, Н. Л. Окунев, Г. А. Острогорский, А. В. Соловьев. Русские исследователи Н. Л. Окунев, М. А. Андреева и Н. М. Беляев наряду с чешскими коллегами входили в состав делегации Славянского института на III Международном съезде византинистов, проходившем 12 – 18 октября 1931 г. в Афинах[439]. Не меньшую научную активность проявили историки, работавшие в Обществе по изучению Словакии и Подкарпатской Руси: В. В. Саханев, Е. Ю. Перфецкий, А. Л. Петров, В. А. Францев, Ю. А. Яворский. Продуктивность их научной работы была очень высокой, о чем свидетельствуют их многочисленные публикации.

Славянский институт покровительствовал русским научным учреждениям. 6 мая 1929 г. была создана Комиссия по Русскому научному институту (Komise pro ruské vědecké ústavy), председателем которой стал чешский историк К. Крофта. В ее состав вошли В. А. Францев, А. А. Кизеветтер, Я. Славик, И. И. Лапшин, Е. Ф. Шмурло, А. А. Вилков и др. Эта комиссия работала совместно с культурной комиссией Министерства иностранных дел (П. Макса и З. Завазал) и Русской академической группой (М. М. Новиков, И. И. Лапшин, Е. Ф. Шмурло, А. А. Вилков)[440].

Славянский институт привлекал русских историков к лекционной работе. В ноябре-декабре 1929 г. А. В. Флоровский на философском факультете Карлова университета читал курс из трех лекций под названием «Из истории славянства», посвященных восприятию Святого Вацлава и Яна Гуса в России, а также взглядам Ф. М. Достоевского на славянский вопрос. В то же время Н. Л. Окунев прочел цикл лекций «Древнерусские города и их художественное значение», в котором рассказал о памятниках Владимира и Суздаля, Новгорода и Пскова, Ярославля и Ростова, Москвы и ее окрестностей, а также Петро-

439 Účast Slovanského ústavu při III. Mezinárodním sjezdu byzantologů v Athénách // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931. S. 102; Zpráva Dra Nikolaje Běljaeva o cestě na III. Mezinárodní kongres byzantologů v Athénách // Ibid. S. 110 – 111; Отчет об израсходовании стипендии, полученных от Славянского института в Праге для поездки в Грецию с целью посещении III-го международного конгресса по византиноведению, приват-доцента М. А. Андреевой // Ibid. S. 108 – 109.

440 *Běloševská L.* Op. cit. S. 467; Ročenka Slovanského ústavu. Sv. II za rok 1929. Praha, 1930. S. 93; Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 9.

града. С эпизодическими лекциями в это же время выступали Е. А. Ляцкий и М. В. Шахматов[441]. 18 ноября 1932 г. В Младе Болеслави открыт цикл лекций Славянского института во взаимодействии с местными «Славянскими объединенными союзами». Первым прочел лекцию А. В. Флоровский на тему «Чехи и восточные славяне в их взаимоотношениях». Затем с лекциями выступили Д. И. Дорошенко, Н. Л. Окунев и Е. А. Ляцкий[442]. Можно привести еще немало таких примеров.

Институт выделял средства на публикацию трудов русских ученых, например книг Е. А. Ляцкого, Н. Л. Окунева, А. Л. Петрова, Е. Ю. Перфецого, Д. И. Чижевского, Е. Ф. Шмурло, Ю. А. Яворского, а также «Записок Русского исторического общества» и научных трудов Семинария/Института имени Н. П. Кондакова. Показательна история с изданием «Курса русской истории» Е. Ф. Шмурло, который стал многолетним итогом его научной работы и его рассуждений о русской истории. Еще в начале 1920-х гг. он опубликовал учебник по русской истории для эмигрантской молодежи и трехтомную «Историю России» на итальянском языке[443]. В конце 1920-х гг. Е. Ф. Шмурло подготовил сводный курс уже на родном языке. Поддержку историку оказал его чешский коллега Я. Бидло, который сумел добиться у Славянского института средств на издание книги. С благодарностью русский ученый писал ему в 1933 г.: «Президиум Славянского Института официально уведомил меня о решении взять на себя издание дальнейших выпусков моего "Курса Русской Истории". Вам, как референту-докладчику, я, конечно, более всего обязан такому благоприятному для меня постановлению. Позвольте поэтому, искренне уважаемый Профессор, выразить Вам и просить Вас принять мою глубокую благодарность за оказанные Вами внимание и поддержку моей книги. С глубоким уважением преданный Вам Е. Шмурло»[444].

---

[441] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 4; Ročenka Slovanského ústavu. Sv. II za rok 1929. Praha, 1930. S. 92; *Běloševská L.* Op. cit. S. 468.

[442] ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 5а. Л. 11.

[443] *Шмурло Е. Ф.* История Россию 862 – 1917. Мюнхен, 1922; *Šmurlo E.* Storia della Russia. Roma, 1928. Vol. 1: Dalle origini a Pietro il Grande; 1929. Vol. 2: Da Pietro il Grande a Nicola I; 1930. Vol. 3. Da Alessandro II alla Rivoluzione.

[444] Письмо Е. Ф. Шмурло профессору Я. Бидло от 18 декабря 1933 г. // Archiv Akademie věd ČR. F. J. Bidlo. Kart. 7. Inv. č. 628. Некоторые российские исследователи, например М. Г. Вандалковская, считают, что в основу

Благодаря поддержке Института русские исследователи имели возможность совершать научные командировки и проводить архивные и полевые исследования. Научные отчеты русских ученых о командировках, публиковавшиеся в «Ежегоднике Славянского института», дают хорошее представление о масштабе этой работы и ее научных результатах. На средства института Н. Л. Окунев совершил командировки в Париж в мае 1930 г., в Константинополь и Югославию в 1934 г., в Будапешт в сентябре 1935 г., в Югославию в 1937 г.[445], А. В. Флоровский в Варшаву и Краков в 1930 г., во Львов в сентябре 1931 г.[446], Д. А. Расовский в Подкарпатскую Русь летом 1931 г.[447], К. К. Висковатый в Далмацию летом 1935 г.[448], Б. А. Евреинов получил возможность изучить чешские провинциальные архивы в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце в 1931 г.[449] Пока не представляется возможным подсчитать,

«Курса русской истории» Е. Ф. Шмурло были положены лекции, которые он читал студентам Карлова университета (*Вандалковская М. Г.* Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 10). Это мнение глубоко ошибочно, ибо никаких лекций в Карловом университете историк не читал и вообще ни дня не работал там.

445 Zpráva prof. N. Okuneva o vědecké cestě do Paříže v květnu r. 1930 // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931. S. 105; Zpráva prof. N. L. Okuneva o studijní cestě do Cařihradu a do Jugoslavie v roce 1934 // Ibid. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 43–45; Zpráva prof. N. L. Okuneva o účasti ve schůzi redakčního komitétu Federace historických společností východoevropských // Ibid. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 42–43; Zpráva prof. N. Okuneva o studijní cestě do Jugoslavie o prázdninách v r. 1937 // Ibid. Sv. X za rok 1937. Praha, 1938. S. 72–73.

446 Zpráva prof. A. Florovského o cestě do Polska // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931. S. 110; *Флоровский А. В.* Отчет о поездке во Львов для участия в собраниях Комитета по изданию «Słowníka Słowiańskich Starożytności» // Ibid. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 104–106

447 Отчет д-ра Д. Расовского о научной командировке в Подкарпатскую Русь летом 1931 года // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 117 – 118.

448 Zpráva Konstantina Viskovatého o vědeckém zájezdu do Dalmácíe v létě 1935 // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 47 – 48.

449 Отчет Б. А. Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварценберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 114–116.

сколько именно ученых получали помощь от Института, и каковы были ее размеры. В то же время можно с уверенностью сказать, что помощь эта была велика, и ее получали многие русские. Например, благодаря ей, Н. Л. Окунев смог совершить несколько экспедиций в Сербию и завершить монументальный труд по истории сербской средневековой живописи[450].

Сам Н. Л. Окунев представлял пример успешной интеграции в чешскую научную среду. Его формирование как исследователя началось еще в дореволюционной России, но большую часть своего научного наследия он создал уже в эмиграции. В 1932 г. Славянский институт принял его предложение о создании Архива славянского искусства. Его целью было собирание и научная классификация документальных и фотографических материалов, относящихся к славянскому изобразительному искусству, научных описаний памятников, их рисунков и цветных копий, биографических материалов о мастерах искусства, оригиналов их работ[451]. Но из-за недостатка средств Институту пришлось ограничиться только русскими и южнославянскими материалами. Но в коллекции архива были собраны поистине ценные работы видных русских художников – А. Н. Бенуа, З. Н. Серебряковой, Е. А. Лансере, Н. Н. Гончаровой, а также множество уникальных фотографий[452].

Славянский институт привлекал эмигрантов для участия в чешских научных проектах. В 1927 г. русские члены института, в первую очередь С. Г. Пушкарев[453], были приглашены в рабочую группу известного историка права К. Кадлеца, который на про-

---

[450] См.: *Ђорђевић И.* Значај Н.Л. Окуњева за српску историју уметности // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. 1. С. 213 – 219.

[451] *Murko M.* Murko M. Paměti. Praha, 1949. S. 211; Běloševská L. Op. cit S. 469; Янчаркова Ю. Славянская коллекция профессора Окунева // Родина. 2006. № 4. С, 93 – 95; Она же. Николай Львович Окунев: Архив и Галерея славянского искусства // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 140 – 147.

[452] Zpráva prof. dr. N. Okuneva o činnosti archivu slovanského umění // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. X za rok 1937. Praha, 1938. S. 46 – 47.

[453] ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 8. Л. 59 об. 31 мая 1932 г. Президиум Славянского института в Праге избрал С.Г. Пушкарева действительным членом. См.: ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 5а. Л. 1.

тяжении тридцати лет собирал термины славянского права и составлял «Историко-правовой славянский словарь» («Historicko-právní glosář slovanský»). Но в 1928 г. ученый умер, не успев завершить работу[454]. С. Г. Пушкарев познакомился с К. Кадлецом еще в начале 1920-х гг., когда заинтересовался сравнительно-историческим изучением памятников славянского права в процессе подготовки к магистерским испытаниям. Он начал посещать руководимый чешским профессором историко-юридический семинар. К. Кадлец поручил своему молодому коллеге составить предметный указатель к книге А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве» с кратким объяснением каждого термина и, по возможности, переводом на чешский язык. По итогам этой работы С. Г. Пушкарев составил и передал К. Кадлецу объемную 200-страничную тетрадь, в которой в алфавитном списке помещался словарь терминов[455]. Работа эта была высоко оценена чешским правоведом, и он привлек русского историка к сотрудничеству[456].

Тогда ее было решено продолжить совместными усилиями чешских и русских ученых под покровительством Академии наук и Славянского института. Члены рабочей группы изучали правовые памятники и выявляли историко-юридические термины, которые затем анализировали и заносили на специальные карточки. С русской стороны участниками проекта были С. Г. Пушкарев и М. В. Шахматов, с чешской – Т. Сатурник, М. Ханка, М. Виходил и др. Эта работа продолжалась на протяжении 1930-х – начала 1940-х гг. [457] Поначалу ее не удавалось

---

[454] *Saturník T.* Univ. professor JUDr. Karel Kadlec // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. I za rok 1928. Praha, 1929. S. 54.

[455] Отчет о полугодовой работе в Праге оставленного при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории Сергея Германовича Пушкарева. 6 июня 1922 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125.

[456] Письмо К. Кадлеца от 17 мая 1922 г. // Ibid.

[457] Zpráva o Kadlcově glosáři slovanských právních starožitností // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 175; Zpráva o prací, vykonaných na Kadlcově glosáři slovanských právních starožitnosti, v roce 1936 // Ibid. Sv. IX za rok 1936. Praha, 1937. S. 190 – 191; Zpráva o pracích vykonaných v roce 1938 na Kadlcově glosáři slovanských právních starožitností // Ibid. Sv. XI za rok 1938. Praha, 1939. S. 161.

завершить из-за экономического кризиса, а затем этому помешала война. Словарь так и не был издан[458]. Но подобных русско-чешских научных проектов было сравнительно немного. Контакты между учеными были ограничены. Вероятно, ни русские, ни чешские ученые не были готовы к широкому сотрудничеству. Чешская наука оказалась относительно замкнутой. По словам М. М. Новикова, среди представителей местной научной элиты проявилась «боязнь конкуренции со стороны блестящей плеяды русских ученых, собравшихся в Праге»[459]. Философ Н. О. Лосский вспоминал, что «при замещении кафедры всегда было бы отдано предпочтение весьма малоодаренному чеху даже и перед самым талантливым, приобретшим уже известность русским, за исключением тех случаев, когда по какой-либо специальности чехов совсем не было»[460]. Он связывал это с «крайним национализмом чехов», и с тем, что политические круги Чехословакии критически воспринимали дореволюционную Россию, а ее культуру считали «грубо реакционной» [461]. Известно, например, что в 1920 г. Я. Бидло протестовал против назначения русского гуситолога Н. В. Ястребова ординарным профессором Карлова университета. Официальная версия, изложенная К. Крофтой, заключалось в том, что Н. В. Ястребов с чешской точки зрения не был славистом, ибо он изучал чешскую историю, которая являлась для чехов отечественной историей. Эта версия кажется Л. П. Лаптевой надуманной ввиду того, что Я. Бидло и К. Крофта не могли не знать, что Н. В. Ястребов был славистом широчайшего исследовательского диапазона. Он был автором трудов не только по чешской, но и по польской, болгарской, сербской истории. Исходя из этого, Л. П. Лаптева делает убедительный вывод, что позиция Я. Бидло, который, к слову сказать, написал весьма критический отзыв о работах Н. В. Ястребова, объяснялось нежеланием иметь конкурента в лице русского

---

[458] Очевидно, что после смерти К. Кадлеца в Чехословакии просто не нашлось ученого его масштаба, способного завершить работу. На это с опаской указал еще в 1929 г. Г. В. Вернадский в письме к С. Г. Пушкареву: «Неужели Ваша работа останется неизданной? Как жалко Кадлеца, и какая утрата его смерть!» (ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 167. Л. 13).

[459] *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 334.

[460] *Лосский Н. О.* Указ. соч. С. 229.

[461] Там же.

исследователя[462]. В конечном счете, Н. В. Ястребов все же был избран профессором Карлова университета. Описанный казус более чем примечательный. Немногие русские смогли устроиться на работу в чешские научные учреждения, подобно А. А. Кизеветтеру, Н. П. Кондакову или Н. Л. Окуневу и др. Еще меньшее их число стало полноправными членами чешского научного сообщества. Хотя, разумеется, были и обратные примеры, вроде геолога Д. Н. Андрусова, психолога Ф. Ф. Досужкова, ихтиолога Б. И. Костомарова.

В то же время претензии русских вряд ли всегда можно было назвать обоснованными. Во-первых, в чехословацкой высшей школе просто отсутствовала потребность в таком количестве иностранных специалистов. Речь идет в первую очередь о гуманитариях, ибо в противовес им представители естественных, и особенно технических наук почти всегда находили себе применение. Во-вторых, научные концепции отдельных русских гуманитариев, замешанные на славянофильстве и обосновании особой исторической миссии России, просто не находили поддержки в масариковской демократической Чехословакии. Обратимся к примеру профессора Д. Н. Вергуна, который еще до революции был известен как неплохой специалист по истории Подкарпатской Руси, но, главным образом, как общественный деятель. Эту роль он возложил на себя и в эмиграции, после того, как в июне 1919 г. уехал в зарубежную командировку, чтобы уже не вернуться из нее. Как специалиста по карпаторусскому вопросу его пригласили для участия в Версальской конференции. Затем он в течение 1920 г. ездил по городам США с лекциями о славянстве. Вернувшись в Европу после недолгого пребывания в Риге, он в конце 1921 г. перебрался в Прагу, где начал преподавать историю русской культуры в Высшей коммерческой школе и Свободной школе политических наук[463]. Но его лекции не пользовались популярностью и читались на низком уровне, о чем прямо говорится в справке Канцелярии Президента республики. Поэтому руководство школы перед лицом ее реорганизации поставило во-

---

[462] *Лаптева Л. П.* Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 154.

[463] Заявление Д. Н. Вергуна // Archiv hlavního města Prahy. F. Svaz ruských akademických organizací v zahraničí.

прос о целесообразности сохранения в учебной программе лекционного курса Д. Н. Вергуна, или по крайней мере о его сокращении[464]. Еще в 1936 г. историк был отстранен от работы на чешском радио, где он, начиная с 1925 г., читал лекции по русской и славянской культуре[465]. В Архиве Канцелярии Президента республики сохранился документ, в котором говорится, что Д. Н. Вергун не знает украинского языка, а делать передачи для Подкарпатской Руси на русском языке не имеет смысла, поскольку они не найдут там большой аудитории[466]. Но причиной критического отношения к ученому в чехословацкой среде были, вероятно, его панславистские убеждения, которые шли в разрез с господствующими взглядами в масариковской Чехословакии.

Примером успешной интеграции в чешскую научную среду может служить А. В. Флоровский. До революции, работая в Одессе, он занимался изучением екатерининской эпохи. В 1922 г. историк был выслан из Советской России, некоторое время провел в Болгарии, а затем перебрался в Прагу. В чешской столице не было достаточных условий для изучения русской истории XVIII в., и поэтому А. В. Флоровский обратился к новой теме – истории русско-чешских отношений, став впоследствии крупнейшим специалистом в этой области. По подсчетам Л. П. Лаптевой он посвятил этой теме около 50 различных работ[467].

Со второй половины 1920-х гг. А. В. Флоровский почти ежегодно публиковал работы по истории чешско-русских отношений X – XIX вв. и впоследствии стал ведущим специалистом в этой области. Вершиной творчества ученого стала монография «Чехи и восточные славяне», первый том которой вышел в 1935 г. в Праге. Выход второго тома задержала Вторая мировая война, и он увидел свет только в 1947 г.[468] Эта книга представ-

---

[464] Zpráva. Čís: D 727/37. 8. dubna 1937 // Archiv Kanceláře Presidenta republiky. D 13718/38. Prof. D. Vergun.

[465] Záznam ze dne 10. února 1936 // Ibid.

[466] Zpráva. D 1819/36. 12. února 1936 // Ibid.

[467] *Лаптева Л. П.* Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 58.

[468] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X – XVIII вв.). Прага, 1935 – 1947. Т. 1 – 2. В 1947 г. в СССР вышел автореферат всего двухтомника: *Флоровский А. В.* Чехи и

ляет собой развернутый очерк истории культурных, религиозных, политических, экономических отношений между русскими и чехами. По словам самого автора, его труд является «объединением монографических очерков», что определяется «характером отношений между чехами и Русью»[469]. А. В. Флоровский выбирал отдельные сюжеты и изучал их всесторонне (торговые связи Чехии и Моравии с Восточной Европой в X – XII вв., чешские струи в истории восточнославянского литературного развития XV – XVII вв., отголоски гуситского движения в восточнославянской среде и т.д.). Поэтому каждая глава книги сама по себе является законченным исследованием.

В своей концепции А. В. Флоровский исходил из различия исторических путей, пройденных чешским и русским народами, «первый – с самого начала своего исторического бытия поставлен был в сферу влияния западного мира, мира римской церкви и немецкой политики, второй – в область воздействия Востока и Византии»[470]. Он полемизировал с теми чешскими историками (например, с братиславским профессором Й. Ирасеком), которые были склонны преуменьшать значение и масштабы взаимоотношений между русскими и чехами. Но в то же время он был чужд и славянофильских иллюзий.

С конца 1920-х гг. А. В. Флоровский начал постепенно втягиваться в чешскую научную среду. Министерство образования и народного просвещения республики 5 апреля 1932 г. согласилось присвоить историку степень доктора философии Карлова университета при условии, что он представит свою магистерскую работу, либо некоторые свои прежние исследования в доказательство профессиональной квалификации и выдержит экзамен по философии. А. В. Флоровский принял это предложение и представил в качестве квалификационной работы свою одесскую книгу «Состав Законодательной комиссии 1767 – 1774 гг.»[471]. 3 января 1936 г. А. В. Флоровский на публичном заседании Русской академической группы защитил

восточные славяне в X – XVIII веках // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 66 – 73.

[469] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Т. 2. С. VI – VII.

[470] *Флоровский А. В.* Очерк русско-чешских отношений // Славянски глас. София, 1930. Кн. 1 – 3. С. 1 – 2.

[471] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 5, 7.

перед историко-филологической факультетской комиссией диссертацию «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X – XVIII вв.). Т. 1» на соискание степени доктора русской истории. Официальными оппонентами выступили Я. Бидло, П. Н. Милюков и В. А. Францев. В обсуждении приняли участие В. В. Саханев, С. Г. Пушкарев, П. Н. Савицкий[472].

Статус А. В. Флоровского упрочился, когда после смерти А. А. Кизеветтера в марте 1933 г. он стал читать вместо него курс лекций по русской истории в Карловом университете[473]. Но работа эта была весьма нестабильной в материальном отношении. Об этом сам историк жаловался в письме к В. А. Францеву 20 апреля 1937 г. А. В. Флоровский сетовал, что Министерство образования и народного просвещения не видит возможности назначить его ординарным профессором, но предлагает вместо этого должность ординарного лектора, причем намереваясь сократить его жалование. В этом случае заработная плата А. Ф. Флоровского вырастала на 100 – 150 крон по сравнению с прежними 400 кронами, но учебная нагрузка увеличивалась бы вдвое! В то же самое время историк получал пособие от Красного Креста в размере 850 крон, т.е. почти в два раза выше, чем жалование в университете. С горечью он писал своему коллеге: «Лучше быть пенсионером у Красного Креста и получать на бедность, чем унижать свое достоинство и терять независимость»[474]. Ординарным профессором Карлова университета он смог стать только в марте 1948 г.[475]

Тем не менее, научный авторитет А. В. Флоровского в чешских научных кругах был высок. Показательно, что он был единственным русским историком, приглашенным профессором Й. Шустой для участия в написании многотомной «Истории человечества от древности до наших дней» наряду с видными чешскими учеными Б. Грозным, Я. Бидло, О. Одложиликом,

---

[472] Там же. 165. Л. 1 – 2.

[473] Там же. Д. 228 Л. 12.

[474] *Досталь М. Ю.* Из переписки В. А. Францева (Письмо В. А. Францева В. С. Иконникову, письма А. В. Флоровского В. А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 106.

[475] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 36; *Hanzal J.* Cesty české historiografie. 1945 – 1989. Praha, 1999. S. 37.

Б. Мендлом[476]. Для VI тома (1939) им были подготовлены обширные главы по истории России, посвященные правлению Петра Великого и его преемников, а также участию России в решении польского и восточного вопросов во второй половине XVIII в.[477]

Большую роль в развитии интеллектуальных связей сыграл Семинар (впоследствии Институт) имени Н. П. Кондакова, сотрудники которого внесли существенный вклад в развитие и русского, и чешского византиноведения. К участию в научной работе был привлечен чешский искусствовед Йозеф Мисливец, опубликовавший в его сборниках несколько статей[478]. Патроном кондаковцев был чешский князь Карел Шварценберг.

Русское историческое общество также тесно соприкасалось с чешским интеллектуальным окружением. Большую помощь при его организации оказал видный чешский историк Я. Славик. На одном из подготовительных заседаний, прошедшем 27 марта 1925 г. еще до официального открытия Общества, Е. Ф. Шмурло и А. В. Флоровский предложили сделать приглашение видным чешским и словацким ученым вступить в Русское историческое общество[479]. Среди них были Я. Бидло, В. Бирнбаум, Б. Грозный, К. Хитил, К. Кадлец, М. Мурко, З. Нееды, Л. Нидерле, Й. Шуста, Й. Поливка, Ф. Пекарж, Ф. Пастернек и др.[480] Это приглашение любезно приняли К. Кадлец, Я. Бидло, Й. Шуста, Я. Славик, М. Мурко и Л. Нидерле[481]. Примечательно, что последний в 1925 г. стал почетным членом Русского исторического общества. Его избра-

---

[476] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 495. Л. 1–3; *Blüml J.* Šustovy dějiny lidstva // Věda v Českých zemích za druhé světové války. Praha, 1998. S. 271 – 278.

[477] *Florovskij A. V.* Rusko Petra Velikého a jeho nejbližsich nástupců // Dějiny lidstva od pravěku k dnešku. D. VI. Praha, 1939. S. 207–246; *Eadem.* Rusko, Polsko a východní otázka v 2. polovině 18. věku // Ibid. S. 419–464

[478] См.: *Myslivec J.* Ikonografie Akafistu Panny Marie // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1932. T. V. C. 97 – 130; *Мисливец Й.* Сказание о переписке Христа с Авгаром на русской иконе XVII века // Там же. С. 185 – 190; *Myslivec J.* Deux icones italo-grecques de la collection Soldatenkov // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1935. T. VII. S. 217 – 226 и др.

[479] ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 253. Л. 3 об. – 4; Д. 252. Л. 6.

[480] Там же. Д. 252. Л. 8 – 8 об.

[481] Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925 – 1934. Прага, 1934. С. 7.

ние являлось не только свидетельством признания научных заслуг ученого, но и символическим актом выражения признательности Чехословацкой республике со стороны русских изгнанников.

Профессора Л. Нидерле связывали особые отношения с русскими эмигрантами. Он пользовался непререкаемым авторитетом и уважением среди них. В 1926 г. на заседании Русского исторического общества Г. В. Вернадский сделал доклад в честь 60-летия чешского ученого, в котором воздал должное его трудам, отличающихся «строгим методом, точностью наблюдения, огромным знанием литературы», и отметил его связь с П. Шафариком[482]. В 1924 г. в Праге был издан русский перевод книги Л. Нидерле «Быт и культура древних славян», предисловие к которому написал академик Н. П. Кондаков.

В тесных контактах с русскими историками находился Ян Славик[483]. В межвоенной Чехословакии он был едва ли единственным ученым, профессионально занимавшийся изучением русской истории, а особенно ее новейшего периода. В 1920–1930-е гг. Я. Славик работал в Русском заграничном историческом архиве, а в 1934–1939 гг. был его директором. В сотрудничестве с русскими коллегами он подготовил сборник документов из фондов архива и обширную библиографию о Гражданской войне в России[484]. Я. Славик хорошо знал русский язык, всегда со вниманием следил за развитием русской исторической науки и несколько раз посещал Советскую Россию.

В своих работах он пытался объективно и беспристрастно подойти к изучению русской революции и увидеть в ней положительные и отрицательные черты. Он полагал, что революция

---

482 *Вернадский Г. В.* Л. Г. Нидерле // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1927. Т. I. С. 313 – 314.

483 См. о нем: *Sládek Z.* Jan Slavík a jeho dějiny ruské revoluce // Slovanský přehled. 1990. № 1. S. 170 – 176; *Сладек З.* Ян Славик и его «история русской революции» // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. Прага, 1996. № 2; *Bouček J.* Jan Slavík: příběh zakázaného historika. Praha, 2002; Život plný střetů: Dílo a odkaz historkia Jana Slavíka / Sest. *L. Babka* a *P. Roubal*. Praha, 2009.

484 См.: Русский исторический архив. Сб. I. Прага, 1929; Библиография русской революции и гражданской войны (1917 – 1921): Из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива. Прага, 1938

повысила гражданское сознание русских, но при этом не закрывал глаза на произвол и антидемократизм большевистского режима. В его понимании социализм должен был преодолеть отсталость России. Подобно Т. Масарику, он не верил в долговечность нахождения большевиков у власти, и поэтому советский строй он рассматривал как временный период на пути от царизма к демократии.

По мнению чешского историка Зденека Сладека, Я. Славик «однозначно отвергал схематически-идеологический подход, независимо от того, был ли он присущ политикам правой или левой ориентации, но осуждал и поверхностную фактографию»[485]. Поэтому острую критику с его стороны встретило появление книги чешского историка З. Нееллы о В. И. Ленине. Он упрекал его в односторонности подхода, вызванного некритическим использованием исторических источников. Желая выразить свой взгляд на советскую историю, в 1934 г. в год десятилетия со дня смерти В. И. Ленина Я. Славик написал книгу о вожде русской революцией. По отзыву критика, эта книга не являлась обыкновенной биографией, но ставила своей задачей указать, «как возникло и кристаллизовалось понимание русской революции у Ленина, как Ленин создавал свою когорту революционеров-профессионалов, как при их помощи он попытался осуществить свою идею революции…»[486]

Как и в предшествующих работах, Я. Славик выразил в этой книге критическое отношение к большевикам, но отметил, что им удалось достичь немалых успехов в социальном и культурном развитии. Историк полагал, что «если после бурь, разрушений и насильственного строительства социализма Россия будет избавлена от всего того, что делало царскую империю косной, темной и слабой, В. И. Ленин станет самой большой фигурой в русской истории»[487]. Громадность изменений приводила Я. Славика к мысли о сравнении В. И. Ленина с Петром Великим, а выдвинутая большевиками идея «догнать и перегнать» Европу рассматривалась как тождественная петровской модернизации[488]. В конце книги Я. Славик назвал развитие Со-

---

[485] *Сладек З.* Ян Славик и его «история русской революции». С. 53.

[486] *Чейхан В.* Чехословацкая историческая литература в 1934 году // Центральная Европа. Прага, 1935. № 4. С. 223.

[487] *Slavík J.* Lenin. Praha, 1934. S. 357.

[488] Ibid. S. 358 – 359.

ветской России неустойчивым и заметил, что от того, какое направление развития она выберет, «будет зависеть историческая оценка Владимира Ульянова-Ленина»[489].

Подобные взгляды не могла найти поддержки у многих эмигрантов, которые нередко обвиняли Я. Славика в просоветских симпатиях[490]. Иные видные чешские историки, например Зденек Неедлы, на самом деле испытывали нескрываемую симпатию к большевикам, что вызывало непонимание со стороны русских изгнанников.

В целом же русские ученые с уважением относились к своим чешским коллегам, тем более что в Чехословакии 1920 – 1930-х гг. работало немало выдающихся историков, таких как Любор Нидерле, Бедржих Грозный, Франтишек Дворник, Ярослав Бидло, Камил Крофта, Йозеф Шуста и др. Профессор И. И. Лапшин, живо интересовавшийся философией науки, посвятил одну из своих научно-популярных статей знаменитому востоковеду Б. Грозному, первооткрывателю хеттской письменности. В этой работе философа интересовала «творческая интуиция» чешского ученого «с точки зрения психологии изобретателя». Б. Грозный служил для него ярким примером «высокоодаренного ученого», умевшего путем творческой работы мысли делать «гениальные догадки»[491].

Затянувшееся пребывание на чужбине заставляло русских ученых развивать более тесные контакты с чешскими коллегами и активнее интегрироваться в местную научную среду. Одни ученые, подобно А. В. Флоровскому, Н. Л. Окуневу и В. А. Францеву, успешно справились с этой задачей, другие же – нет. Чтобы предотвратить трудности с получением подходящей работы, некоторые русские ученые приняли чешское гражданство (М. А. Циммерман, В. А. Францев, Е. А. Ляцкий). Но это было скорее исключением, ибо большая часть эмигрантов не оставляла надежды на возвращение в новую Россию. Например, С. Н. Прокопович отказался в 1934 г. отказался от поста в экономическом отделе Министерства иностранных дел, ибо это потребовало бы от него принять чехословацкое

---

489 Ibid. S. 359.

490 *Chinyaeva E.* Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918 – 1938. München, 2001. P. 238 – 241

491 *Лапшин И. И.* Из истории чешской науки: Творческая догадка Бедржиха Грозного // Центральная Европа. 1937. № 5. С. 297.

гражданство[492]. Некоторые из русских интеллектуалов вообще жили в Чехословакии с советскими паспортами, т.е. с теми документами, с которыми они когда-то покинули Родину. Речь идет, в частности, об историке-архивисте А. Ф. Изюмове и журналисте и общественном деятеле В. Ф. Булгакове. Последнему, кстати, в 1930-е гг. советовал сохранять советский паспорт чехословацкий посланник в Москве доктор Йозеф Гирса: «После нашего разговора, хорошо обдумав, я пришел к убеждению, что мой совет Вам оставаться и в дальнейшем при советском паспорте правильный, и для Вас гораздо лучше быть подданным существующего государства, чем иметь какие-то неопределенные, временные документы, которые в конце концов должны быть ликвидированы»[493].

Далеко не все ученые использовали возможность своего пребывания в Чехословакии для своей научной работы. Ученые старшего поколения – Е. Ю. Перфецкий, А. Л. Петров и Ю. А. Яворский – начали свои исследования еще до революции. Их научные интересы были связаны с изучением Подкарпатской Руси, и поэтому пребывание в Чехословакии оказало на их творчество положительное влияние. Но их работы, несмотря на высокое качество, были слишком узкоспециализированными. В пражский период В. А. Францев сосредоточил свое внимание на изучении связей русских ученых и писателей с коллегами из славянских земель. В 1927 – 1928 гг. в Праге вышла двухтомная переписка П. Шафарика с русскими учеными, снабженная обширным предисловием В.А. Францева[494]. Как установила Л. П. Лаптева, над этим трудом ученый начал работать еще до революции в годы профессорства в Варшаве, но завершить его смог уже в чешской столице[495].

Показателен пример молодого историка Б. А. Евреинова. Он был одним из немногих эмигрантов, кто попытался исполь-

---

[492] *Sládek Z.* O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 22; *Mach J.* The Russian People's/Free University in Prague 1923 – 1945 // Prague Perspectives (I): The History of East Central Europe and Russia. Prague, 2004. P. 376.

[493] РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 598. Л. 5 – 5а.

[494] Korespondence Pavla Josefa Šafařika. Vzăjemné dopisy P.J. Šafařika s ruskými učenci (1825 – 1861). Praha, 1927 – 1928. Č. 1 – 2.

[495] *Лаптева Л. П.* В. А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов. S. 85.

зовать пребывание в Чехословакии для своей научной работы. Он обратился к изучению фондов чешских архивов не предмет выявления в них неизвестных материалов по истории России. Он усердно работал в Архиве Министерства внутренних дел республики, в пражском полицейском архиве и пражском городском архиве, в архиве князей Шварценбергов в Тржебони и Чешском Крумлове, в архиве графов Черниных в Индржиховом Градце. Б. А. Евреинов стал одним из первопроходцев в изучении чешской россики. Он писал по этому поводу: «Богатство этих архивов, их исключительное значение для исследователя не только чешской истории, но и истории Центральной Европы, начиная от половины XIII века, заставляли думать, что для исследователя русской истории и истории русско-чешских культурных и политических отношений найдется в этих архивах немалое количество интересного материала»[496]. В этих архивах Б. А. Евреинов обнаружил уникальные документы по истории участия Росси в наполеоновских войнах, а также множество других материалов, касающихся русской истории XVII – XIX вв. Работа в чешских архивах позволила молодому историку написать немало ценных научных работ. Так на основе документов из архива князей Шварценбергов он восстановил картину пребывания армии А.В. Суворова в чешских землях в 1799 – 1800 гг., входивших тогда в состав Австрийской империи[497]. Документы из Архива МВД позволили написать статью о восприятии чешским обществом войны 1877 – 1878 гг.[498] Материалы пражского полицейского архива легли в основу статей о пребывании М. А. Бакунина и Ю. Ф. Самарина в Чехии. Он проследил реакцию властей на слухи о появлении М. А. Бакунина в чешских землях, о распространении его воззваний среди славян, обстоятельства его ареста в мае 1849 г. в Саксонии, выдачу австрийцам, содержание в тюрьмах Праги

---

[496] Отчет Б. А. Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварценберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 114.

[497] *Евреинов Б. А.* Русские войска на юге Чехии в 1799 – 1800 гг. // Центральная Европа. Прага, 1933. № 1. С. 35–39.

[498] *Евреинов Б. А.* Война за освобождение балканских славян (1877 – 1878 гг.) и чешское общество // Труды V Съезда Русских Академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 353 – 368.

и Оломоуца и выдачу русским властям в 1851 г.[499] В Архиве МВД Б. А. Евреинов обнаружил полицейские протоколы, в которых были отражены материалы пристальной слежки за Ю. Ф. Самариным во время его приездов в Прагу в 1867 – 1868 гг. [500] К сожалению, публикаторская работа Б. А. Евреинова осталась очень ограниченной. По имеющимся сведениям, он смог опубликовать лишь документ на французском языке, принадлежащий перу неизвестного автора, извлеченный из крумловского архива. Этот документ излагал проект новой славянской политики России в Австрии (1849)[501].

Конечно, пребывание в Чехословакии оказало влияние на творчество других ученых. Но для большинства из них обращение к чешским сюжетам носило эпизодический характер, несмотря на то, что отдельные работы были подготовлены на высоком уровне и значительно обогатили науку. Характерен пример С. Г. Пушкарева, который во второй половине 1930-х гг. обратился к истории городского самоуправления в средневековой Чехии. Судя по записи в его дневнике, в сентябре 1937 г. он начал изучать источники и литературу по данной теме[502]. Интерес С. Г. Пушкарева к чешской истории сформировался еще в начале 1920-х гг., когда он, будучи начинающим историком, готовился к магистерским испытаниям. Согласно его научному отчету тех лет, он много времени посвятил изучению чешского языка, а вместе с ним и чешскому прошлому. Причем большое влияние на него оказали работы крупнейшего чешского историка Й. Пекаржа. Одновременно он посещал лекции о современной Чехословакии, которые читал на философском факультете Карлова университета его старший эмигрантский коллега профессор Н. В. Ястребов[503].

---

[499] *Евреинов Б. А.* М. А. Бакунин и австрийские власти в 1849 – 1851 годах // Научные труды Русского народного университета. 1931. Т. IV. С. 118 – 128; *Евреинов Б. А.* Последний этап славянской деятельности Бакунина // Там же. 1933. Т. V. С. 98 – 109.

[500] *Евреинов Б. А.* Ю. Ф. Самарин в Праге в 1867 – 1868 гг. (По материалам пражской полиции) // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. I. С. 333 – 350.

[501] *Jevreinov B.* Ruský návrh změny slovanské politiky v Rakousko // Slovanský přehled. 1928. Roč. XX. S. 561 – 565.

[502] ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 8. Л. 142 об.

[503] Отчет о полугодовой работе в Праге оставленного при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории

Результаты своих исследований он представил 28 декабря 1937 г. на заседании Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университет в докладе «Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV – XV веках», а затем изложил в одноименной статье[504]. Эта работа по-прежнему сохраняет большую научную значимость, ибо она освещает вопросы, мало изученные в отечественной историографии. Однако в научной биографии ученого обращение к истории средневекового чешского города так и осталось лишь эпизодом. Печатью эпизодичности отмечены работы А. А. Кизеветтера по истории Чехии, которые носили, к тому же, не научный, в публицистический характер. Это же отличало исследования А. Н. Фатеева, П. А. Остроухова, С. Л. Волкобруна и др.

Можно сделать вывод, что готовность к научной интеграции и научному сотрудничеству как со стороны русских, так и со стороны чехов была не слишком высокой. Сказывалась и разность научных интересов, и ментальные различия, и особенности эмигрантского сознания. Несмотря на несомненные научные достижения, эмигранты практические не имели чешских учеников и последователей. Чешская среда не впитывала русских ученых, как это было в Болгарии или Сербии.

Несмотря на все трудности диалога между русскими и чехами, важно помнить, что поддержка чешского правительства имела колоссальное значение для всей эмиграции. Вряд ли без нее было бы возможно продолжение научных исследований, печатание книг и газет. Эта помощь способствовала превращению Праги в центр исторической науки Зарубежной России, продолжению научных изысканий и появлению множества исследований, до сих пор не потерявших своего зна-

---

Сергея Германовича Пушкарева. 6 июня 1922 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125.

504 Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2001. T. II. S. 456; *Puškarev S.* Městský stav a městské zřízení v Čechách v 14 a 15 stoletích // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 57. С. 133 – 172; *Пушкарев С. Г.* Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках // Историографический сборник. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 99 – 144.

чения и являющихся существенным вкладом в копилку не только российской и чешской, но и мировой исторической науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время, отмеренное русской Праге историей, уместилось в небольшой период между двумя мировыми войнами. К началу Второй мировой войны русская диаспора сократилась до предела. Уже не было в живых многих эмигрантских деятелей старшего поколения. Молодежь же уезжала из Чехословакии, не находя, как правило, применение себе. Ряды ученых и студентов стремительно таяли на протяжении 1920 – 1930-х гг. К концу 1930-х гг. закрылись многие эмигрантские организации, столь бурно расцветшие в Праге в начале «Русской акции». Немецкая оккупация нанесла еще один тяжелый удар по русской колонии и без того к этому времени малочисленной. Освобождение Праги в мае 1945 г. не принесло покоя многим русским эмигрантам. Многие из них были арестованы сотрудниками СМЕРШа и оказались в советских лагерях. Хотя практически все они не только не сотрудничали с оккупантами, но были противниками нацизма.

И, тем не менее, столь небольшой по историческим меркам период существования пражского центра Зарубежной России обернулся необычайным взлетом эмигрантской культурной и интеллектуальной жизни. Это была своеобразная реакция на изгнание, попытка сохранить вдали от Родины историческую память, национальную идентичность, традиционные ценности и уклад.

Русская диаспора в Праге продемонстрировала многообразие форм организации повседневной жизни. Жизнь на чужбине породила разные модели поведения эмигрантов, которые зависели как от их статуса в эмиграции, так и от желания интегрироваться в местную среду. При этом формы организации повседневной жизни были тесно связаны с дореволюционными традициями. Система ценностей русских эмигрантов была ориентирована на код дореволюционной культуры. Следование ему проявлялось в том числе на уровне организации повседневной жизни, что находило выражение в одежде, обстановке жилищ, пище, досуге и развлечениях и др. Эмигрантское бытие было неразрывно связано с мифом о потерянном Доме. В то же время повседневная жизнь эмиграции не была замкнута границами диаспоры, она тесно соприкасалась с чешским культурным окружением. Отношения меж-

ду русскими и чехами складывались не всегда гладко. Здесь играли свою роль и конкуренция, и простое непонимание, вызванное устойчивыми этнокультурными стереотипами, и ментальные различия. Адаптация к новым условиям жизни и работы протекала для многих эмигрантов весьма болезненно. Долгое время они были уверены, что смогут вернуться на Родину, поэтому не стремились сливаться с чешской средой. Психологическая и социальная готовность к столь значительным жизненным переменам была крайне низкой.

Повседневная жизнь русской эмиграции представлял собой многоуровневую самоорганизующуюся систему, существовавшую в воображаемом пространстве Зарубежной России. Его характеризовало постоянное движение и развитие. Эмигрантское бытие складывалось в границах определенного локуса и хронотопа. Локус служил пространственной рамкой, в которой развивалась культурная, интеллектуальная и повседневная жизнь. В то же самое время он являл собой «вызов человеку как носителю определенных культурных ценностей, заставляя его приспосабливаться к себе, осваивать культурные смыслы, связанные с данным локусом»[505]. Еще М. М. Бахтин в своих работах развивал понятие хронотопа, под которым понимал взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе[506]. С этой точки зрения таким хронотопом являлась русская Прага. По словам О. Р. Демидовой, в эмигрантской среде могли складываться как типологически близкие друг другу, так и чуждые хронотопы. Бытовала разная оценка явлений, существовавших в рамках одного и того же хронотопа. Этим объяснялось и противоречивое восприятие Праги в глазах русских эмигрантов, которые одновременно писали о ней как о центре славянского мира, так и о культурной провинции Европы.

---

[505] *Демидова О. Р.* Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья. СПб., 2003. С. 27.

[506] *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

КОВАЛЕВ Михаил Владимирович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПРАГЕ В 1920 – 1930-Е ГОДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Работа подготовлена в авторской редакции.
Компьютерная верстка М. В. Ковалева

Подписано в печать 10.11.2014 Формат 60х84 1\16
Усл. печ. л. 9,63

Саратовский государственный технический
университет имени Ю. А. Гагарина
410054, Саратов, ул. Политехническая, д. 77.
Отпечатано в Издательстве СГТУ имени Ю. А. Гагарина.
410054, Саратов, ул. Политехническая, д. 77.
Тел.: (8452) 99-87-39. E-mail: izdat@sstu.ru